

реальность фантастики

№6 2010

Повесть:

Ольга Онойко
«ЛЕТЧИК И ДЕВУШКА»

Рассказы:

Татьяна Адаменко
«УДУШЬЕ»

Мария Парфенова
«СЕДАЯ, РУСЫЙ
И ЗОЛОТОЙ»

Критика:

Павел Амнуэль
«РЕКВИЕМ
ПО НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКЕ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 6 (82) 2010

1. Ольга Онойко	/ ЛЕТЧИК И ДЕВУШКА	4
2. Денис Голиков	/ ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ	53
3. Татьяна Адаменко	/ УДУШЬЕ	69
4. Андрей Балабаев	/ КАРТИНА РАБОТЫ МАСТЕРА	83
5. Мария Парфенова	/ СЕДАЯ, РУСЫЙ И ЗОЛОТОЙ	99
6. Роман Дингер	/ КРЕЙСЕР ЕГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА . . .	114
7. Игорь Вереснев	/ ШОРОХ ПАЛОЙ ЛИСТВЫ	130
8. Алекс По	/ ШИЗОФРЕНИЯ	143
9. Павел Михненко	/ ГОРЮША	155
10. Ася Михеева	/ ЧАЙНЫЙ ЭЙДОС	164
11. Андрей Новоселов	/ СПИТ КРАСАВИЦА В ГРОБУ	171
Критика		
12. Павел Амнуэль	/ РЕКВИЕМ ПО НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ	173
Рецензии и отзывы		
13. Галина Каргальская	/ СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД	187
14. Илья Суханов	/ СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ НУКТ	195
Кинопортал		
15. Лев Гурский	/ ДЛИНА, ШИРИНА, ГЛУБИНА	198
Репортаж		
16. Олег Силин	/ КРЫМСКАЯ ВОЛНА	203

Новости фэндома

17. Новости — исключительно хорошие 206

ОЛЬГА ОНОЙКО

ЛЕТЧИК И ДЕВУШКА

1. Летчик

Летчик проснулся затемно, но хозяйка встала еще раньше. Сквозь сон он слышал ее шаги под окнами, звяканье подойника, меканье коз в хлеву. В этот час суток пару недель назад скот выгоняли на пастбища. Потом утренние росы стали слишком холодными, а сейчас, должно быть, травы покрыты инеем... «Пора, — снова подумал летчик. — Время поджигает. Или... решиться и зимовать здесь?» Но он понимал, что «перезимовать» значило «остаться навсегда», а оставаться на хуторе он не мог.

Двигаться не хотелось: тощая постель едва хранила тепло. С вечера дом основательно протопили, но к утру даже второй этаж успел выстыть. Летчик спал, завернувшись в одеяло и высунув наружу только нос. Кончик носа заледенел.

Светало медленно и будто бы тяжело, через силу.

«Пора вставать, — подумал летчик, заново засыпая, — пора вставать...»

...Одаль коротко пролаял пес, заржала лошадь: должно быть, утренний охотник вернулся, привез зайца или косулю. Когда летчик проснулся во второй раз, внизу уже бухали ножищи хуторских мужиков и гремели сковородками хозяйские дочери.

«Скви-скви-скрип», — проговорила лестница под чьими-то быстрыми шагами. Прошуршала по коридору многослойная юбка, скрежетнула ручка ведра, шумно полилась вода в бачок раковины... Летчик беззвучно зевнул, вжавшись лицом в холодный угол подушки. Дверь приотворилась, скользнул в горницу кто-то теплый, пахнувший молоком, хлебом, уютом, — и выскользнул, оставив кусочек аппетитного запаха.

Летчик глубоко вздохнул и открыл глаза.

Его кровать стояла в нише, выгороженная цветастой занавеской на больших медных кольцах. От занавески пахло мылом и почему-то мышами, хотя мышей в доме не водилось. Отдернув занавеску, летчик увидел на столе большую, как маленький кувшин, кружку молока, накрытую толстым ломтем хлеба. Тогда, скрепившись, он вылез из-под одеяла, стал приседать, махать руками и крутить головой, разгоняя кровь.

Парное молоко оказалось почти горячим: хозяйка подержала его в печи перед тем, как нести гостю. На ломте хлеба с нижней стороны остался влажный молочный крут.

Позавтракав, летчик почувствовал, что совсем согрелся. В доме всю

топили, скоро должно было стать жарко. Летчик вышел в коридор, без спешки умылся и почистил зубы у рукомойника. Вещи он собрал еще вчера и вчера же попрощался с хуторянами. Хотел уйти пораньше, чтобы лишний раз не мытарить душу — да вот не вышло. «Элис, наверно, сердится, — подумал летчик. — Четыре месяца уже ждет, а я и в последний день все вольнуку тяну...» Но он знал, что Элис его простит.

Он вернулся в комнату, натянул свой синий зимний комбинезон, подбитый кроличьим мехом, и сапоги из коровьей кожи с овчинной подкладкой. Поискал шарф и вспомнил, что оставил его в кокпите вместе с очками и шлемом. Вся одежда была армейского образца. Летчику часто вспоминалось, что в армии он носил форму поположе. Он был очень молод, его призвали за полгода до окончания войны, когда на обмундировании уже экономили. Он сбил четыре самолета противника. Всего одного не хватало, чтобы официально считаться асом. Не успел — война кончилась.

Застегивая ремешок часов, летчик глянул в окно и увидел, как вдалеке на металлической кровле ангара серебристо сверкает солнце. «Элис», — подумал он.

Он спустился по внешней лестнице, чтобы не идти через кухню и не встречаться с хозяйскими дочерьми. Звали их Литейн и Игрейн, обе были хороши собой и обе отчаянно невестились... Утренний холод ударил в лицо, укусил за плечи, но не мог справиться с меховой подкладкой костюма и отступил. Слетели остатки сна, прояснились мысли. Летчик вдохнул полной грудью. Тропинки обледенели, но подошвы его сапог не скользили, и он бодро перешел на бег.

В ангаре было совсем темно. Дизель на хуторе включали только по вечерам, об электричестве нечего было и вспоминать. Летчик распахнул двери настежь, и во мраке перед ним очертился малиново-красный бок Элиса.

— Привет, — сказал Элис.

— Привет, — сказал летчик.

Он прошел вперед и стал убирать ящики с инструментами и всякой рухлядью, которые хозяйева успели наставить на выезде. До того, как на хуторе появились летчик и Элис, ангар использовали как сарай, а еще раньше тут был козлятник. Хозяин и заказывал его под козлятник. Но оказалось, что постройка плохо держит тепло, зимой козы простужались. Теперь козы жили в другом хлеву, основательном, бревенчатом.

— Холодно, — пожаловался Элис.

— Холодно, — согласился летчик.

Он стянул с гаргрота тяжелое одеяло и похлопал Элиса по фюзеляжу. Элис невнятно проворчал что-то недовольное, а потом заскрипел проволочными расчалками, будто потягивался. Летчик открыл кокпит, заглянул внутрь, нашел парашют, сумку с книгами, шлем, очки и перчатки. Обследовал привязные ремни и карабины, сверил часы.

— Элис, — спросил он, — ты не помнишь, где я оставил сумку с вещами?

Самолет поразмыслил.

— Где-то слева рядом с седлами.

— Ага. Спасибо.

Летчик направился в дальний левый угол и некоторое время бродил там впотьмах, спотыкаясь о ящики, пустые ведра и части конской упряжи. Сумка канула бесследно. Летчик готов был уже заподозрить, что ее ночью забрала и спрятала Литейн, имевшая на него виды, когда услышал голос Элиса, вместе стариковски насмешливый и детски капризный:

— Парень, ты бы меня завел, что ли.

— Бензин зря не жги, — с досадой отвечал летчик, пинная очередное подвернувшееся под ноги седло.

— Тут холодно. И темно. И противно.

— Сейчас выедем.

— Я наружу хочу.

Летчик в темноте с размаху попал коленом об угол какого-то сундука и злобно выругался.

— Сейчас, — выдохнув, сквозь зубы повторил он.

— У некоторых закрытый кокпит. И шарфик. А я голым фюзеляжем сверкаю.

— Разгонишься — станет жарко.

Элис снова скрипнул расчалками.

— Парень, — сказал он, — я вижу, ты идешь на принцип. Ладно уж. Заведи меня. Я фонарь включаю.

Тихо поскрипывали шасси. Летчик шел впереди, Элис выруливал за ним. Верхнее крыло нависало над головой. Боковым зрением летчик следил за тем, как взмахивает винт. Самолет сейчас напоминал послушную лошадь. Летчик усмехнулся этой мысли. Хозяин мастерской, где он купил Элиса, предупреждал, что нрав у триплана скверный и с ним придется несладко. Но они приглянулись друг другу. Летчик дал над островом мастера пробный круг, выполнил пару фигур сложного пилотажа и нашел, что в воздухе триплан безупречен. Заходя на посадку, летчик уже знал, что другой самолет ему не нужен, а мастер, наблюдавший за ними с земли, и не стал предлагать других.

Элис бурчал, что у него затекли элероны, но раз бурчал про себя — значит, неполадок не было.

Летчик вывел его на край поля, давно сжатого и плоского, как стол. Остановил триплан на травке, чтобы винт не поднимал пыли, и начал прогревать мотор. Элис приободрился и стал травить анекдоты, но летчик его не слушал.

Осеннее солнце лило на землю холодные светлые лучи. Было безветренно и очень тихо. Вдали темнел еловый лес, на опушке его там и здесь вспыхивали алым и золотым лиственные деревья. С зеленой еще травы сходил иней. Летчик кинул взгляд в сторону хозяйского дома. Тут он прожил

четыре месяца: славное, доброе было лето. Ему нашлось и место, и дело, хутор принял его как родного. Вместе с хозяином он чинил комбайн, потом летал на соседнее небо, на завод, за новыми аккумуляторами, потом привез Нилану-Читайке невесту с Земли и катал на свадьбе гостей. Застрелил в лесу волка, выбрал в конюшне «свою» лошадь, перемигивался с хозяйскими дочерьми... Можно было бы жить здесь и добрую осень, и зиму, и всю жизнь.

Литейн и Игрейн вышли на крыльцо и смотрели, как он готовится отправляться. Смотрели пристально, без укора, с бездумной тоской, сложив руки на чистых передниках. Летчик подумал: хорошо, что на хуторе хватает мужиков. Улетать, зная, что он оставляет хозяйство без мужской руки, было бы куда тяжелей.

Но ему пора было в путь. В самом деле, пора.

Он сунулся в кокпит и вытянул из сумки тетрадь с расчетами.

— Крылья! — взвыл над ухом триплан. — Гад, не ходи ногами по крыльям!..

— Извини, — сказал летчик и раскрыл тетрадь, прижав ее к борту. — Слушай. Если все пойдет хорошо, завтра мы будем на небе Марса. Венера в афелии, проход через небо Солнца наименее опасен. К тому же встречного ветра почти не будет. Стало быть, планируем как обычно. Если я правильно посчитал, нас как раз отнесет к Деймосу. Там дозаправимся и полетим на Марс. Элис, готов?

Летчик уже однажды форсировал небо Солнца — давно, во время войны. Тогда под ним был другой самолет. Элис по этому маршруту летел впервые.

И он боялся. Настолько, что даже не пытался это скрыть. Некоторое время он молчал, только мотор его рокотал все громче и громче и все быстрее вращался винт. Потом триплан сказал:

— А если ты посчитал неправильно?

У летчика был заготовлен ответ.

— Тогда ветер отнесет нас к какому-нибудь астероиду или к одному из спутников Юпитера. Но придется лететь долго, не спать несколько суток. А мне придется еще и чистым эфиром дышать. Тоже удовольствие небольшое.

— Понятно, — сказал Элис и снова замолчал. Летчик положил руку на носовую часть фюзеляжа, обшитую алюминиевыми листами. Мотор вибрировал. Элис словно дрожал. Но он всецело доверялся летчику и не думал с ним спорить. Летчик вспомнил свой первый, боевой самолет. Тот был не слишком-то разговорчив, и сдружиться они не успели, но перед вылетом летчик чувствовал то же: полное доверие и послушание машины, такой сильной и хрупкой.

Он проверил магнето и генератор, а потом отошел на несколько шагов, чтобы напоследок полюбоваться Элисом. Было это у него что-то вроде суеверия — так другие садятся посидеть перед дальней дорогой. Силуэт

триплана четко вырисовывался на фоне светлого небосвода, легкий как бабочка и вместе с тем неуклюжий. Солнце поднималось. Малиново-алые бока становились все ярче. «Ничего, — с веселой верой подумал летчик. — Хорошо долетим».

— Ты позавтракал? — вдруг спросил Элис.

— Нет, — сказал летчик, возвращаясь к нему. — Я вчера попросился со всеми. А сегодня утром хозяйка принесла мне молока с хлебом.

— Они к тебе привязались.

— Я к ним тоже, — ответил летчик и прыгнул в кабину. Застегнул поясные и плечевые ремни, затянул их, надел шлем и задвинул над головой стеклянную крышу. — Элис, иди на взлет.

Он потянул штурвал на себя, триплан напрягся, как лошадь перед прыжком, «ну!» — мысленно крикнул летчик, — и колеса шасси отъединились, наконец, от мягкой серой земли. Секунду спустя под ними уже плыли зеленые макушки леса. Мотор рокотал ровно. Разминая элероны, Элис слегка кренился вправо и влево, а потом пошел как по струнке, энергично набирая высоту. Летчик даже придержал его. Хотелось в последний раз взглянуть на хутор.

И они описали круг над хозяйским домом. Триплан сохранял большой угол кабрирования, высота росла. Скоро вдалеке, за холмами, засеребрилось озеро и впадающая в него река. За рекой расстилались поля озимых — все еще до самого горизонта. Летчик знал, что когда они поднимутся выше, то увидят горную гряду, и океанский берег, и острова.

— Помнишь, — окликнул Элис, закладывая вираж, — как мы катали гостей? На свадьбе?

— Помню.

— Ну и упился же ты тогда, — не без ехидства сказал триплан. — Был бы я конем, я бы тебя сбросил.

Летчик помрачнел и не ответил.

Он начал увеличивать скорость и твердой рукой направил Элиса носом в небо. Небо было чистое, бездонное и страшновато-прозрачное, как будто межпланетный эфир просвечивал за пеленами атмосферы. Элис оробел и смолк.

Но его болтовня пробудила в летчике воспоминания: почти полгода назад в такое же ясное утро он вылетал с Земли. Тогда все было иначе. Ни секунды он не сожалел о том, что покидает центр мира. Каждый преодоленный километр приближал его к мечте. Сознание этого опьяняло. Казалось, разбежись хорошенько — и взлетишь без самолета... Друзья отговаривали его. Даже бывшие однополчане считали, что его затея безумна, экспедиция самоубийственна. А тетушка Ньена, помнится, взялась убеждать, что за пределами Земли сплошная дикость и варварство и для разумного молодого человека нет совершенно никаких перспектив.

«Как-то она там?» — подумал летчик, улыбнувшись. Месяц назад он отправил тетушке письмо. Должно быть, оно уже дошло по назначению. Ответное письмо тетушки вернется к ней с пометкой «адресат выбыл»... Да, все иначе. Он по-прежнему идет к мечте, но слишком долгий путь. На Луне летчик провел три дня, на Меркурии — две недели, Венера остановила его больше, чем на четыре месяца... «Полдороги пройдено, — сказал он себе. — Потом станет проще. Небо Солнца — это рубеж».

Никогда не забыть, как преодолевал его впервые. Тогда он летел на другом самолете, на биплане, в строю. Эскадрилью вел опытный старый капитан. Солнце было куда ближе, чем сейчас, обшивка раскалялась, солнечный ветер дул не в хвост, а в бок, и приходилось идти с креном в сорок пять градусов. Перед летчиком угловатым черным выростом маячил прицел его пулемета. Летчик молился, чтобы их не атаковали. Солнце неумолимо приближалось, малейшая задержка в теле солнечной сферы грозила гибелью. Самолет от перегрева начал рыскать, он переставал слушаться руля, и никак нельзя было совладать с этим. Летчику хотелось перекинуться с машиной хоть парой слов, подбодрить ее и себя, но хмурый биплан помалкивал, и летчик помалкивал тоже... Минуты, час, другой, третий. Они прошли сквозь плоть четвертого неба и вырвались в чистый эфир. В шлемофоне раздался веселый голос капитана. Летчик не помнил, что он говорил. Кажется, речь шла о нашивке за сложный маршрут. Они добрались до Марса спокойно, без потерь, даже не встретившись с противником. Ничего не случилось...

Летчик глубоко вздохнул и помотал головой.

Двигатель Элиса работал теперь на полную мощность. Триплан поднимался все выше, и все выше становился процент эфира в воздухе. Приближалась эфиропауза, пограничный слой между атмосферой и эфиросферой. Пересечение «эфирного горизонта» было самой сложной частью полета: воздух в эфиропаузе становился слишком разреженным, чтобы поддерживать крылья, но оставался слишком плотным для того, чтобы ветер превратился в солнечный свет.

— Держись! — крикнул летчик Элису. — Нельзя терять скорость!

— Знаю! — огрызнулся триплан. Ему приходилось туго.

«Мы долетим», — мысленно сказал летчик.

Проходя эфиропаузу, он всегда повторял это немудрящее заклинание. Полгода назад, с началом его отчаянного путешествия, оно стало немного длиннее.

«Мы долетим. Мы летим к неподвижным звездам».

— Парень, — сказал Элис, когда они, наконец, вышли в эфир, — слушай, ну почему я все-таки Элис?

Летчик весело хмыкнул. Некоторое время он был занят: натягивал кислородную маску и ларингофон. Потом ответил:

— Я собирался назвать самолет в честь моей девушки. Я же не знал, что ты окажешься таким упрямым.

— Это я упрямый?! — триплан поперхнулся от возмущения. Он уже выключил двигатель и только поэтому не начал им кашлять. Вместо того он дал крен в сорок градусов с сильным рысканьем, заставив летчика повиснуть на привязных ремнях, а его желудок — подкатить к горлу. Но летчик не обиделся.

— Я — главный, — с достоинством сказал он, выравнивая самолет. — Поэтому ты — Элис. А ты — упрямый. Иначе согласился бы стать самолетом-девушкой. В самом деле, ума не приложу, почему тебе не все равно.

— Тебе не понять, — проворчал Элис.

Такие перепалки происходили между ними постоянно и очень забавляли летчика. Он подумывал, что ни за какие коврижки не променял бы Элиса на что-нибудь менее болтливое и смешливое. С Элисом он ни минуты не чувствовал себя одиноким. Конечно, машина — всего лишь машина: пускай красный триплан умел капризничать и шутить, он не смог бы ни оспорить решение хозяина, ни усомниться в его правоте. Но летчик редко вспоминал об этом.

— Кстати о девушках, — продолжал болтать Элис. — Дочка хозяйки — Литейн, что ли — пыталась приворожить тебя своей месячной кровью.

— Я знаю, — ухмыльнулся летчик.

— А почему у нее не вышло? — залюбопытствовал Элис. — Я видел, планеты стояли благоприятно.

— Да, но результирующий вектор надо было делить на двадцать девять, а она умножила...

Элис расхохотался.

— ...зачем мне такая девушка? — закончил летчик и тоже засмеялся.

Небо Венеры осталось позади, и словно бы оборвались все нити, связавшие его с Венерой. Стало легко, как прежде. Элис мчался по чистому эфиру, заглушив двигатель, со скоростью, которой не мог развить самостоятельно ни один механизм. Эфир был настолько тонкой субстанцией, что главным двигателем в нем становился свет. Давление света на крылья сообщало самолету импульс. Триплан говаривал, что это его любимое время: ляжешь на солнечный ветер и лежишь себе, а тебя несет как пушинку.

Летчик мог только порадоваться за Элиса. Самому ему везло куда меньше. Теоретически эфир был пригоден для дыхания; во время войны, случалось, пилоты-разведчики неделями не вдыхали нормального воздуха и оставались живы и здоровы. Но уже через час «эфирной диеты» накатывала жестокая дурнота, кружилась голова, а содержимое желудка извергалось наружу. Еще и поэтому летчик планировал голодать в пути: он не мог быть уверен, что воздуха в баллонах хватит до Марса. Исправление же естественных надобностей в полете вообще было делом неприятным и трудоемким. Гигиенические сосуды герметично закрывались, но Элис все равно раздражался, мерзко скрипел всем корпусом и устраивал болтанку.

Летчик поморщился, усмехнулся и поднял взгляд.

Эфир был абсолютно прозрачен: самое прозрачное вещество в природе... Можно было различить потоки солнечного ветра, инверсионные следы комет и метеоритов, а в бинокль — едва приметную кривизну мировых сфер. Там эфир, по неизвестным пока причинам, резко уплотнялся. Издали он становился похож на хрусталь. Астрономы древности считали, что планетные сферы действительно состоят из хрусталя и при движении издают неслышимые, но божественно гармоничные звуки. С началом эпохи межпланетных полетов выяснилось, что «хрусталь» в действительности более всего напоминает туман, а уменьшение прозрачности сфер сродни непрозрачности облаков.

Справочники говорили, что с приближением к сфере неподвижных звезд плотность планетных сфер возрастает. В то же время по мере удаления от центра мира тела становились легче, а температура кипения снижалась. Предполагалось, что причиной тому повышение содержания эфира в материи: Земля — средоточие плотных элементов, а звезды сотканы из тончайших. «На Юпитере живут люди, — размышлял летчик, — а вот на Сатурне разве что пара городов... Оттуда близко до сферы звезд. Как говорится, рукой подать. Можно ли там встретить звездных людей? Или расстояния для них совсем ничего не значат?..»

— Думаешь, твоя звездная Элис не ошибается в расчетах? — все еще смеясь, окликнул триплан, и летчик вздрогнул.

Элис.

Его девушка.

Элис в синем платье, с синими цветами в руках.

Элис серебряная, тихо зовущая.

Девушка, которую он должен найти, потому что без нее не мила жизнь.

«Я бросил все и кинулся за ней как сумасшедший, — подумал летчик. — Она — моя единственная, необходимая. Но теперь я так редко ее вспоминаю. Странно...»

Раньше она снилась ему каждую ночь.

Снилось, как она подходит к нему после парада. Как улыбается ему единственному и робко трогает ладошкой его медали. Как вкладывает в его руки букет синих цветов — огромных как розы, растрепанных как лотосы, небывалых... Городские улицы гремели от радости, отовсюду неслись торжественные марши и песни, и в каждом парке, на каждой площади танцевали. Праздновалось заключение мира. В тот день летчик как никогда чувствовал себя смельчаком, почти героем. Он взял Элис под руку и повел ее гулять, словно простую девчонку, хотя она была на Земле гостьей, незваной, чуждой как призрак. Было странно касаться ее живой плоти. Дрожь пробирала до костей. До сих пор пробирает, стоит только припомнить. Элис вся словно звенела от легкости и ужасающей чистоты эфира восьмого неба. Что была ей та война и тот праздник? Она не принадлежала ни стране, ни планете, ни даже породе людской, которой принадлежал летчик...

В ее краю обитали иные люди: вспоенные эфиром. Они всюду являлись и исчезали свободно. Бездны пространства, разделяющие планеты, не были для них преградой. Многие считали, что они — только вымысел мистиков и гадалок. В научно-популярных журналах публиковались статьи: «развенчание мифов современности» или вроде того. Профессора писали, что даже если бы в самом деле эфир мог породить живые и мыслящие существа, то эти существа никак не походили бы на людей.

Но летчик встретил Элис у выезда с аэродрома. Он брал ее за руку и обнимал ее плечи, а ввечеру целовал ее губы и в здравом рассудке слышал, как она клялась его ждать.

Элис.

Девушка со сферы неподвижных звезд.

— Я не знаю, — ответил летчик триплану. — Мы с ней ничего не подсчитывали. Но судя по тому, что она может перенестись по эфиру с восьмого неба прямо на Землю, а потом обратно... Нет, не ошибается.

Самолет что-то невнятно пробурчал. Потом сказал громче:

— А неплохо так уметь переноситься.

— Да я бы не отказался.

— Говорят, изобретут такую машину.

— Я слышал, ученые ставили опыты с эфиром. Вроде что-то получалось. Но это давно было, пару лет назад, а с тех пор ничего не слышно.

Элис задумчиво скрипнул расчалками и вдруг помрачнел.

— Изобретут машину, — уныло сказал он, — и перестанут люди летать на самолетах. Будут переноситься, как звездные.

Летчик засмеялся.

— Не бойся, — сказал он, — я тебя не брошу.

Мало-помалу их окружало мягкое, всепроникающее золотое свечение. Громадное пространство эфиросферы осталось позади. Самолет приближался к небу Солнца. Издалека оно казалось твердым — так с поверхности планеты кажется твердым лазурный небесный свод. Небо Солнца отличалось от прочих мировых сфер цветом. Напрашивалась мысль, что высокая температура светила окрашивает эфир, но в действительности никакой связи здесь не было. Наука этот феномен еще не объяснила. Летчик просто знал по опыту, что лететь сквозь любую сферу не сложнее, чем сквозь облако.

Элис тоже знал, но все равно забеспокоился снова.

— Эй, парень, — тревожно сказал он. — Сквозь это точно можно пролететь?

— Я пролетал.

— И ничего не сгорело? Не расплавилось?

— Элис, я ведь жив, — буднично сказал летчик. — И тот самолет тоже. А сейчас к тому же время удачное, мы практически хвостом к Солнцу идем.

— Мы, — пробурчал Элис, пытаясь совладать с боязнью, — хвостом идем. Убери свой хвост от моего, аэродинамику портишь.

Летчик засмеялся.

— В прошлый раз, — сказал он, — мы шли с креном в сорок пять градусов, потому что Солнце уже подкатывало. Но никто не расплавился. А сейчас мы вообще в афелии. Успокойся. Давай, что ли, истории друг другу рассказывать.

Летная полоса аэропорта Раннай в Ацидалийской ривьере оказалась самой дрянной летной полосой, на которую только им обоим приходилось садиться. Элис порвал себе резиновый шнур амортизатора шасси. Но он чувствовал такое облегчение от мысли, что ужасный маршрут, наконец, пройден, что даже не расстроился из-за поломки. Как всякое крылатое существо, красный триплан очень любил летать, но форсирование четвертого неба, посадка на крошечный Деймос и, в особенности, четыре последних часа в атмосфере Марса стали для него испытанием. После бешеной скорости, которую Элис развил в эфире под давлением солнечного ветра, ползти по воздуху исключительно на тяге собственного винта было обидно, скучно и тяжело.

И все четыре часа Элис рассказывал об этом летчику. Летчик закипал, как чайник на плите, но молчал. Терпел. Он был виноват. Он неправильно рассчитал угол вхождения в эфиропазу, их отнесло черт-те куда и вместо того, чтобы спокойно и с достоинством спускаться витками над аэродромом, Элис вынужден был тащиться по прямой над проклятым Ацидалийским морем. Еще повезло, что погода выдалась летная.

Теперь охромевший, но счастливый Элис тихонько выруливал на перрон аэродрома, а летчик подозрительно озирался. Механики на Деймосе оказались славными парнями и чем могли — помогли, но Марс все же встречал его неприветливо. Как-то дальше пойдут дела... Аэровокзал не производил приятного впечатления. Еще до того, как Элис начал выруливать, летчик постановил, что здесь триплан не оставит. Может, зрение его обманывало, но даже стекла портовых терминалов были нецелые. Снег убирали здесь редко, а ангары выглядели хуже, чем хуторский козлятник. Летчик напряженно размышлял. «Элис сегодня не взлетит, — понимал он, — да и я не взлечу, никаких сил не осталось. Найдется ли тут грузовик?»

Элис остановился. Налетал ветер, неоткуда было взяться колодкам под колесами шасси, и самолет сладко вздрагивал всем корпусом, точно потягивался. Он наслаждался покоем.

«Пропади оно все пропадом! — решил летчик. — Спрошу телефон и закажу грузовик из Ацидалии. В Ацидалии все есть».

С тем он открыл кокпит и вдохнул морозный воздух марсианской зимы.

Немедленно летчик ощутил волчий голод, а муторное утомление целых суток превратилось в неодолимую слабость. Сон наступил, как великанская нога на голову. Есть и спать захотелось одинаково сильно, и, кажется, только поэтому он не заснул на месте. Сейчас он мог бы отключиться прямо в Элисе. Пожалуй, Элис, застывший в блаженном оцепенении, возражать

бы не стал... Летчик крикнул, потер лицо ладонями, мучительно жмурясь. Много еще ждало дел.

Авиатехник появился внезапно, как чертик из табакерки. Порт Раннай не походил на место, где люди усердно работают, помощи летчик не ждал, и тем больше была его радость.

Техником оказался лысый румяный дядюшка, деловитый и рукастый. Летчик высунулся наружу, приветствуя его. Затекившие конечности еле шевелились. Он стал отстегивать привязные ремни, а дядюшка, не теряя времени, расставил колодки и полез Элису под винт.

— Хорошо долетели! — крикнул он откуда-то из-под фюзеляжа. По напряженности голоса летчик понял, что дядюшка туговат на ухо, и ответил громко:

— Спасибо!

— А шнур-то порвали!

— Знаю! Заменить бы!

— Найдется! Вы никак издалека!

— С Земли!

— То-то я удивился! Кто на Северный Раннай садится, когда Южный уж год как отстроили! Точно издалека!

Летчик развел руками. И на Венере, и на Земле ему советовали аэропорт Раннай в Ацидалии, но последний раз он был на Марсе во время войны, и тогда тут был только один Раннай. И его бомбили.

— Да, не дело, — пробурчал летчик себе под нос. — Надо было на Южный...

Тут подал голос триплан. Верней, сначала Элис просто злобно заскрипел расчалками — словно сварливый старик скрежетал зубами. А потом он очень тихо и убедительно проговорил:

— Нет. Все правильно. Северный.

Летчик расспросил глуховатого техника и обнаружил, что до Южного Ранная отсюда не менее получаса пути даже по воздуху. «Да, — подумалось ему, — под конец такой дороги начинаешь считать минуты. Бедняга Элис. Сел бы позже, не порвал бы амортизатор...» Тем временем добрый техник рассказывал, что Ацидалийская ривьера — огромный цветущий край, прекрасный и притягательный даже зимой, что у Элиса на трех из шести крыльев полотно обшивки отходит от нервюр, и что славные механики с Деймоса, осмотревшие триплан во время дозаправки, состоят с ним, дядюшкой, в родстве. Элис дремал, не забывая ворчать, что кто-то пустил на обшивку гнилые нитки и что амортизаторы шасси у него чешутся. Летчик и хотел бы парировать, что совсем недавно Элис боялся расплавиться и что ему непостижимо, как у машины может что-либо чесаться, — но вместо того просто стоял, ткнувшись лбом в теплый элисов бок и, кажется, засыпал в таком положении.

— А шнур-то я найду! — проорал ему дядюшка в самое ухо. Летчик так и подпрыгнул.

— Спасибо, — сказал он, очнувшись. — А не подскажите, где бы нам остановиться? Денька на три. Отдохнуть, подлататься надо. Разрешите телефонный звонок. Я бы из Ацидалии грузовик заказал.

Дядюшка наморщил лоб, поскреб лысину и вдруг огорчился едва не до слез.

— Да я же толкую! — накинулся он на летчика. — Шнур у меня есть! И нитки самолучшие я дам! Тут теперь жизни никакой нет, не то, что раньше. Я уж так на вас порадовался-то!..

...Стать на постой договорились у дядюшки. С тех пор, как его младший сын женился и уехал жить в Маадим, угловая комната пустовала.

— Смотри, — говорил летчик и чертил на снегу палочкой, — это Земля. Она в центре мира. Она тяжелая, и эфира в ней почти нет.

Алакай ковырял в носу и выглядел оттого совсем дурачком. Но летчик уже знал, что впечатление это обманчиво. Внук дядюшки Тарая все схватывал на лету. В свои пять лет он читал книги, предназначенные для детей вдвое старше. И про Землю ему, конечно, давно было известно. Летчик взялся объяснять вещи куда более занятные.

— Вокруг Земли обращаются восемь небесных сфер. Как стеклянные шарик, вложенные друг в друга.

— Ага. Но они не стеклянные, — умудренно поправил его Алакай. — Ага?

— Не стеклянные. Они состоят из эфира. И все пространство между ними заполнено эфиром. Только там, где сферы — он очень плотный. Понимаешь, как туман. Бывает туман плотный, а бывает — не очень.

Алакай подумал.

— Ага. А еще бывает дождь грибной, а бывает ливень. Ага?

Летчик поразмыслил, но не нашел, что возразить, и только кивнул, дорисовывая на сутробе схему Земной системы.

— В каждой сфере, — продолжал он, — есть дорога. Она кольцевая, неразрывная, оборачивает Землю, как бусы шеню. Она невидимая. Эта дорога называется — деферент. Запомнишь?

— Ага. Деферент.

— Ага. А теперь совсем сложно будет, — сказал летчик и поддразнил: — Объяснять или подождать, пока вырастешь?

Лицо пятилетнего мальчишки стало смертельно серьезным. Он поджал губы: ни дать ни взять маленький профессор.

— Объясните, пожалуйста, — сказал Алакай с достоинством, и летчик улыбнулся.

— По деференту идет воображаемая точка. Такое место, которое есть — но оно как бы невидимое. Как зенит. Ты знаешь, что такое зенит? Или...

— Ага, — быстро сказал Алакай и пожал плечами с видом легкого пренебрежения. — Или как середина пути. На середине пути от нас

до Ацидалии — деревня Ярань. Когда мы ее проезжаем, дедушка всегда говорит: вот, поддороги. Но она же не половина дороги, а деревня. Нигде не написано, что она половина. А если ехать в Маадим, она вообще не половина. Ага?

— Точно, — сказал летчик. — Да ты голова, парень!

Алакай снова пожал плечами, слегка улыбнувшись, но тут же, по вредной своей привычке, взялся за ноздрю и утратил серьезность. Летчик шутливо прищурился и покачал головой.

Был Алакай крепкий полноватый парнишка, румяный как дед, с ясными серыми глазами. Оба глаза его несли на себе «марсианские печати» — темные пятна на радужке, из-за которых зрачок казался раздвоенным. Поначалу летчику было неловко смотреть в эти глаза. Взгляд Алакая напоминал о войне: о враге, о боевых вылетах, о погибших товарищах, о взглядах военнопленных из-за колючей проволоки... Но война давно кончилась, мальчик родился уже в мирное время. Никто из его семьи не служил в войсках диктатора. Скоро летчик перестал обращать внимание на то, что у внука дядюшки Тарая глаза «высокородного», словно у гвардейца диктатуры... В семье мальчик единственный уродился таким, никто из его родни не мог похвастаться даже одной «печатью».

— В общем, так, — сказал летчик. — Идет и идет эта воображаемая точка по деференту вокруг Земли, а вокруг точки обращается планета. Путь, по которому она обращается, называется эпицикл.

— А почему она так обращается?

— Никто не знает. Может, ты разберешься? Станешь астрономом, а? Алакай подумал, дергая себя за ноздрю.

— Нет, — сказал он. — Астрономом не хочу. Я самолеты люблю. Как вы. Летчик расцвел.

С Алакаем он впервые повстречался в ангаре, куда дядя Тарай отбуксировал на специальной автотележке ворчащий, но все равно счастливый и разнеженный триплан. В самом деле, до сих пор ни один авиатехник, даже сам летчик не относился к Элису с таким вниманием и лаской. Летчику оттого стало немного совестно. Ангар оказался прекрасно обустроенным, в нем было тепло и светло, дядюшка Тарай наматывал новый шнур, летчик осматривал нервюры, и оба они заметили Алакаю, только когда Элис со смехом ответил: «А кто же, по-твоему?»

Оказалось, мальчуган от смущения не нашел лучшего, кроме как спросить: «А вы самолет, ага?»

— Я вылетел с Земли, — сказал летчик. — Сможешь перечислить, какие планеты я пролетел?

Алакай хмыкнул.

— Луну, — он стал загибать пальцы, — Меркурий, Венеру. И Солнце, но Солнце не планета.

— Ага, — подтвердил летчик. — А куда я полечу дальше?

— А вы полетите дальше?

— Обязательно.

— Тогда — Юпитер и Сатурн. А потом будет небо звезда.

— Верно. Когда Элансу перетянут крылья, я полечу на Юпитер. Но он сейчас далеко, скорей всего, я сяду на его спутник... Я хочу долететь до неба неподвижных звезд.

— А зачем?

Летчик помолчал, потом улыбнулся. Сказал торжественно:

— Потому что еще никто. Никогда. До него. Не долетал.

И глаза Алакая загорелись восторгом.

...Отец Алакая, старший сын дядюшки Тарая Калан работал на почте. Северный Ранний обезлюдел после того, как в Южном отстроили аэропорт. Здесь все еще работали клуб парашютистов, любительская школа пилотов, несколько мастерских, но доходы местных, и так невеликие, становились все меньше. Многим уже не доставало для пропитания. Семьи одна за другой перебирались поближе к Ацидалини. Там всякому находилось дело. Курортная столица с окончанием пляжного сезона становилась столицей игорной.

— Да дрянь город, — с сердцем говорил Калан, шлепая марки на письмо летчика тетушке Ньене. — Проходимцы да шлюхи да туристы расфуфыренные. Ходят, ходят, деньгами сорят, хвостами метут. Шесть лет прошло, как там все разбомбили в прах. Думаешь, заметно? Еще выше выстроились. Кровушку нашу пьют, как при диктаторе. Ничего не меняется!

Летчик кивал и строил мрачную мину.

Шесть лет назад он был среди тех, кто бомбил Ацидалиню, но разумно молчал об этом.

Марс требовал молчания. Как-то так оборачивались здесь все слова и дела, что молчать приходилось о многом. Элис спросил летчика, почему Алакай — единственный в большой семье обладатель «марсианских печатей». Летчик настрого велел триплану никого об этом больше не спрашивать. О матери Алакая здесь не говорили вслух. Даже сам Алакай ни разу не обмолвился о ней, точно ее не существовало вовсе.

Тремя днями позже, когда летчик с дядюшкой Тараем красили малиново-алой краской перетянутые крылья Элиса, старый техник оговорился — и так летчик узнал, что сыновей у него было трое. Что случилось со средним сыном, навеки осталось тайной: Тарай мгновенно потемнел лицом, закусил ус и заговорил о погоде. Летчик сделал вид, что ничего не заметил, и безусловно согласился, что по нынешним холодам прогреть мотор надо гораздо тщательнее.

«Как много скелетов в шкафу, — думал он. — Но для меня это даже к лучшему. Я не хочу здесь оставаться. Только Алакая жалко».

...Славная вышла бы сказка для пятилетнего ребенка: о таинственных людях со звездного неба, которые всюду бывают вольно, и о девушке

по имени Элис, ради которой можно оставить всю прежнюю жизнь и отправиться в путь. Но мама Алакая тоже отправилась в какой-то путь, и летчик не стал рассказывать ему об Элис.

— Меньше всего эфира на Земле, — рассказывал он ему вместо этого. — В Земной системе плотность эфира неравномерна... то есть она разная. По направлению от Земли к Солнцу эфира становится все больше, Солнце состоит из чистого эфира. Но здесь, на Марсе, эфира почти так же мало, как на Земле.

— Ага, — кивал Алакай.

Только гадать оставалось, понимает парнишка, или ему просто нравится, что с ним говорят как с взрослым.

— Когда я полечу к звездам, — говорил летчик, — то эфира вокруг снова будет становиться все больше. Небо неподвижных звезд состоит из чистого эфира, чистого как слеза...

Мрачный Марс превратился в рыжий неяркий шар под кричаще-алым элисовым крылом. Планета походила на яблоко-паданец. Мотор давно заглушили, и триплан с удовольствием лег на ветер. «Хорошее нынче солнышко!» — сказал он. Летчик согласился. Ветер не вынуждал беспокоиться о потере направления, но позволяя неплохо разогнаться.

День перед вылетом летчик посвятил расчетам. Сейчас Элис уверенно шел к Каллисто, а с нее им предстояло отправиться на Титан. Путь их пролегал мимо больших планет. Тамошние колонисты недолюбливали землян, а кроме того, недолюбливали друг друга. Даже сами юпитерианцы не знали, сколько в точности на Юпитере государств. Полбеда, что летчик служил в армии Земли и только недавно вышел в отставку; угодить на планету в разгар конфликта между местными — вот это была бы беда.

По слухам, на спутниках жил народ поспокойней.

— Ну что, — поинтересовался летчик, — будем истории рассказывать?

— Истории, истории... — благодушно протянул Элис. — Давай, чем же еще заняться. Про свою Элис ты уже рассказывал. А что ты станешь делать, когда ее найдешь?

Вообще-то сейчас была элисова очередь рассказывать. Но спорить летчик не стал, только улыбнулся:

— Обниму и поцелую.

— А потом? — фыркнул триплан.

— А потом сделаю предложение. Руки и сердца, крыла и винта. На любимых девушках, знаешь ли, женятся.

— Вот так просто? — спрашивал Элис. — Женишься на девушке с неба звезда, которая состоит из эфира и перемещается из мира в мир усилием мысли?

— Почему бы и нет? — отвечал летчик с улыбкой. — Она обещала меня дождаться, и я прилетел. То есть прилечу. Обязательно.

— И где вы будете жить? Ты же в чистом эфире все кишки выблоешь.

Летчик скосоротился. Он знал, что некоторое время эфиром действительно придется дышать, и что это будет самый чистый эфир и самый важный момент в его жизни. Для такого момента он планировал припасти кислородный баллон. Но что будет потом, когда кислорода кончится... Он предпочитал не думать об этом заранее. Если случится неловкость, Элис его простит. Он же летел за ней с самой Земли, с Земли до звезд на крохотном самолетике, только потому, что она его позвала.

— Она может приходить на Землю, — сказал он, наконец. — Я отвезу ее на Землю. Или она перенесет нас туда всех вместе... А если ей тяжело жить на Земле, то мы найдем место посередине. Планету, где высокий процент эфира, но я могу не блевать кишками.

Элис заскрипел расчалками.

— И это все? — изумился он. — Процент эфира — ваша единственная проблема? Парень, никто не знает, откуда взялись звездные люди и что они такое, многие вообще в них не верят. Они переносятся по эфиру, появляются и исчезают в один миг. Кто-то говорит, что это древняя и мудрая раса, а кто-то — что юная и бестолковая, но обладающая страшным могуществом. Может, это вообще не люди, а иллюзорные образы, которые создают иные, вовсе непостижимые существа. И ты всерьез собираешься жениться на Элис?

Летчик взялся за штурвал, выправил легкий крен и вернул самолет на курс. Потом откашлялся и сообщил:

— Я ее за руку держал, между прочим. И... кое-что еще. Так что я — уверен.

Триплан тихонько засмеялся.

— А что люди скажут? — поинтересовался он.

— А что? — летчик с нарочитой беспечностью пожал плечами. — Эка невидаль: жена с другого неба. Элис, мы же с тобой Нилану-Читайке невесту везли, помнишь? А один мой однополчанин, Спанга, жену себе вообще с Юпитера привез. Тоже мне, удивление. Одно только — корову доить не умеет. Зато за ней три грузовых биплана пришло с приданным. Породистая млеконосная тля.

Триплан расхохотался так, что начал рыскать и крениться. Летчик стукнул по приборной доске, призывая его к порядку, и уточнил:

— Гигантская тля. Быки — с тебя размером. Теперь Спанга поднялся, варит тлиное пиво. Два завода открыл, а раньше костюма приличного не имел.

— У тебя тоже нет приличного костюма, — ехидничал Элис.

— Зато у меня есть приличный самолет.

Элис хмыкнул и удовлетворенно замолчал.

Вдалеке, широко распутив хвост, неслась сквозь эфир комета. Летчик поглазел на нее и почему-то вспомнил, что если запрокинуть голову и долго смотреть сквозь стеклянную крышу кокпита вверх, в прозрачную

бездну, то можно услышать «музыку сфер» — тихий-тихий, едва доступный уху хрустальный звон. Но это галлюцинация, на самом деле в эфире никаких звуков нет. неподвижные звезды, огромные сгустки чистого эфира, вовсе не звенят и не поют. Они безмолвны, безмолвны и глухи как могилы.

Никто оттуда еще не вернулся.

А с другой стороны, никого еще туда и не приглашали.

— Парень, зачем тебе к неподвижным звездам? — вдруг очень серьезно спросил триплан. — За чудом? За славой? Зачем тебе звездная девушка? Сказка о ней?

Летчик долго молчал. У него не было ответа. Сначала он искал ответ, потом просто рассердился. Лезла в душу и форменным образом допрашивала его малиново-алая шестикрылая машина. Нет у машин такого права — людей допрашивать.

— Сам подумай, — бросил он. — Может, догадаешься.

Элис, против ожиданий, не стал ершиться и подпускать шпильки. Триплан немного помедлил и сказал совершенно другим голосом, задумчиво и невесело:

— Может, и догадаюсь.

— Что? — летчик даже встревожился.

— Моя же очередь рассказывать историю, — напомнил Элис.

Летчик вздохнул.

— Рассказывай...

— Я знаю такую историю, — медленно начал триплан. — Это было в диких местах... или в дикие времена. Там не было самолетов. Не было никаких машин совсем. Люди не строили городов. Они жили племенами, в исконном лесу, откуда нельзя было выйти... Они верили в разные вещи, иногда правильные, иногда странные, иногда дурные. Еще в лесу жили духи. Они были странные сами по себе. Не знали, кто они и какова их природа, не помнили, как появились на свет. Эти духи вообще плохо умели мыслить. Какие-то люди поклонялись им, но от духов редко бывала польза. Другие люди уходили от них подальше. Пожалуй, это были умные люди.

— Да уж, — согласился летчик. — Но что это была за планета?

— Я не помню, — ответил Элис. — Дальше рассказывать?

— Конечно.

— Один из духов поселился в приречной роще. Он был странный, как все: приносил жару, но любил воду. И не водяной, и не огненный дух. непонятно какой. А дело было в джунглях, влажных и жарких, и они вокруг рощи становились все дождливей и жарче с каждым годом. Так, за сотни лет, деревья, грибы и насекомые там стали иными. Они приспособились. Но и дух тоже приспособился. Природа вокруг него перестала меняться. Он просто жил. Но прошла тысяча лет, и рядом с рощей поселилось племя людей.

— Зачем?

— Наверно, все лучшие места уже заняли, — ответил Элис. — Этим

людям было тесно. Они все время боялись, что их станет слишком много и они начнут голодать. Сначала они не приближались к роще духа, но однажды туда забрел маленький ребенок. Он был слабым. Он потерял сознание от жары, упал и умер прежде, чем его нашли. Дух не хотел убийства, но ничего не мог поделать. Он думал, что люди теперь проклянут его и уйдут, а вышло наоборот: люди стали делать вид, что поклоняются ему. Они стали приносить в рощу нежеланных и слабых младенцев, чтобы дух убивал их. Дух жил в этой роще тысячи лет, это был его дом, здесь даже деревья, грибы и насекомые изменились, чтобы жить с ним в покое. Ему было горько уходить, и все же он решил уйти. Но когда по-своему, как перемещаются духи, он сделал шаг, то увидел, что в исконном лесу действительно стало тесно. Ему некуда было идти. Все, что он мог — это убивать детей быстро и безболезненно.

— Ну и истории у тебя, — проворчал летчик. — От таких потом кошмары снятся.

— Это не конец, — сказал Элис. — Слушай, что было дальше. Один младенец, из тех, кого принесли для духа, оказался очень сильным. Он выжил. Он рос и привыкал к страшной жаре, как привыкли грибы и насекомые, но не за тысячу лет и миллион поколений, а один, сам. Скоро он уже почти не замечал жары... А дух к нему привязался. Он утратил свое одиночество, но не сожалел ни минуты, потому что взамен получил понимание и стремление. Теперь он знал, чего хочет. Так было гораздо лучше жить. Дух служил своему мальчику и заботился о нем как умел.

— Что с ним потом стало?

— С кем? С духом?

— С мальчиком.

— Ничего. Младенец стал ребенком, потом подростком. Чему его мог научить бесплотный дух? Они понимали друг друга, но не разговаривали.

— Из парня получился колдун?

— Нет. Я же сказал: чему и как его мог научить дух? Мальчик просто жил в Жаркой Роще. Стал мужчиной, но так и не узнал женщины. Потом состарился и умер. Однажды он попытался выйти к людям, но люди прогнали его. Они испугались. И немудрено, ведь парень действительно стал другим. А дух не мог дать ему даже общества теплокровных животных, как в той сказке, которую ты тоже знаешь. Животные боятся сильной жары. Поэтому у мальчика были только змеи, рыбы и жабы. Грибы, деревья и насекомые. Не очень весело.

Триплан помолчал. Летчик хмурился и не говорил ни слова.

— Я к чему рассказываю это, — пояснил Элис. — Если бы тот мальчик пропал... или с ним что-то случилось... дух сделал бы для него все. Этот человечек ему был... как свет. Единственный свет.

Летчик вздохнул. Поерзал в кресле, устраиваясь удобнее, и снова вздохнул.

— Откуда ты все это знаешь, если они не разговаривали? — спросил он. Элис не ответил.

Летчик ждал-ждал, потом неловко проговорил:

— Ладно. Теперь моя очередь.

Над Ксанаду, единственным обитаемым материком Титана, стояла плотная облачная система.

Тело чудовищной тучи было неоднородным. Где-то его раздирали грозы: в бронзово-черных недрах бушевало пламя, утесистые горы облаков громоздились друг на друга и проваливались страшными водоворотами — должно быть, внизу ходили смерчи. Где-то царило спокойствие, и прогадины вытаивали в белой тонкой зыби... Туча казалась метеорологическим курьезом. Она была слишком велика для маленькой планеты — под стать скорей самому Сатурну, чей громадный, украшенный полукольцом месяц недвижно висел в небе над головой. Но это занимало летчика меньше всего.

Кислород давно кончился. Летчика жестоко мучило, он давно не спал и не ел, плохо соображал и все никак не мог принять решение. Элис терпеливо шел по нижнему краю эфиросферы, довольствуясь тем, что его не гонят спускаться в эфироплазу. «Нужно спускаться... — думал летчик. Мысли в голове были рваными, как ветошь: — Куда же деться... спускаться нужно, там внизу кислорода...»

Он преодолел очередной рвотный позыв и застонал. Внутри не осталось даже желчи, а кишки все равно скручивало.

— Адирн, — мучительно повторил он вслух. — Местность называется... Адирн. К востоку от нее есть кратер, огромный кратер от удара метеорита. Называется Синлап. Вокруг него — город... тоже Синлап. Это единственный... большой город... Нам нужно...

— Нам нужно туда, — терпеливо и печально продолжил за летчика Элис. Триплан ему очень сочувствовал. — Но мы совершенно не знаем, как пройти через чертово облако. Если нырять в прогалину, рискуем угодить в грозу или смерч и разбиться вдребезги. Можно махнуть по эфироплазе к краю тучи, но мы все равно не знаем, доберемся ли под ней до чертова Синлапа. Потому что там, внизу, грозы и смерчи... Парень, пока мы в эфире, может, развернемся и пойдем на Сатурн?

— Нет, — сказал летчик, — нам надо в Синлап.

Элис скрипнул расчалками, будто пожал плечами. Летчик молчал. Он уже рассказывал самолету, зачем им в Синлап. Не было сил проговаривать еще и это.

На Каллисто летчик встретил однополчанина. Тот в конце войны дал зарок убраться подальше и от Земли, и от Марса, а слово у него не расходилось с делом. Сразу после заключения мира Раман Динг вышел в отставку и улетел на Каллисто. Летчик шел с ним два дня: вспоминали былое, разбирали настоящее. У Рамана для него нашлась не только выпивка, но и хорошие новости. Во-первых, на спутниках больших планет действительно

жили люди что надо. Динг работал начальником службы безопасности аэропорта Торнасука. Чтобы землянин занял подобную должность на большой планете — это было немыслимо.

Во-вторых, Динг рассказал летчику о Титане.

— Там многие встречали звездных, — говорил он, откинув голову на спинку тяжелого кресла. Глядел в окно, где спускалась ночная тьма и, точно кривой меч, рассекал небо громадный полумесяц.

— Что о них знают? — жадно спрашивал летчик.

— В Синлапе чуть ли не посольство их.

— Посольство? У них есть государство?

— Да почему же я знаю, лейтенант? — усмехался Динг. — О них и на Титане мало знают. Все больше слухи да разные... дамские впечатления. Но если ты ищешь звездных, твоя цель — Синлап. Я не буду спрашивать, на что они тебе сдались... Давай выпьем за мир.

Выпивка у Динга водилась отличная.

...Воспоминания наводили тоску. Сгиснув зубы, летчик сделал глубокий вдох и длинный выдох. «Эфир может служить заменителем кислорода... — повторял он про себя, — может служить заменителем кислорода... может служить...» Во время войны были случаи, когда пилоты гибли так, самым нелепым образом. Усталость, недосып, тошнота, невозможность дышать этим проклятым эрзацем, рвотным средством, и вот человек перестает понимать, что происходит, погружается в полусон-полуобморок, а за тем следует остановка дыхательных движений... И неповрежденный самолет приносит на базу мертвое тело без единой царапины.

«Элис, — думал летчик, — я лечу к неподвижным звездам... Элис, я не хочу прилететь мертвым, Элис».

— Смотри! — сказал вдруг триплан.

Летчик повалился на ремнях к стеклу кокпита. Глянул вниз.

Прямо под ними облако стремительно светлело. Меж двух исполинских клубящихся гор опадала расселина — ни дать ни взять кто-то разрезал пышный белоснежный торт. На дне облачного ущелья темнела прогалина.

— Там поверхность, — уверенно сказал Элис, — это не нижний слой облаков, точно поверхность, я-то знаю. Парень, нам выпал шанс. Если я упаду в пике носом вниз, то сумею пройти.

— Элис, — пробормотал летчик почти удивленно, — ты...

— Ну, давай уже! — нетерпеливо воскликнул самолет. — Жми!

Под облаком Элиса бросило в штопор.

Летчик в это время уже терял сознание и не смог бы ответить, где и в чем он ошибся. Его бил озноб, голова кружилась, в глазах темнело. Кишки выворачивались наизнанку. Триплан в стремительном пикировании закладывался на собственную прочность, а не на прочность пилота, и его можно было понять — замученный пилот оклемается в кислородной атмосфере, а разбитому самолету не поможет уже ничто. Гибель Элиса для

летчика означала и собственную неминуемую гибель: даже если он смог бы выпрыгнуть с парашютом, выжить в джунглях ему вряд ли бы удалось.

Выбравшись, оба они молчали и не пеняли друг другу.

Летчик сам не понимал, как им удалось справиться. Так туго ему не приходилось даже в бою. Элис вышел из штопора в нескольких метрах над поверхностью — не над землей, а над бескрайним листовым морем сомкнувшихся крон дождевого леса. Зеленые вершины холмов уже высились со всех четырех сторон.

Сыпал мелкий дождь.

Им повезло, в самом деле, безмерно повезло. Грозы шли стороной. Слабый ветерок не закрутил бы в смерч даже пыли. Подняв взгляд, летчик обнаружил, что прогалина в облаках совершенно исчезла. В ровном сером свечении небосвода не угадывалось ни намека на нее. Впору было решить, что ее открывала и закрыла некая разумная воля.

Летчик подумал о другом: облачная система стояла слишком высоко для своей непомерной массивности. На Земле основание такой тучи находилось бы в полукилometре над поверхностью, а здесь отстояло от нее на добрый десяток километров. Сверху он замечал, что наковальня облака достигает эфиропазузы и даже вторгается в нее. «Удивительный феномен, — сказал он себе, направляя Элиса вверх, в царство мороси над холмами. — Метеорологический курьез. Загадка...»

Он закрыл глаза, вслепую отпер кокпит и сдвинул стеклянную крышу на два пальца. Ворвался ветер, холодный и влажный, полный живительного дыхания джунглей. В воздух изрядно было домешано эфира: горький свежий аромат деревьев Адири окрасился его опротивевшим пресным запахом. Но после эфиросферы это был воздух рая.

Летчик отдышался и полез за картами.

Элис уверенно держал угол кабрирования, и угол обзора рос. Летчик настраивал бинокль, сверялся с картами и показаниями приборов и напряженно всматривался в горизонты, задернутые пологими дождя. Судя по всему, точка входа оказалась малоудачная. Западный край Адири. До чертова Синлапа несколько часов пути по стране бурь. «Слишком опасно, — думал летчик, торопливо перелистывая страницы офицерского атласа, — нас обоих здорово потрепало. Можем не дойти. Должны же здесь быть другие города! Хотя бы поселки. Добраться на колесах будет куда проще...»

— Смотри! — крикнул вдруг Элис, — город!

Триплан сам повернул налево и заложил вираж, спускаясь по огромной полуокружности. Летчик едва успел взяться за штурвал.

Они поднялись высоко. Отсюда джунгли Титана, омраченные тенью гигантской тучи, походили на темный океан. Стройной чередой шли волны холмов. Листва на их гребнях тревожилась, и по океану пробегали длинные косые полосы глянцевого мерцания.

— Город! — радовался Элис, — город нашли! Я полосу вижу! А-э-родром! Парень, пошли вниз! Пошли вниз, я тебя прошу! У меня сейчас винт отвалится. У меня элероны заклинило. У меня все стрингеры болят. Парень, ну пожалуйста!

Летчик усмехнулся. Элис, конечно, преувеличивал: получив серьезные поломки, он бы орал как резаный и уж точно не ходил бы виражами.

Но им действительно пора было вниз.

Теперь и летчик различал вдалеке вырубки, раскесшие море лесов, а еще проспекты и здания — прямые линии и прямые углы, бесспорные следы приложения человеческих рук.

Элис весело мчался к безымянному городу. Летчик предоставил триплану полную свободу. Сам он тем временем безуспешно пытался найти город на карте и все больше сомневался, что правильно определил местоположение точки входа. Возможно, они находились гораздо южнее, чем он считал ранее.

Дождь усиливался, превращался в ливень. Элис заявил, что намок и хочет в ангар. Летчик небрежно ответил, что только от Элиса зависит, как скоро он там окажется — и мощное ускорение вдавило его в спинку кресла. Летчик расхохотался. В кабине воняло эфиром и рвотными массами, он страшно устал, был невероятно грязен, но все равно находился в превосходном расположении духа. Близился конец пути — и этого, малого пути, и пути большого. С Титана летчик намеревался стартовать к неподвижным звездам.

Он представил, как техники безымянного аэродрома станут изумляться его безумию, и засмеялся снова.

В конце концов, город на карте он все же нашел.

Город назывался Ган.

...Летная полоса местного аэродрома оказалась настолько же хуже раннейской, насколько Северный Ранней уступал великолепному Торнасуку. В сущности, это была уже и не полоса. Даже на сжатое поле возле венерианского хутора садиться было удобней. Покрытие полосы разбивали широкие трещины, она утопала в грязи и терялась в траве. Здания далеких терминалов смотрели слепо и казались совершенно безлюдными.

Летчик выругался. Напрашивалась мысль, что аэропорт заброшен. Предстояло пешком добираться до Гана, по распутице и под проливным дождем, а прежде того найти сухое место для Элиса и для себя, потому что перед таким марш-броском нужно было отдохнуть хоть немного. Сильней всего удручало отсутствие горячей воды.

И в тот момент, когда летчик подумал о бане, Элис подвернул колесо шасси. Очередная колдобина оказалась слишком широкой. Триплан развернуло на сто восемьдесят градусов и отнесло в сторону, в глубокую яму. Послышался жуткий треск, похожий на треск костей.

Летчик похолодел.

Он висел на привязных ремнях. Перед носом, в серой мгле дождя жалко махал элисов винт. Самолет косо стоял в яме на краю полосы и молчал.

— Элис... — неуверенно окликнул летчик. Сердце грохотало от ужаса. — Элис!

Корпус триплана заскрипел, разразился диким скрежетом и застонал навзрыд.

— Элис, что с тобой? — Летчик стал торопливо отвязываться. — Элис, скажи что-нибудь!

Ответом был еще один мучительный стон — и молчание.

Летчик выскочил из кокпита, обежал яму по краю, прижал ладони к еще теплой алюминиевой обшивке на носу.

— Элис, очнись! Элис!

Самолет тяжело покачнулся. Двигатель его затих, медленно стал замирать винт. Почти спокойно триплан произнес:

— Я сломал лонжероны. На левом нижнем.

Летчик выдохнул и сел прямо в мокрую траву. Дождь хлестал его по непокрытой голове, заливал лицо и ледяными пальцами пробирался под комбинезон. Ужас встряхнул, как хороший кофе, он еще не прошел совсем, поэтому холода летчик не чувствовал.

— Я-то думал, все совсем плохо, — пробурчал он.

— Все очень плохо, — несчастным голосом сказал Элис.

— Но не совсем же. Можно починить.

— А кто? Кто чинить будет? — судя по голосу, Элис чуть не плакал. Летчик испугался, что у него в придачу к лонжеронам потечет масло. — Здесь же никого нет! Пусто!

— Ничего, — ободряюще сказал летчик. — Я найду кого-нибудь. Пойду в город. Там должен кто-то найтись.

Но Элис при этих словах содрогнулся. Проволочные расчалки заскрипели и взвыли.

— Парень, — сказал триплан тихо, с выражением глубочайшего ужаса, — если ты меня здесь оставишь, я заржавею и сгнию. Очень быстро.

Летчик закусил губу.

— Я же обещал, что тебя не оставлю, — сказал он. — Мне только в город сходить надо. Я тебя парашютом накрою.

— Я стою в болоте! — крикнул Элис и снова всхлипнул: — Что мне с того парашюта...

— Вытащим тебя из болота.

— Ты меня не вытащишь. Во мне весу две тонны. А сам я не выеду. Почва мягкая, буксую я.

— Одеяло подложим. Выедешь. Давай-ка не тянуть, а то правда размокнешь.

Летчик решительно встал и принялся за дело.

Дело шло тяжело. От голодовки, тошноты и усталости он ослабел.

Природой летчику дано было крепкое телосложение, но сейчас руки и ноги его были как ватные. Он злился. Он даже прикрикнул на Элиса, когда тот начал выть, что у него болит сломанное крыло. Не до игр было. Элис слишком любил играть в телесность — у него постоянно что-то болело, чесалось, мерзло и затекало. Летчик знал, что он просто напуган.

Колеса шасси медленно вращались, вымешивая мягкую почву. Одеядо тонуло в ней. Мотор надрывно взревывал, Элис с натугой подавался вперед — и снова падал. На пятой попытке упал и летчик. Его опять начало мутить. Содержание эфира в атмосфере Титана было все же слишком высоким. В сочетании с высокой влажностью это сводило с ума. Элис ныл, потом умолк и только честно старался выбраться. Дождь безжалостно молотил его по крыльям и летчика — по плечам.

Последние силы таяли. Глаза вместе с дождевой водой начинала заливать мгла.

Летчик впервые подумал, что, возможно, здесь его путь будет окончен.

Летчик лежал навзничь, а Элис склонялась над ним.

Она звенела и переливалась, мерцала и дышала — прозрачная, но теплая. Ее кости, мышцы, сосуды и жилы были созданы из света и пели. Глаза ее смотрели с любовью. Она была самой нежностью. Ее безмерная красота не слепила, а притягивала.

— Лети ко мне, — сказала она хрустальным шепотом, — лети, не задерживайся, летчик.

Летчик улыбнулся Элис, и ее образ стал расплываться. Синие глаза на белокожем лице показались синими облаками, плывущими по светлому небу, по серебряному небу неподвижных звезд...

Лицо Элис изменялось.

Кожа темнела, по ней пролегли морщинки. Выцветали глаза. Яркосинее платье становилось заношенным тряпьем. Горе утраты захлестнуло летчика горькой волной, в отчаянии он потянулся к Элис, пытаясь вернуть ее, и вдруг окончательно потерял.

Он лежал навзничь на траве, промокший и грязный. В пелене измороси вдали блекло алели крылья Элиса, а над летчиком склонялась старуха, заматанная в дождевик поверх ветхого теплого пальто.

— Очнулся! — торжествуя сказала она. — Ну, все, теперь не уйдешь.

— Что? — пробормотал летчик.

Старуха выпрямилась и поправила платок. Переступила по грязи ногами в тяжелых мужских сапожищах.

— Хорош валяться, вставай, — велела она. — И так простуду уже схватил, поди. Пошли. У меня печка топится. Каши наготовила я сегодня на роту, как знала. Пошли, пошли! — и она потянула его за рукав.

Летчик перекатился на живот, не без труда поднялся на четвереньки и посмотрел на Элиса.

Элис стоял чуть одаль, на летной полосе, посреди большого целого куска покрытия.

Не в яме. Не наискосок, упираясь в траву краем здорового нижнего крыла и топя шасси в грязи. Нет, Элис стоял прямо и на твердой дороге. Более того, у него работал двигатель, на половинной мощности, как положено перед рулением. Вид у триплана был напряженный и, похоже, испуганный.

— Как?! — только и выговорил летчик. — Элис, ты... сам?

Над ухом хрипло расхохоталась старуха.

— Поехали, — повторила она. — В сухости разбираться будем.

Она повела пилота и самолет не к ангарам, а к полуразрушенному зданию терминала. В ангарах, по ее словам, не осталось ни одной целой крыши, все текли. Часть стены терминала обвалилась, постройка выглядела ненадежной, и все же старуха уверенно направила Элиса под навес, образованный остатками второго этажа. Летчик хмурился, глядя на кирпичную крошку, но возражать не решался.

Триплан нервно хихикал и пытался пошутить насчет того, что мало какой самолет видел терминал изнутри, разве что такой, который падал прямо на крышу.

— Помолчи, — велела ему старуха и обратилась к летчику: — Вот дело! Теперь идем ко мне. Тебя согреть надо. Эх, нечего у меня выпить! Тебе бы мужику в самый раз было... — она махнула рукой. — Зато вода горячая есть.

— А я? — робко скрипнул Элис.

— А ты тут подождешь, — сурово ответила старуха, и самолет смолк. Кажется, он ее боялся. Летчик мог только изумляться происходящему. Но он чувствовал себя настолько вымотанным, что не задавал вопросов.

Он забрал из Элиса сумку с одеждой, похлопал триплан по фюзеляжу и запахал следом за старухой.

Старуха жила в паре километров от бывшего аэропорта, в большом доме, темном от влаги и времени. Хозяйкой она оказалась на диво крепкой, в одиночку управлялась с целым хутором. Глаза разбегались — столько было вокруг хлебов и сараев. Из конуры вылезла мокрая собака и залаяла на летчика. Издалека ей долгим мычанием ответила корова.

— Старая корова-то, — пожаловалась хозяйка, — а новую где возьмешь... Старая не родит, да и быка не найти. Что делать, ума не приложу. Лучше бы коз завела. И корову, и овец бы заменили. И молоко, и шерсть.

— У вас и овцы есть?

— Овцы, куры, свиньи. А как жить-то? Теперь иначе не жить.

Ворота, как заметил летчик, запирались от животных, а не от людей. Вслед за старухой он прошел через двор, разделенный желобами для стока дождевой воды, нырнул в сумрачные сени, где было даже холодней, чем на улице, и оказался, наконец, в доме — прибранном, выскобленном, полном шитых салфеток и кружевных скатертей. Потрескивал огонь в печи.

Летчик вдохнул сухой и чистый, будто отстиранный воздух, и голова у него закружилась — так потянуло в сон.

— погоди! — громогласно велела старуха. — С тебя грязь кусками отваливается! Мойся иди. Потом покормлю.

Вместо бани старуха имела хитро устроенную ванну. Резервуар с водой грелся прямо от домовой печи. Летчик с наслаждением вымылся, замочил в ванне комбинезон, надел чистое и вернулся в дом, где вкусно пахло съестным. Старуха стряпала ужин, с натугой резала вяленое мясо. На столе дымилась каша в горшке.

Только через несколько минут летчик вспомнил, что не спросил у спасительницы ее имени.

Старуха расхохоталась.

— Лута, — сказала она. — Лутой меня называют. А ты...

Летчик только набрал воздуха в грудь, как она прогремела:

— Грешен!

Летчик вздрогнул и выронил ложку.

— Грешен! — страшным голосом повторила старуха, поднявшись. — Зачем демона улестил? В уме ли был? Только бабам дозволено смирять демонов. За то у баб каждый месяц отнимают крови, только на срок тягости попущение дают... А ты кто? Теперь тебе злосчастье будет. Зачем взяла демона?

Летчик прикрыл глаза, медленно выдохнул и вдохнул. «Бедная женщина, — подумал он. — Не в своем уме, должно быть. Почему она здесь одна, без опеки?.. Как она справляется?..»

— Какого демона... уважаемая Лута?

Старуха резко осела на стул и гулким шепотом проговорила:

— Не знаешь?

— Не знаю.

— Вот и не знай.

Может, она и была не в своем уме, но вести хозяйство это ей ничуть не мешало. Наутро летчик даже устыдился, обнаружив, что ночью она выстирала его одежду. В сухости и жаре возле печи комбинезон успел высохнуть, только зимние сапоги внутри остались еще сырыми. Встала старуха до зари и пожарила для гостя исполинский омлет. Летчик отяжелел после такого завтрака.

— Мне нужно в Ган, — сказал он, поблагодарив ее за заботу. — Вы подскажите, как добраться?

Лута помолчала.

— Зачем тебе в Ган? — спросила она.

— Нужно починить самолет. И хорошо бы найти машину, которая довезет меня до Синлапа. Погода нелетная.

— Зачем тебе в Синлап?

— Я слышал, там можно встретить звездных людей.

— Зачем тебе звездные люди?

Летчик вздохнул.

— Это мое дело, — ответил он. — Я лечу к неподвижным звездам.

До сих пор старуха спокойно перематывала клубок шерсти, но тут покосилась на летчика. Под морщинистым черепашным веком блеснула зеленый, ясный молодой глаз.

— А нет больше Синлапа, — просто сказала она. — И Гана нет.

— Что?

...«Два года назад», — сказала она. Летчик вспомнил разбитую летную полосу, заплетенные лианами руины терминала, и усомнился. «Два года назад, — подтвердила Лута. — Я проснулась утром, вышла на балкон и увидела, что никого нет. В целом городе никого не было. Стены начали трескаться. словно время для всего, кроме меня, шло быстро-быстро. Дома ветшали и рушились на моих глазах. И никого вокруг, ни трупа, ни скелета. Я, должно быть, сошла с ума тогда».

Летчик ничего не ответил, только склонил голову на руки, в задумчивости кусая губу.

Несколько дней Лута провела в погибшем Гане, не зная, как быть. словно в полусне, она пошла пешком на окраину города, надеясь найти там свою подругу. Подруги не было. Отыскалась только ее машина. Машина тоже выглядела теперь столетней, но оказалась на ходу. Тогда Лута собрала вещи и уехала в этот дом, принадлежавший деду подруги. Согнала с окрестных хозяйств осиротевший скот и стала жить дальше. «Наверно, я сошла с ума, — повторила она. — Но я не хотела умирать. Тут, пока целый день крутишься, как-то и не думаешь ни о чем». Она ездила и в Синлап, в надежде, что бедствие поразило один Ган. Но в Синлапе тоже никого не было. В единственный миг Титан обезлюдел.

Выслушав ее, летчик долго молчал. Потом проговорил:

— Так, значит... я застрял здесь? Навсегда?

Лута вскинулась.

— Почему?

— Я не знаю, сумею ли починить Элиса, — медленно сказал летчик. — И его нужно дозаправить — а откуда же здесь быть бензину...

Старуха вдруг улыбнулась — ласково и мечтательно, не глядя на собеседника вовсе. Она улыбалась чему-то своему. И она сказала:

— Бензин найдется. А самолет... самолет мы починим.

«Мы?!» — только успел подумать ошарашенный летчик, а Лута уже поднялась и тянула его к двери за рукав, попутно выгребая из печурки дождевики.

— Дождь кончится через неделю, — сказала она по пути. — Такие ливни тут каждый год. Неделю тебе придется сидеть здесь. Но не дольше, если не захочешь.

— А вы? — спросил летчик. Он без возражений поспешал

за старухой. — Давайте я отвезу вас на Сатурн, Лута. Или на Каллисто. На Каллисто славные люди, мой друг Раман...

— Не поеду, — отрезала та.

— Почему?

— Умру в свой срок. В своем доме.

Летчик покачал головой. Большую часть времени Лута вела себя как вполне здоровый человек, но ум ее был не в порядке, даже она сама признавала это. Летчик боялся расстроить ее и вновь пробудить в ней безумие. Поэтому он не стал спорить. Вместо того он сказал:

— Чтобы починить самолет, нужно хорошо знать дело. Дело непростое. Не забор починить. Я сам не уверен, что...

Лута хихикнула, пнула носком сапога мелкий камешек.

— Что-то ты совсем, — сказала она и выразительно постучала себя по лбу костяшками пальцев. — Я твой самолет завела, прогрела, из канавы выгнала, а ты мне про забор. Эх, ты!

Летчик сморгнул. Он совершенно ничего не понимал.

— Вот она, слава земная, — продолжала старуха, смеясь. — Покинешь Землю, и никто тебя уже не помнит.

— Вы землянка?

— Самая что ни на есть.

Дождь утихал. Теперь это была только морось, влажный воздух, оседавший капельками на коже. Солнце не показывалось из-за сплошных облаков, но день разгорался, становилось теплей. Летчик поднял глаза к небу и вспомнил, как выглядит отсюда солнце — маленькое и бледное, холодное, похожее на большую звезду... Они с Лутой обогнули терминал. Увидев летчика, Элис радостно завопил — и мгновенно смолк, заметив старуху.

— Хоть он меня помнит, — довольно сказала Лута. — Помнишь, шестикрылый?

— Помню, — испуганно рапортовал Элис.

— Да не бойся ты, — увещевала старуха, подходя. — Разве ж я тебе зло сделаю? Починю, на крыло поставлю...

— Э-э-э... — настороженно протянул летчик, — Лута... вы...

Старуха обернулась. Морщины ее осветились улыбкой.

— Это же сыночек мой, — ответила она на незаданный его вопрос. — Лонжерон от косточки, родное маслице. Двадцать лет назад, на Земле, я его спроектировала.

Элис замер в красивой позе, как собака на выставке: хвост вниз, нос вверх, передние кромки крыльев параллельно полу. Он боялся не то, что слово сказать, даже скрипнуть. Старуха посмеивалась, глядя на него.

— Марна? — потрясенно проговорил летчик. — Вы — Лута Марна? Королева конструкторов?..

— Ну, так уж и королева, — хмыкнула старуха. — Я давно не работала. Как поселилась тут, так и не работала.

— Почему?!

— А это уж мое дело, — ответила она. — Я же не спрашиваю, зачем тебе к неподвижным звездам.

Летчик перевел дыхание, потер лоб.

— Извините, — сказал он, — извините. Я не ожидал встретить... в таких местах... авиаконструктора Марну. Я думал... извините...

— Что я давно умерла? — старуха закатила глаза под лоб. — Ну-ну.

Она медленно прошла мимо Элиса вглубь терминала. Осанка ее изменилась. Она больше не сутулилась и не топала ногами — ступала легко, гордая, прямая. Она словно сбросила груз лет.

— Ты Крайт-213, — сказала она Элису. — Кто тебя собрал?

Элис помялся и тихонько назвал имя мастера.

— Помню, — сказала Марна, — помню его, он хорошо собирает, — и обернулась к летчику: — Базовая модель называлась Аспид. У нее было три модификации — Кобра, Крайт и Тайпан. Кобра, несмотря на имя, получилась слишком мирной, ее признали спортивным, любительским самолетом. Тайпан был лучше всех по летным характеристикам, но нравом удался круг. Мог убить собственного пилота, если считал его недостойным. Все Тайпаны разобрали и уничтожили чертежи. Остался Крайт.

— Да, — вставил Элис, вдруг осмелев, — поэтому я мальчик!

Летчик почесал в затылке.

— Потому что девочка — Кобра?

— Да!

Луга Марна засмеялась:

— А ты хотел его девочкой считать?

— Он меня назвал — Элис!

— Вот пакостник.

— Пакостник! — горячо подтвердил триплан. — Пакостник и гад! И ногами по крыльям ходит!..

— Элис, замолчи, — попросил летчик. У него голова шла кругом. — Ты упрямый, мог бы и раньше рассказать... Луга, погодите... Скажите, пожалуйста... Скажите, что значили ваши слова про демона? О каких демонах вы говорили?

Марна помолчала, обвела взглядом шестикрылое свое дитя.

— Это неважно, — раздумчиво проговорила она. — Лучше скажи, зачем тебе звездные люди.

И летчик сказал. От Лугы Марны он не решился скрыть.

— Я ищу одного человека, — ответил он. — Одну девушку, Элис. Она звала меня. Она обещала меня ждать.

— Обещала? — негромко переспросила авиаконструктор. — Тогда... лети. Их обещания святы. Не знаю только, хорошо это для тебя или плохо.

— Луга, — наконец лихорадочно взмолился летчик, шагнув к ней, — расскажите о них. Говорят, здесь часто встречали их, многое о них знали. Это правда? Что — правда?..

Мир был другим. Мир будет другим. Мир на самом деле другой. В нем нет эфира, вместо эфира — пустота и тьма. Земная система спутана и вывернута. Растаяли небесные сферы. Там, где было восьмое небо, разверзлась бездна. Все колонии погибли, изменились сами планеты, жизнь теплится лишь на Земле. Никто не летает к звездам, никто никуда не летает. История прошла иначе. Она полна неведомых государств и странных героев, чуждых религий, кровопролитных войн за каждую пядь земли. Отчаяние и надежда сплетаются, как две змеи в битве; и отчаяние побеждает, но надежда неизменно царит.

— Так они рассказывали? — спросил летчик.

— Да, — ответила Лута, — но никто не понимал, зачем и о чем это. Может, у них просто такие сказки. О других мирах много сказок.

Летчик прикрыл глаза, набрал воздуха в грудь и задал наконец вопрос, который уже несколько часов сжигал его душу.

— Лута, а Ган и Синлап... Это сделали звездные?

— Нет, — мгновенно ответила Марна и столь же быстро поправилась: — или да. Я не знаю. Я проснулась утром в пустом городе. Ночью никакого шума не было. Но о звездных я бы думала в последнюю очередь.

У летчика отлегло от сердца. Оказаться с Элис по разные стороны не только мироздания, но и фронта — это было бы невыносимо. Это было слишком далеко.

А Марне он верил. Ее сверхъестественная интуиция вошла в легенды, курсантом и сам летчик пересказывал анекдоты о ней. Он даже не заметил, как его покинули всякие мысли о безумии старой Луты. Королева и юной отличалась странностями, но ум ее неизменно оставался ясным и острым.

Он больше не хотел ничего спрашивать, и все же спросил:

— Почему?

— Звездные заняты чем-то своим. Очень заняты. Им нет до нас дела. Уж тем более у них нет причины объявлять нам войну.

— Чем они заняты?

— Я не знаю. Долетишь — спросишь.

Летчик замолчал. Сел на пол, скрестив ноги, сжал руки в замок. Лута Марна осматривала робеющего Элиса. Она добыла откуда-то линейку, теперь прикидывала так и сяк.

— Ничего из того, что известно о звездных, — сказала она вполголоса, будто сама себе, — не известно точно. Мы уверены только в том, что они не похожи на нас. То, что они говорят, изменчиво и непостижимо. Но есть точные сведения от исследователей восьмого неба.

— Какие?

— Возле неба неподвижных звезд дрейфуют конструкции искусственно происхождения. Огромные платформы, похожие на корабли. Некоторые из них покрыты льдом так, что не отличить от астероидов. Некоторые почти свободны ото льда. Вряд ли платформы построили звездные. Такие

сооружения им ни к чему. Они ими и не пользуются, только гуляют вокруг. Платформы — еще одна загадка Земной системы, которую разгадают разве что через сотни лет... Но когда ты полетишь к звездам, сделай промежуточную посадку на одной из них. До сферы восьмого неба слишком далеко. Солнечный ветер там очень слаб. Если твоя звездная Элис помнит тебя, то выйдет тебе навстречу. А если не помнит... оттуда, с полпути, ты еще сможешь вернуться домой.

Летчик опустил голову. «Зачем мне тогда возвращаться?» — подумал он, но вслух сказал:

— Спасибо, Лута. Я так и сделаю.

Спустя две недели он попрощался с Марной и взял курс к восьмому небу.

...Вдалеке мерцал серебряный свет: то была беспредельно огромная сфера звезд. Звездное небо охватывало всю систему, как нежно сложенные ладони.

— Она меня видит, — сказал летчик. — Она здесь. Я чувствую. Я ни с чем не спутаю. Мы летим к ней. Дорога верная. Еще немного, Элис. Совсем чуть-чуть.

Под колесами шасси дрогнула древняя сталь. Что-то загрохотало внутри платформы — очень глубоко и потому тихо. По обеим сторонам полосы высились странные металлические фигуры, изломанные и обледеневшие. Ледяные водопады лучились под звездным светом. Огромные перины снега и инея укрывали бока навеки замерших механизмов, их рычаги, пульта, решетки. Медленно, медленно эти белые горы поплыли навстречу, а впереди, за краем платформы, темнела и мало-помалу ширилась полоса бездонной пропасти, отделявшей доисторический транспорт от дивно светлого, зовущего, трепетного, серебряного, невыносимо прекрасного Неба Неподвижных Звезд.

Элис шел на взлет.

2. Девушка

На рабочем столе у Марты Андреевны — ноутбук, очешник и сувенирный плазменный шар. Шар подарил кто-то из друзей. Сказал: чтобы Марта была еще больше похожа на колдунью.

Когда во время работы она выключает верхний свет, шар на столе красиво играет молниями. Отсветы мечутся по стенам. Но все равно шар похож на домашний ночник. Марта Андреевна не выглядит чародейкой, даже когда кладет на него ладонь, и прирученные молнии покусывают ее через стекло. Руку на шаре она держит тоже не красоты ради, а чтобы во время работы меньше хотелось курить. Ей помогает.

У Марты Андреевны маленькие пухлые ладошки с треугольными пальцами. Она сама красит себе ногти. У нее есть привычка возить вверх-вниз по пальцам свои финифтяные перстеньки, поэтому лак непременно где-нибудь смазан или сколот. Губы у нее всегда покрашены красным-красным:

Марта Андреевна без помады чувствует себя голой. Она полная, с объемистым животиком, а еще она на голову ниже Лизы, которая и сама-то ростом не вышла. Лиза всегда диву давалась, как Марте Андреевне — в ее годах, с ее весом! — удастся выглядеть такой изящной.

...Лиза перелила в электрочайник воду из фильтра и поставила чайник на базу.

— Кнопку забыла нажать, — донеслось от Марты Андреевны. Лиза, спохватившись, щелкнула по кнопке и улыбнулась. Ма даже замечания делала смешно и необидно.

Сначала Марта Андреевна превратилась в Мартандре, потом в Марту и наконец просто в Ма... Сейчас Ма сидела на краю кресла, поставив подбородок на край стола, и из такой невообразимой позы смотрела в экран ноутбука.

— Ма, — заметила Лиза в свой черед, — ты бы села прямо и очки наде-ла. Шея же заболит.

— И то верно, — согласилась Ма и послушалась. Лиза подошла и под довольное кряхтение помассировала ей шею.

— Кто у нас сейчас? — спросила Лиза.

— Ну не сейчас! — басовито отвечала Ма, — мы еще чайку попьем... Кирилл.

— Кирилл Вадимыч? — уточнила Лиза и поморщилась.

Ма тяжело вздохнула и тоже поморщилась.

— А уж мне-то как надоело! — согласилась она. — Бьюсь и бьюсь... как в закрытую дверь. Или об косяк. Ты-то как чувствуешь?

Лиза прикинула.

Щелкнул, вскипев, чайник и сбил ее с настройки, так что она прикинула еще раз.

— В каменную стенку, Ма, — сказала она, наконец. — Нечему там открываться. Либо перфоратором, либо динамитом.

Марта Андреевна замолчала. Пока Лиза разливала чай и резала кекс, она все размышляла безмолвно, и только едва приметно вздрагивал ее палец на тачпаде компьютера: она играла в маджонг. Маджонг тоже помогал курить меньше.

— Нет, — проговорила Ма тихо, — никакого динамита. Мы больше вообще не будем то место трогать. Должно же быть что-то еще. Вот мы это «еще» и станем искать...

Лиза только сморгнула. Ей подумалось, что Марта Андреевна как есть колдунья, и потому-то любые шары, карты и свечи ей лишние. Ма даже в радость быть колдуньей чуть меньше. Чуть реже. Не так интенсивно. Лиза ни за что не созналась бы, но в глубине души она верила, что Ма способна и чайник вскипятить усилием мысли. Она просто слишком многое видела, пока работала с ней, хотя работала, смешно сказать, всего-то два года.

Лиза — меднум-медсестра.

«Кандидат медицинских наук, психохirurg высшей категории Чупрынина М.А.» — так значилось у Ма на визитке. Своего кабинета у Марты Андреевны никогда не было, она уже много лет ютилась то здесь, то там, по договоренности с разными администрациями. На памяти Лизы они меняли три офиса. Полгода работали в кабинете психотерапевта в районной поликлинике — пока на свободную вакансию не пришел врач. В кабинете стоял допотопный компьютер с допотопным монитором и допотопным матричным принтером, как по нынешним временам — игрушка и почти антиквариат. Их велели беречь как зеницу ока. В душе у Ма проснулся ребенок, и она предложила безвозмездно обменять старье на новое. Лиза всегда смеялась, когда приходила к Ма в гости и видела ее воркующей над Восемьдесят Шестым).

Потом — недели две — был кабинет школьного психолога в какой-то гимназии, без арендной платы, только за право зачислить доктора Чупрынину в штат. Но РОНО не поняло такой инициативы, а доктор Чупрынина скоро сбежала. «Либо я работаю, — так сказала она, — либо сижу в глухой обороне. В резиновых перчатках работать можно, но не в свинцовых». Лиза тогда не избавилась еще от привычки молча сносить неудобства, но и для меднума работа в школьных стенах была настоящим адом.

Теперь их офис расположился в огромном Центре детского и юношеского творчества, дивной красоты золотистом дворце-лабиринте. Выстроили его на деньги отцов юношества, и деньги эти не были чистыми. «Это ничего, — сказала Марта Андреевна, когда они переезжали, — это не страшно. Вон, погляди, какая выставка у выпускного класса по живописи. Красота. И скрипочки тут, и флейточки... все будет хорошо, Лиз. Ты сходи еще за угол, там керамика и скульптура». И действительно, понемногу место становилось все светлее. Ма даже не приходилось особенно стараться для этого, хотя она порой пивала чай в учительской и болтала там о всяком, о женском...

О, как она умела болтать!

Лиза не смогла бы объяснить, в чем тут соль. Как-то так получалось, что колдовство Ма выражалось через болтовню. Оно проистекало в словах. Ма могла нести любую чушь, хихикать и для смеху басить, она могла диктовать под запись, читать лекцию, размышлять вслух — и все это было колдовством и изменяло мир. Изменяло людей. А если Ма бралась за дело всерьез, подбирала и взвешивала могущественные свои слова, то сила их равнялась силе сказочных заклинаний, творила события, подобные мифическим чудесам.

Много раз Лиза видела это своими глазами. Да что там, она была главной помощницей Ма.

Все равно дух захватывало.

...Лиза уселась на табуретку, пристроившись боком к тяжелому столу, и взяла ломтик кекса. Пару секунд Ма напряженно смотрела в расклад

маджонга на экране, потом решительно отодвинула ноутбук и придвинула чашку. Лиза почувствовала, что на самом деле ей хочется достать сигарету.

Ма посмотрела на нее с вопросом.

Лиза посмотрела на Ма укоризненно.

Ма обреченно вздохнула и вгрызлась в кекс. Уже месяц она старательно пыталась бросить. «Врачу, — подумала Лиза, — исцелился сам», — а потом стала вспоминать, что Ма говорила о клиенте. Нужно было собраться перед работой.

Кирилл Вадимыч, с которым они столько бились, был печальный тихий мужчина, такой же толстый и маленький, как Ма. Но если Ма отлили из легированной стали, то его вылепили из желе, и желе обтекало капельками. Остатки волос Кирилла Вадимыча частью прилипали к лысине, частью стояли над ней торчком, как антеннки. Ему было тридцать девять лет, но выглядел он сильно за пятьдесят. Он пришел к Ма от отчаяния.

— В жизни мужчины, — говорила Ма, — есть три главные женские фигуры. Про неглавные мы сейчас говорить не будем. Главные фигуры — это Мать, Жена и Дочь, и это должны быть три разные женщины. Но функции часто смещаются. Самая пластичная фигура — жена. Когда она становится для мужчины мамой или дочкой, это плохо, конечно, но каким именно образом? Это плохо для созревания личности, для самосовершенствования, а кого в наше время волнуют такие вещи. Смещения функции жены даже социум не осуждает. Но дальше — хуже...

Ма задумчиво уставилась в потолок и сделала затяжку. Лиза так и глядела на нее, примостившись на краешке клиентского кресла. Она проглотила комок в горле, облизнула высохшие и воспаленные губы.

— Эх ты, — сказала ей Ма и спрыгнула с подоконника. Покопалась в верхнем ящике тумбочки, достала тубик с какой-то мазью. — На, кругом рта помажь. И купи себе такую же, не забудь. Ну, пошли дальше. Когда смещается функция дочери, это само по себе плохо, потому что дочь — юный человек, ей бы расти, идти вперед, а ей приходится играть роли людей уже поживших или, чего доброго, старых. У нее отбирают часть жизни, самую лучшую часть. А если дочери приходится играть роль Жены, то это попадает инцестом, будь он проклят.

Ма помолчала.

— Я женщина, — сказала она, — и женщинам сейчас сочувствую, а надо бы сочувствовать всем. Хуже всего для мужчины — когда смещается функция матери. И в этом случае чаще всего виновата мать.

Лиза кивнула.

— Да, — сказала Ма, — это дело известное, когда свекровь ревнует сына к невестке. Но бывает еще хуже. Вот как у нашего Кирилла Вадимыча. У него мать не только Жена...

Марта Андреевна докурила, затушила бычок и, поморщившись, махнула рукой.

—...но и Дочь, — понимающе закончила за нее Лиза. И заговорила горячее, сбиваясь: — Она... она в его сознании все время меняется. Как привидение, честное слово, Ма. Как ведьма. Она то могущественная и темная, всевидящая, страшная... как гроза ночью, то загадочная и такая... эмоциональная, а потом вдруг беззащитная и непонятливая...

Ма размышляла.

— Ведьма... — пробормотала она, скоротившись. — Дура она, а не ведьма...

Лиза опустила взгляд. Она не знала, что сказать, а, кроме того, ее потрясла картина, которую она сама только что описала. Она не подыскивала слова, не собиралась с мыслями, просто говорила о том, что видела — но из этого рождалось нечто большее...

— Ма, — осторожно спросила она, — а ведь я сейчас описывала... ну... то есть...

— Царицу Шаммурамат, — фыркнула Ма и сказала уже серьезно: — да, ты описала прекрасный образ женщины. С большой буквы.

— А почему так вышло... — уныло сказала Лиза, — ну, это... почему получилась — дура?

Ма расхохоталась. Потом напустила на себя загадочный вид и заговорила:

— Всякий, кто гнетет то, чему предназначено расти, и поддерживает то, чему предназначено погибнуть... круглый, набитый, полный дурак! — закончила она резко и звонко хлопнула в ладоши. — Лизка! Чего мы тут сидим, лясы точим? Работать пора!

Лиза улыбнулась.

Лиза работала.

Ма расположилась у себя за столом, клиент — в удобном кресле перед нею, Лиза стояла в сторонке, в тени, у шкафа в углу. Она не любила сидеть во время работы: рисковала забыться и уйти слишком глубоко. Она была очень хорошим меднумом.

Лиза работала и знала, что у мальчика Кирюши никогда не было девочки, что он никогда не был влюблен, что он хотел бы поговорить об этом, но не решается. Еще — что он считает Лизу красивой, как фотомоделю, и ему мучительно стыдно показывать надменной красавице свои жалкие, убогие мысли... грязные, стыдные мысли. Лиза окунулась глубже в его сознание, и губы ее тронула улыбка: хотела б она вправду быть такой принцессой. А что до мыслей, то Лиза видела мысли многих людей, и ничего особенного Кирюша не воображал. Ее, напротив, удивляло, что он не любит порнографию и не испытывает желания мстить женщинам.

Она спускалась все ниже и достигла, наконец, поверхности, напоминавшей поверхность воды. Это была тоска — жгучая тоска одиночества, мучившая Кирюшу. Такая же тоска жила в сердце Лизы. Сердце ее отозвалось эхом, она зажмурилась и беззвучно вздохнула.

«Лиза!», — мысленно позвала Ма.

«Я в порядке, — ответила Лиза, — можно начинать».

Ма кивнула.

— Давайте немного отвлечемся, — сказала она клиенту.

Кирилл Вадимыч покорно кивнул.

«Мы ни разу не говорили с ним о женщинах и об одиночестве, — подумала Лиза, — странно это». Они тратили часы и часы на анализ его отношений с матерью — тяжелых, страшных, еще более мрачных, чем у Лизы, но дальше не шли. «Может быть, сегодня, — думала Лиза. — Ма что-то задумала». Пока что Марта Андреевна спрашивала, Кирилл Вадимыч отвечал: все шло как обычно.

— Расскажите, как вы представляете себе свой дом, — вдруг попросила Ма.

— Квартиру? — рассеянно сказал Кирилл Вадимыч. — Ну, мы живем в двухкомнатной...

— Нет. Идеальный дом. Воображаемый дом, в котором вам хорошо и спокойно. — Ма поглядела на него и уточнила: — Не обязательно настоящий.

Кирилл Вадимыч снова кивнул, лицо его выразило облегчение.

Он подумал, помялся и стал описывать дом на дереве — то ли волшебный, то ли игрушечный детский домик. Из желтых струганных досок, с двускатной крышей. Ма кивала, чуть улыбалась, задавала наводящие вопросы, и он разговорился. «Туда можно забраться только по веревочной лестнице, — говорил он, — а потом втянуть ее наверх... На окошках резные наличники, а внутри пахнет деревом. Из окошек далеко видно...»

«Труднодостижимое, — отметила Лиза, — воображаемое, неустойчивое, необычное, в то же время инфантильное».

«Не думай! — пришло ей от Марты Андреевны. — Чувствуй!»

Лиза покраснела от неловкости и послушно почувствовала.

«Дом на дереве, — почувствовала она, — это то, что отвлекает. Он украшение. Он иллюзия. Он ненастоящий».

И глаза Марты Андреевны сузились.

— Это ваш дом? — вслух, громко и напористо спросила она. — На дереве действительно ваш дом?

— Да.

— Опишите само дерево. Какое оно?

— Большое... огромное. С толстым стволом. Раскидистое. Кора бугристая. Корни... узловатые. Это очень большое дерево...

Ма помолчала.

— Может быть, на самом деле ваш дом — дерево? — спросила она.

...И началось.

Лиза видела это много раз, но все равно мурашки побежали у нее по спине. Ма наконец попала в точку, добралась до истины. И совсем не весело оттого стало клиенту.

Кирилл Вадимыч рассказывал — частил, торопился, захлебывался словами — рассказывал, как жил ребенком на даче, как ходил хвостом за большими мальчишками. Большие, они взяли у кошки новорожденных котят и закопали котят под этим деревом, живых, пищащих, теплых, слепых, просто так, от скуки. Сначала он смотрел, не в силах двинуться с места, и ему вроде как тоже было интересно. Потом стало страшно.

Лиза видела все это — заново происходящим в его памяти. Ей тоже стало отчаянно жалко котят и страшно от близкого убийства. «Лиза!» — точно ветром принесло от Марты Андреевны, и она, спохватившись, вернулась к чувствам Кириюши. Нужно было смотреть пристальней. «Там что-то другое, — ощутила она. — Не только любопытство и желание стать взрослым. Совсем нет куража. Там...»

— Ты хотел спасти котят? — внятно спросила Ма. Незаметно и мгновенно она перешла на «ты».

— Да, — ответил Кирилл Вадимыч.

— Но тебе не дали.

— Я ничего не сделал. Я стоял...

— Ты боялся? Ты боялся больших мальчишек?

— Да...

— Что было потом? Они ушли?

— Да...

— Что ты сделал?

— Я стоял... стоял... потом пошел домой... я испугался...

Ма умолкла. Лобастое, львицыно лицо ее опустилось к сложенным на столе рукам.

— Вот в чем дело, — глухо сказала она. — Там, вместе с котятами, они закопали твою смелость. Твое мужество.

Лиза глубоко вдохнула и прикоснулась затылком к стене. У нее немного кружилась голова. А клиента трясло мелкой дрожью: слезы текли по толстым щекам из зажмуренных глаз.

И Ма прогремела:

— Ты должен вернуть свое мужество. Ты должен вернуться туда и выкопать его.

Повисло молчание. Стало слышно, как гудят лампы. Кирилл Вадимыч набрал воздуху в грудь, но долго не решался заговорить.

«Ну!» — изобразили губы Ма.

— Там... — он болезненно покривился, — там котята. Мертвые. С червями...

Ма прикрыла глаза.

— Котята умерли, — сказала она, и над головами их, под высоким, белым потолком кабинета птицей промелькнула печаль, но немедленно исчезла, когда голос Ма стал твердым: — Дерево выпило соки их тел,

а остальное забрали насекомые и цветы. Но мужество нетленно и несокрушимо! Оно все еще там. Ты должен его вернуть. Ты сейчас в том времени, у дачи, возле дерева?

— Да...

— Возьми лопату.

«Лиза!» — снова накрыл неслышимый голос Ма. Лиза вздрогнула. Миг спустя, сосредоточившись, она вновь нырнула в пространство сознания, в жаркую, дрожащую картину памяти — и протянула мальчику Кириюше лопату. Кирилл Вадимович взял ее и вонзил в черную землю у корней.

Вначале ему казалось, что его мужество — серебряный меч. Но вышло проще. Это была палка, увесистая серебряная палка вроде лома. Очистив ее от комьев и рассмотрев, он улыбнулся. Все было правильно. Лиза тоже чувствовала, что все правильно. Его собственная палка, родная, была лучше и красивей, чем любые мечи. Она сама ложилась в руки... она втекала в руки сквозь кожу, поднималась по артериям серебряной кровью, распространялась в теле, даруя незнакомую прежде твердость. Кириюша глубоко вздохнул: ему наконец стало спокойно.

— Вот, — удовлетворенно сказала Ма, когда он открыл глаза. — Сегодня хорошо поработали.

Кирилл Вадимыч сиял. Он порывисто встал с кресла и стал горячо благодарить Ма. Та только качала головой, улыбаясь. Она видела, и Лиза видела, и сам Кирилл Вадимыч понимал: что-то переменялось к лучшему. Осанка его стала другой, спина распрямилась. Спустя тридцать лет серебряная палка заняла, наконец, законное место в его теле... «Это еще не все, — говорила Ма, — мы будем работать дальше», — и он часто кивал, а потом кинулся к ее столу и неуклюже пожал ей руку.

— Ну, с почином нас, — с усмешкой сказала Ма, когда счастливый клиент ушел.

Она уже отворила окно, уселась на подоконник и успела раскурить сигарету — так быстро, что Лиза даже не заметила. Лиза поколебалась, не посмотреть ли ей укоризненно, но не стала. Марту Андреевну так воодушевила победа. Не хотелось ее расстраивать.

— Дальше будет лучше, — продолжала Ма. — Тридцать девять лет... да он еще внуков поняичит. Ну что, Лизка, чай пить будем или сразу к делу? Ты как?

Лиза закрыла глаза и потеряла виски. Очень хотелось сразу приступить к делу, но путешествие в чужое прошлое вымотало ее. Сил не было.

— Ма, — смущенно попросила она, — давай еще чаю...

— Ох ты, — проворчала Ма, ловко пробираясь к чайнику, — что ж ты, Лизка, опять себя не жалеешь... Вроде разобрались же с этим. А ты рецидивистка. Что-то это значит. Что-то важное тут зарыто. Лиз, что ты там держишь, а?..

Лиза медленно прошла к клиентскому креслу и села.

За окнами смерклось, близилась ночь. На сегодня Кирилл Вадимыч был последним клиентом. Наступила очередь Лизы.

...Лиза не может произнести слово «мама». Это плохое слово. Это слово гонит, кричит, унижает. Это слово говорит: «Внешность у тебя на любителя». Это слово говорит: «Ты неряха», «Ты бездельница и лентяйка». Это слово говорит: «Не бывает никаких друзей. Не верь людям. Люди используют тебя. Только я тебя никогда не предаю, поняла?», — а потом говорит: «Да кому ты нужна такая!» Еще это слово говорит, что женщина должна продать себя как можно дороже, и утверждает, что так сказал Лев Толстой. Лиза ненавидит Льва Толстого.

Когда Лиза плачет, это слово раздражается. Когда Лиза улыбается — это слово недовольно и требует ответить, что у нее может быть веселого. Когда Лиза замирает, застывает, становится как манекен, ничего не чувствует, не думает, почти не дышит, только делает все, что велят, — это слово злится и говорит: «Родила дочь! Бревно бесчувственное».

На самом деле это даже к лучшему: то, что у Лизы нет слова «мама». Она ни с кем не перепутает Ма.

И еще кое-что: не может стать меднумом тот, кого в детстве хоть кто-то любил.

Так странно устроен этот печальный дар — умение видеть чужие мысли и испытывать чувства, способность входить в чужие внутренние миры. Если малышу есть, на кого положиться, если он знает, что его защитят и поддержат, не ждет ежеминутно окрика и пинка, если он счастлив, — он никогда не узнает, каково это. Зачем счастливому человеку становиться тонкой мембраной, тугой струной? Оставаться человеком куда приятней.

Многим способности меднумов кажутся чудесными. Меднумам завидуют, их боятся, мечтают иметь такую же власть. Лиза неизменно удивлялась, когда слышала о таком, хотя удивляться было, в сущности, нечему: люди часто хотят получить результат, не прикладывая усилий.

«Но тут ведь и об усилиях речи нет», — думала она. Меднум начинается с измученного страхом ребенка, который не знает, чем провинился. У него есть только один способ уберечься от взрослых — угадать, о чем они думают. Год минует за годом, одна мучительная боль сменяет другую, чутье становится все тоньше, зрение — все острее... «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный», — Ма цитировала стихи, но Лиза все равно не видела в даре медиума ничего красивого. К подростковому возрасту созревает странное, искореженное существо, способное вобрать чувства целой компании и даже немного изменить их — скажем, когда нужно пройти незамеченным сквозь пьяную банду... Но это очень тяжело, страшно, невыносимо. Это нельзя назвать ни силой, ни властью — это слабость, доведенная до предела.

До точки исчезновения.

Погружаясь в чужую личность, медиум теряет себя.

...«Все будет иначе, — клянется Ма. — Мы с этим справимся, Лиз. Поверь, справимся!»

Поначала Лиза не верила. Теперь — верит.

Дело движется, и она чувствует себя странно. Например, раньше она была некрасивой, а сейчас красивая по частям. Как будто детальки паззла смешали, смели в кучку, и одни детальки вызолотили, а другие оставили грязно-серыми. Пройдет время, и Лиза увидит себя такой, какая она есть. Конечно, не царевной-русалкой, какой увидел Кирилл Вадимыч... а может быть... все может быть...

У Лизы красиво вырезанные глаза и губы, высокий лоб. Только нос у нее все время чуть-чуть опухший и чуть-чуть розовый, как будто она недавно плакала. Раньше у Лизы были прыщи — прошли за одну ночь. Ма поболтала с ней о какой-то чепухе, потом вытерла ей лицо обычной дезинфицирующей салфеткой. Утром Лиза не узнала себя в зеркале. Ма назвала это «снять печать», но клялась, что никакой магии не применяла. Еще Ма сказала, что нос тоже станет нормальным, чуть попозже. Вот грубые русо-серые волосы достались Лизе от рождения, и заколдовать их никак нельзя.

Однажды Лиза отрежет косы и выкрасит волосы в ярко-рыжий.

Но это будет не скоро.

Совсем недавно Лизе перестали хамить в магазинах, перестали толкать в транспорте. Узнав об этом, Ма рассмеялась.

— Раньше, — сказала она, — твои глаза говорили: «Я маленькая и беспомощная», и спрашивали: «Вы не хотите меня ударить?» Люди есть люди. Многие отвечали: «Хочу». Сейчас твои глаза по-прежнему говорят, что ты слабая, только спрашивают другое. Хочешь узнать, что?

Лиза только ресницами дрогнула. Она смотрела на Ма заворожено. Ма подалась к ней, нависла сверху — грозная, большая, хоть и малого роста.

— «Вы не хотите меня ударить? — произнесла она полупшепотом. — Почему вы хотите меня ударить? Что вы чувствуете? Что вас мучит? Что у вас болит? Какой же была ваша жизнь до сих пор, раз теперь вы так хотите ударить кого-то слабого и незащищенного?..»

Лиза поехала. Это звучало так... напористо. Совсем не по ней.

— Так и есть, — торжественно сказала Ма. — А будет еще лучше.

Лиза верила.

Она верила Ма почти во всем. Не верила, что сама когда-нибудь станет такой же, хотя и прилагала для этого все усилия... Вот, уже третий курс заочного института, уже и сокурсники начинают практику, отстав от Лизы на два года, уже пора прикидывать тему диплома, думать о будущей работе, специализации.

— Посмотри на себя! — требовала Ма. — Посмотри, ты опережаешь всех. Ты уникальна, великолепно, незаменима. Лизка, ты мои руки и мои очки. Без тебя я бы и половины не сделала того, что сделала за эти два года!

Но эти слова тоже не достигали ее сердца. Если по-честному, то Лиза вовсе не опережала сокурсников. Они практиковали как психохирургии-ассистенты, а она — как меднум-медсестра. А если совсем по-честному, то справку об окончании трехмесячных курсов меднум-медсестер Марта Андреевна выправила ей липовую, и Лиза даже не знала, чему там учат. «Зачем тебе там сидеть?! — изумлялась Ма. — Только время тратить. Лучше в это время поработать. И себе поможешь, и другим. А справка только деканату нужна. Хочешь, я сама в деканат приду?»

Лиза отказывалась, чуть не плача, и Ма снова клялась, что она, Лиза, все умеет сама, что она — лучшая... Но в это Лиза не умела верить. Ма ее так и не научила.

Когда Ма нашла ее, Лизе исполнилось двадцать три года. Она уже закончила пединститут, стала учительницей русского языка и литературы. Ее ожидала незаметная молодость, блеклая зрелость и долгое, долгое старение в обществе ученических тетрадей, кошки и мамы. Уже десять или пятнадцать лет Лиза страдала от невротической депрессии, но сама она об этом не знала, мама ее не желала об этом знать, а больше вокруг не было людей, которых беспокоила судьба Лизы.

Ма говорила, что схватилась за нее, потому что второй раз в жизни видела меднума такой силы. Первый раз такого меднума она видела в зеркале, но это было много-много лет назад и осталось в прошлом... Вытаскивая Лизу на свет, Ма пошла не только против собственных принципов, но и против законов цеха. Лизе нужна была помощь, но по правилам, она должна была попросить о помощи. Хотя бы сказать об этом. Но Ма знала, что она этого не сделает.

И Ма решила за нее, потому что сама Лиза решить ничего не могла — не умела. Никогда в жизни ничего не решала.

Теперь — училась.

— Ну ладно, — сказала Марта Андреевна, — поехали, что ли.

Лиза привычно сосредоточилась и расслабилась.

В этот момент у Ма зазвонил мобильник. Она раздраженно открыла раскладушку и рывкнула:

— Алло! Я работаю!

Но голос ее вдруг стал глухим и словно бы надтреснутым:

— Костя? Что? Я же просила тебя... Что?

Она долго-долго слушала. Лиза, встрепенувшись, пристально следила за ней: казалось, что с каждой минутой Ма стареет на год. Голова ее клонилась к столу от усталости — не этого дня, многих и многих дней...

— Лиза, — сказала она, отключившись, — пожалуйста, помоги мне. Сегодня придется задержаться. Еще поработать.

Лиза решительно встала и молча кивнула.

Марта Андреевна собиралась стремительно, как на пожар. Лизе нужно было только намотать шарф и застегнуть куртку, поэтому она все равно

опередила ее. «Гьфу ты, Костька, — бормотала Ма, сгребая вещи, — просили же его... Его просили, а он все равно звонит. Значит, что-то... что-то важное тут...» — и она обернула к Лизе:

— В больницу, Лиз. В реанимацию. Ты уж прости, что сегодня так...

— Все в порядке, Ма. Я готова.

Лиза погасила свет в кабинете. По светлым, долгим лестницам золотого дворца-лабиринта они зашпешили на улицу.

Несмотря на позднее время, в фойе внизу у раздевалки толпились дети. Лиза узнала знакомых. «Значит, четверг, — вспомнила она, — в четверг у них хор». Звукоизоляция во дворце-школе была отличная, и в кабинет Ма не доносились ни пение хора, ни вой медных инструментов в неумелых руках. Здесь, в фойе, слышались отголоски: кто-то наверху еще занимался. Художественное отделение школы опять поменяло выставку — теперь темой ее была «Золотая осень». Совсем не детские по стилю и величине работы красовались на стенах. Напоследок Лиза вдохнула — не легкими, а иначе — тот свет и юную силу, которыми полнились золотистые стены.

На улице шел дождь. Ноябрьская ночь обливала прохожих недобрый простудным душем. Вчерашний снег растаял, блеклые огни фонарей отражались в глубоких лужах, но не давали света. Ма что-то проворчала. Лиза не расслышала слов, но прочитала мысли. «Да, — согласилась она, — на проезжей части море разливанное».

Ма остерегалась, что проезжающие машины их обольют, и меняла мир словом — чтоб не облили. Лиза бы не стала тратить могущество на такую мелочь, но Ма знала лучше.

Они вышли на тротуар и встали под фонарем.

Некоторое время Ма спокойно ждала, потом медленно подняла руку — коротенькую, полную, перетянутую браслетами и перстнями. Спустя пару минут рядом с ними притормозила синяя иномарка, отворила дверцу. Водителем оказался мужчина средних лет с красивой и несовременной бородой барда.

— Нам, — размеренно сказала Ма, — в Первую Градскую.

И по лизинной спине пробежал холодок. Неспроста, выходило, остановилась именно эта машина... Бородач-водитель, услышав адрес, точно поблек, стал старше своих сорока. Глаза его потемнели. Он посмотрел на Ма, и психиатр едва заметно кивнула.

— Сам туда еду, — сказал он. — Садитесь.

Лиза юркнула на заднее сиденье. Ма села рядом с шофером. Осторожно и бережно, самыми кончиками пальцев Лиза окунулась в его сознание — и закусила губу. Да, у нее был большой опыт. Она много чувствовала чужого горя. Но каждое новое горе казалось первым, самым первым в счастли-вом доселе мире, и резало сердце, словно ланцет...

Водитель ехал в Первую Градскую.

«Политравма, — донеслись до Лизы спокойные мысли Ма. — Черепно-мозговая тож. Несчастный случай с ребенком. Кома». Больше Ма ничего не знала. Но Лизе было достаточно: она поняла, что им предстоит сделать.

Выводить людей из комы она тоже умела, делала это дважды. Ей даже не пришлось учиться — с первого раза получилось само. Ма потом долго шумела, бегала кругами и восторгалась Лизой, все пыталась доказать ей, что она уникам и самородок... Лиза не ценила в себе то, что давалось без труда, и слова Марты Андреевны ее смугили. Она только порадовалась, что может помогать людям еще и так.

«Вывести из комы, — думала она, — на самом деле очень просто... И почему Ма так растревожилась? Что-то тут важное зарыто». Для медиума кома выглядела очень страшно: тьма, неизмеримые бездны, за которыми грезится Остров Яблок... сени за порогом смертной избы. Но стоило пройти чуть глубже видимого спектра, и оставалось только взять человека за руку и показать выход.

Если, конечно, он хотел жить дальше.

«Может, в этом дело?» — спросила Лиза.

Ответа не было. Седеющий, украшенный узлом волос с нефритовой шпилькой затылок Ма не шевельнулся. Лиза подумала, что в Первой Градской вряд ли определяют такие вещи. Политравма есть политравма.

«Ребенок, — продолжала размышлять она. — Может, несчастный случай — не такой уж случай? Может... это кто-то вроде меня-маленькой? Только ему было еще хуже, гораздо хуже, чем мне, он не знал, как спастись, и поэтому вызвал к себе несчастье... Если так, то это действительно будет очень сложно. И... и...» Дальше Лиза не могла проговорить даже мысленно. Она опасалась, что не сможет помочь. Если малышу, впадшему в кому, действительно было настолько плохо, она его просто не сумеет уговорить.

Прошло двадцать три года жизни, и у Лизы появилась Марта Андреевна. Лиза любила Ма, и Ма ее любила.

Любит ли кто-нибудь того, маленького?..

У ворот больницы курил высокий седой мужчина в белом халате. «Хирург», — поняла Лиза, едва они вышли из машины. Марта Андреевна медленно-медленно закрывала дверцу, даже водитель успел выйти.

Старый хирург показался Лизе очень красивым. У него было чеканное, волевое лицо разведчика из советских фильмов, впалые щеки, нос с легкой горбинкой и ярко-голубые глаза. Марта Андреевна подошла к нему, чуть прихрамывая, утиной походкой. Он подался вперед, как леопард, бросил сигарету. Он оказался чуть ли не вдвое выше маленькой Ма.

— Здравствуй, Костя, — хриловато проговорила Марта Андреевна. — Это Лиза, моя медиум. Лиза, это Константин Владимирович Сорин.

Лиза на мгновение закрыла глаза.

Так вот оно что...

«Почему ты не вышла за него замуж, Ма? Тогда, тридцать пять лет назад?..» Безнадежная любовь сидела в Константине Владимировиче как мелкий, с иглу, осколок снаряда сидит возле сердца. Лиза поняла, что однажды осколок может начать движение, и тогда... Марта Андреевна подергала ее за рукав, возвращая к реальности. Подошел водитель синей машины.

— Константин Владимирович, — проговорил он, и голос его сорвался. Хирург нахмурился.

— Делаем, что можем, Петр Палыч, — сказал он. — Вот, еще одного психохирурга вызвали. На консилиум. Да вы же сами подвезли.

Бородач даже отступил на шаг. Глаза его расширились, он беспомощно перевел взгляд на Ма, потом — на Лизу. Лизе неловко стало от его взгляда. Очень неловко это — быть последней надеждой.

— Я... — пробормотал он. — Вы...

— Марта Андреевна, — представилась Ма. — На консилиум? Пошли, Костя, быстрее, время позднее. Лиза, не отставай.

Пока они торопились от ворот к корпусу, бородач поспешал за ними. Константин Владимирович что-то говорил Ма, наклоняясь к ней с высоты двухметрового роста, а Лиза переставляла ноги на автопилоте. Будто бы вместе со светом редких фонарей она растворялась в глухой осенней ночи: она впускала и испытывала чувства сразу троих человек.

Лиза не прислушивалась к словам. Слова не требовались. Ма выпагивала по асфальту, целеустремленная и решительная, ей даже не хотелось курить, ее ждало дело, — но стоило окунуться чуть глубже, и открывалось, как ей горько и неудобно, почти мучительно, почти страшно, и она спасается в своей решимости, как в шляпке. Так же горько было Константину Владимировичу — а под его горечью крылись надежды, целых две, и одна из них становилась для него пыткой хуже отчаяния. Костя Сорин никогда не переставал ждать свою бывшую сокурсницу; и знал, что не дождется, и не желал забывать. А бородача-водителя, шедшего следом, звали Петя, дядя Петя, папа Петя, и он был отцом того малыша, которого приехали спасать Ма и Лиза.

Поняв это, Лиза немного расслабилась.

Папа Петя по-настоящему любил своего сына. Очень любил. Значит, что бы ни случилось, Лиза сможет напомнить мальчику о добром папе, который ждет его на земле живых и будет плакать, если сын не вернется.

Константин Владимирович влетел в двери, как метеор, и едва успел придержать их перед Ма. Та вкатилась следом, словно пушечное ядро. Для Лизы двери придержал папа Петя.

Лиза ему улыбнулась.

— Идемте, Петр Палыч, — сказал хирург, — поднимемся вместе.

— Лиза, — велела Ма, — подожди здесь.

Прошло пятнадцать минут, а по внутреннему времени — больше часа.

Лиза вконец измучилась от сидения в приемном покое.

Целый день она работала. Усталость давила на плечи и сыпалась песком в глаза. Но Лизе нужно было оставаться собранной, а главное, чуткой, и значит, сейчас она не имела права крепить мысленные щиты. Приходилось чувствовать все, — вот проклятие медиума! — и растворяться, расплываться, подниматься облаком к бледному потолку, осязая, впитывая, понимать... Лиза привыкла к вязкой тине неврозов и язвам стыда, к зыбучим пескам депрессий, мокнувшим опухолям созависимостей. Если бы ей дали время на подготовку, пожалуй, она смогла бы войти даже в страшно искореженное сознание психотика или во внутреннюю вселенную шизофреника, неописуемую ни красками, ни словами.

Здесь этого не было. Здесь ее окружало простое телесное страдание — но не только оно.

Вот провезли на скрипучей каталке крепкого, ухоженного мужчину средних лет. Лиза, тонким туманом повисшая под потолком коридора, протянула к нему одну из бесчисленных прозрачных рук... Зовут Серега, делал ремонт, упал, сломал позвоночник... Над ним, держа его за руку, шла женщина, жена, обезумевшая от горя и все равно прекрасная. Упрямая, отважная любовь горела в ее глазах. Но Лиза против собственной воли окуналась глубже и видела, *что* на самом деле поддерживает красивую женщину в ее беде. Наконец, наконец, она чувствовала себя главной! Сильной, властной хозяйкой, а не копейкой на коленях мужа. Не покомандовать ему больше, теперь она его опекунша...

И ходил-ходил вдалеке бедный дедушка, бородатый и оборванный, но чистый, ничего не понимал, только просил отвести его в туалет. Всем было не до него. Лиза хотела ему помочь, но она сама не знала, где тут туалет, а когда встала поискать, обнаружила, что стены вокруг нее кренятся, лампы вращаются, и сама она мало что понимает — где она, кто она? — и заплетается у нее язык... Она насилиу вернулась на стул и вцепилась в него. Дедушка все просил вдалеке жалобно, как ребенок, а потом уже ходил в мокрых штанах...

...Лиза видела много мучений. Ее сердце отзывалось всякой чужой болью, было полно своей. Но эту боль причиняли люди: друг другу или сами себе. В ней всегда был кто-то виновен, и от нее всегда можно было избавиться. Но здесь была и боль, возникающая случайно, без повода, из несчастливого стечения обстоятельств — и еще из чего-то немислимого, что даже медиум едва мог почувствовать и не имел сил назвать.

Текли минуты. Из дальней двери показались две женщины. Выжившую из ума старушку вела под руку дочь, сама уже старая, горбатая карлица... У Лизы в горле встал ржавый ком. Она была невидимым облаком, но даже облако уже таяло, перерождаясь в самодостаточный орган *чувства* — и она чувствовала и знала все. Всю их жизнь напролет. Интеллект у карлицы тоже был сниженный, но не из-за деменции, а с рождения: легкая форма дебилности. Мать и дочь шли и тихонько переговаривались.

Эндокринолог велел старушке ограничить потребление сахара. «Сладкое, говорю, ограничить!» — прикрикнул он, раздосадованный, отчаявшись что-то ей втолковать.

— Граничи-граничи... — говорили друг другу старушки, кивали и улыбались, — граничи-граничи...

И тогда Лиза испугалась.

У нее уже не было сил сострадать. Она испугалась за себя. Ей предстояло окунуться в сознания этих страшно несчастных, неизлечимых, безнадежно неполных людей. И ей нужно было сохранить здравый рассудок и способность действовать! Что, если Марта Андреевна придет сейчас?..

Старушки шли медленно-медленно: у одной были больные ноги, второй мешал горб. Они льнули друг к другу, улыбались и переговаривались — одним-единственным словом, одной интонацией. Граничи-граничи...

«Господи! — безмолвно закричала Лиза, — зачем Ты это делаешь?» — и еще: «Ма, почему ты оставила меня здесь?!»

...И руки Ма легли ей на плечи. Только в этот миг Лиза поняла, какая ее колотит дрожь. Она едва владела собственным телом. Немудрено: только что ее тела для нее не существовало... А Ма стояла над ней спокойная, как каменная баба. Она была в белом халате, на стиге локтя висел второй.

— Идем, — невозмутимо сказала Ма.

Подождала секунду, подняла Лизу за плечи и сама одела ее в медицинский халат.

Марта Андреевна припасла и бахилы, и одноразовые чепцы — достала их из карманов уже у дверей отделения. Всю дорогу она держала Лизу за руку, и та почти успокоилась. «Ты не переживай, — бурчала Ма себе под нос, — это я виновата, старая дура. Совсем очумела. Бросила тебя там. Прости меня, Лизка, пожалуйста». Лиза не могла ответить. Больше всего ей хотелось уткнуться носом в плечо Ма, в кусачую шерсть малинового ее свитера, и посидеть так. Но времени не было.

Вдоль стены коридора тянулся ряд жестких стульев. Лиза села и стала натягивать бахилы. Ма плюхнулась рядом. Некоторое время Лиза слушала ее смешное, родное пыхтение. Она знала, что ее утешают, и не могло быть утешения лучше...

Из-за угла показался папа Петя. Он вел с собой маленькую исплаканную женщину, бесцветную от горя. Лиза на мгновение подняла взгляд. Женщину звали мама Ксюша. Окунувшись в ее сознание, Лиза так обрадовалась, что даже не заплакала вместе с ней. Мама Ксюша тоже оказалась хорошей. Хорошие, настоящие папа и мама! Их мальчик никогда, никогда не стал бы медиумом. Прежде чем случилась беда, они были счастливой семьей, и значит, оставалась всего пара часов работы Лизы и Ма до того, как они снова станут счастливыми.

Лиза улыбнулась.

— Здрассте, — сказала Ма. — Петр Палыч, вы представьте меня, что ли.

— Это Марта Андреевна, — с готовностью сказал тот и шепнул жене: — Ксюх, ну что ты. Не плачь. Вот человек же...

— А это Лиза, — продолжала Ма жизнерадостно, словно не видела слез. — Медиум-медсестра. Лучший специалист! Мы сейчас пойдем, посмотрим, Лиза поработает. Вы сядьте, сядьте. Вы ей расскажите, что случилось.

Лиза так смутилась, что онемела, но мама Ксюша не заметила ее замешательства. Она послушно села рядом с ней на жесткий стул и заговорила прерывистым полусшепотом:

— Лиза, Лиза, вы... Это я виновата. Я не уследила. Я. Саша играл, так весело играл, — она снова заплакала, без слез, и Лиза отстранилась невольно: чужая боль вкручивалась в грудь, точно штопор.

— На балконе, — монотонно продолжала мама Ксюша. — Я не уследила... Саша играл в летчика. Он летал. И упал. И летел...

Она замолкла и сгорбилась. Остальное Лиза прочитала в мыслях.

Каким-то чудом упавший с балкона мальчик действительно пролетел несколько метров в сторону — отнесло ли ветром, спланировал ли на курточке, или неведомое провидение опустило маленького летчика на мягкую землю клумбы... Но он переломал кости, а главное — ударился лбом о камень. «Скорая» приехала быстро, врачи сделали все, что могли, но он так и не пришел в себя.

Появился Константин Владимирович, и Ма встала.

— Лиза, — сказала она, — пойдем.

В отделении было очень тихо и белым-бело. Пахло грустно и странно. Высоко над постелями молчали серые мониторы. Лиза шла как по ниточке, боясь нечаянно прикоснуться к чему-нибудь и впитать отгоревшее уже страдание. Ма снова взяла ее за руку. От руки исходило тепло и покой, и Лиза крепко сжала пальцы Ма с финифтяными перстеньками. «Ш-ш-ш, — прошептала Ма, — все будет хорошо». Константин Владимирович подвел их к кровати, в которой Лиза не сразу разглядела мальчика. Худенький, малорослый для своих семи лет, он был блее, чем простынь.

Лиза глубоко вздохнула.

Ощущая мысленное разрешение Константина Владимировича, она села прямо на край кровати и задумалась.

За спиной ее встали рядом Костя и Ма. Они молчали и ждали, мысли их остановились, и они почти не мешали Лизе работать — почти, потому что не чувствовать они не могли, и уйти не могли тоже. «Это ничего, — сказала себе Лиза. — Главное — малыш. Главное — найти малыша». Она закрыла глаза и стала вслушиваться в огромное темное безмолвие, все шире открывавшееся перед ней.

Огромное. Бесконечное. Оно не двигалось, не дышало, не перекачивало валы, и за ним не играл листвою Остров Яблок. Лиза опускалась во тьму плавно и безмятежно, как опавший листок в безветрии. Глубже и глубже,

сквозь пояс сублимаций и реактивных покрытий, сквозь пояс неврозоз, через грань восприятия туда, где должны быть безусловные рефлексy и еще ниже... Пустота. Ни мыслей, ни чувств, ни движений. Только молчание и мрак, молчание и мрак, устремляющиеся к пределу.

К точке исчезновения.

«Нет. О нет», — Лиза в единый миг вырвалась из потемок и нервно слотнула.

Там, в темноте, почти ничего не было. То есть все почти кончилось. Почти...

Ма услышала ее мысли и насторожилась. Она хорошо знала своего меднума. Кинуться на выручку тому, кто нуждается в помощи, потратить все силы и довести себя до изнеможения и болезни — это Лиза умела. «Лизка, — подумала Ма, — погоди. Ты примерься получше. Можешь — делай, не можешь — отступись! Ты мне живая нужна и здоровая. Если парень ушел уже, толку биться?..» «Ма, — мысленно взмолилась Лиза, — не говори этого!» Но Ма зафыркала и сделала по-своему.

— Костя, — очень ровно спросила она, — а стоит ли?..

Костя взвился. Лиза сидела спиной к нему, но видела через Ма: глаза хирурга побледнели и сверкнули, как скальпели.

— Шесть часов собирали! — едва слышно крикнул он. — Ходить будет. Бегать будет! Клянусь!

— Лиза! — сказала Ма вслух.

«Костька не видит, — продолжала она мысленно, — а мы-то видим. Тихо слишком, Лизка...» Она не продолжала, а Лиза не торопилась отвечать.

Лиза осторожно наклонилась над мальчиком и опустила лоб на подушку рядом с маленьким ухом.

Она слушала. Она думала, чувствовала и поняла наконец, что у нее есть свое мнение. И если Марта Андреевна скажет сейчас: «Предназначено погибнуть», — Лиза будет душой и не послушается ее.

Но Ма молчала.

Очень медленно, точно боясь потерять, расплескать найденное, Лиза поднялась и обернулась к двум хирургам.

— Марта Андреевна, — сказала она, — это не так.

Та поняла с полуслова.

— А как?

— Он как будто уже... все.

— Как будто? — уточнила Ма.

— Есть тонкая ниточка. Тонкая-тонкая. Но я вижу через нее, — Лиза помолчала, заново всматриваясь и внимая. — Там мир, свет, — сказала она. — Ему там хорошо.

«Детям там хорошо, — подумал Костя так громко, что Лиза услышала. — Но мы все равно не пускаем их. Изо всех сил».

— Позови его, — теперь без всяких сомнений велела Ма.

И Лиза не сомневалась.

Она снова положила голову на подушку, устроилась поудобней и замерла, прислушиваясь. Хирурги смотрели на нее во все глаза. Они тоже оцепенели. Они касались друг друга краешками рукавов, но ни один не поворачивал головы. Лиза думала о них, таких сильных, таких больших своими делами, таких старых уже... Почему, зачем так вышло? Что заставило их разъединить свои жизни? Никогда не узнать. Тем временем Лиза была где-то вовне и одновременно — внутри, протянутая вдоль тончайшей нити между жизнью и жизнью, среди трепета и мерцания бесплотных троп, в напряженном блеске и чем-то огромном теплом дыхании. И она ступала по иной земле.

А потом он, тот самый, коснулся ее ладони, пока над ними в солнечном воздухе выстреливали конфетти, и она пошла рядом с ним со счастливой улыбкой — держась за руку давно уже взрослого мужчины, ребенка только лишь сердцем, за руку защитника, друга, солдата и мастера, доброго и храброго человека.

...Спустя несколько минут Лиза поднялась и поцеловала мальчика в холодную щеку и в лоб.

— Лети ко мне, — сказала она с улыбкой, — лети, не задерживайся, летчик.

9.11.2009

ДЕНИС ГОЛИКОВ

ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ

Перед выходом из подъезда я остановился, чтобы поплотнее застегнуть дождевик и глянуть сквозь стеклянную стену, что ждет меня снаружи. Привычка в наше время не лишняя, особенно если живешь, что называется, «без крыши». То есть — не под куполом.

— Ветер северо-западный, порывами до трех-пяти метров в секунду, — подал голос автоинформатор, — низкая облачность, плотные осадки, кислотность повышенная. Не забывайте, пожалуйста, пользоваться индивидуальными средствами защиты! Спасибо.

Эти железки стоят в каждом подъезде, хотя и без них понятно: если из сереющих над самыми крышами туч плотно сеется такая отвратительная, с фиолетовым отливом, морось, а на асфальте видны маслянистые разводы, значит, застегивай дождевик плотнее. И не забудь проверить фильтры. Намордник с выдохшимися фильтрами — это не смешно.

Первая дверь тихо откатила в сторону, почуввав мое приближение. Вторая открывается кнопкой и только после закрытия первой. Как на космическом корабле.

Облупившиеся от кислотных дождей стены, фонарные столбы. Навстречу спешат такие же ранние пташки, как я. Под складками плащей и респираторами не разберешь, где мужчина, где женщина. Уныло.

Не то чтобы уровень моих доходов маловат для житья под куполом. Вовсе нет. Я бы вполне мог позволить себе местечко где-нибудь в нижнем ярусе. С верандой, сквериком под окнами и искусственным солнцем. Но мне пока и здесь неплохо, я здесь родился. Тем более станции «Экстренной помощи» — ЭКСП — бывают только под открытым небом, значит, все равно каждый день выползать под дождь. А дворик с верандой, может, на старости лет пригодятся, когда придет время сидеть на лавочке и вспоминать молодые годы.

Пройдя через темный переулок, попадаешь на набережную. Люблю это место. Чернеет глянцева Нева, отливая в лучах прожекторов зеленоватыми и кроваво-красными прожилками. Чистым золотом горит в утренней мгле уходящая за облака громада Василеостровского купола. Говорят, если встать на этом берегу с мощным биноклем, можно в подробностях рассмотреть жизнь его обитателей. Сам не знаю. Ни разу не пробовал.

Под этим куполом находится большая часть моего участка. Конечно, и здесь, под открытым небом, встречаются отдельные индивидуумы достаточно кредитоспособные, чтобы оплатить услуги «Экстренной помощи», но это, по статистике, только десять процентов всей нашей паствы. Говорят, два десятка лет назад было еще меньше: люди предпочитали сначала перебраться под крышу. Сейчас приоритеты изменились, и для современных граждан наши услуги стали более актуальными, чем комфортное жилье.

Место моей работы — приземистое одноэтажное здание с бронированной дверью и въездом в подземный гараж. Тонкая мачта возносит над его крышей десятиметровый шарик для гольфа. На самом деле, к гольфу устройство не имеет никакого отношения, но уж больно похоже. Какой-нибудь техник может иной раз обзвать его «фазированная всенаправленная ультракоротковолновая еще-пять-прилагательных антенна», но мы между собой говорим просто «шарик для гольфа». Этот шарик — гордость наших физиков и одна из главных составляющих сложной технической базы «экстренной помощи».

Пройдя пост охраны на входе и санитарную зону, любой посетитель или работник попадает в лифт и спускается под землю на добрую сотню метров. Можно было закапывать не так глубоко, но тут опять-таки влияет Питерская специфика. Как говорят, на поверхности строить было нельзя, потому что атмосферные помехи. На десяти метрах строить нельзя, там помехи от кабельных коммуникаций. На двадцати метрах проходит метро, а на тридцати плавун. Не знаю даже, что там такого нашлось на всех остальных глубинах, но ехать в лифте нужно минуты три.

В надземной части здания кроме этого лифта и комнатки охраны есть еще гардероб и две душевых. В первую попадаешь прямо из шлюза — там с твоей одежды смывают всю уличную мерзость. Вторая — после гардероба. Там уже моешься сам. Внизу все должно быть если не стерильно, то близко к тому. Почти как на гидропонной ферме или ядерной станции.

Во второй душевой сейчас людно. Плескаются трое техников, складывает вещи в ящик мой коллега, оператор Гена. Доктор Белов натягивает стерильные подптанники.

— Утро доброе, дядь Витя, — здороваюсь я с Беловым.

— Доброе, молодой человек.

— Дима, — Протянул мне жилистую руку Гена, — а ты знаешь, что тебя сегодня ставят на нижний ярус?

— Инсайдерская информация? — ухмыльнулся я, складывая штаны и ботинки в свой шкафчик. Работу на нижнем ярусе купола многие считают самой мерзкой. Мало того, что здесь идет вал дурацких обращений по пустякам, так еще и «в нагрузку» дают кусок сложного и муторного Выборгского шоссе, с его туманами и сбоящей дорожной автоматикой. А уж Генкино стремление всегда быть заранее в курсе, кого на какой участок поставят, мне вообще малопонятно. Какая разница? Сегодня здесь, завтра там.

— Галка, с диспетчерского, сказала. Мы с ней в одном автобусе ехали. Ну, бывай, я побежал.

Спускаюсь. Мое рабочее место — гробик два на два метра, обнесенный звуконепроницаемыми перегородками. Анатомическое кресло, два больших экрана, сенсорная доска для управления всем хозяйством. Эта часть оборудования мало отличается от любого колл-центра. Самый главный рабочий инструмент здесь, подобного которому нет ни в каком колл-центре, — это шлем-сеть. Внешне напоминает блестящего металлического дикобраза, привязанного к компьютерной консоли пучком оптоволокну. Устраиваюсь в кресле и одеваю этого дикобраза себе на голову. Минут пять он подстраивается, калибруется, ищет рефлекторные точки на висках и темечке, а я в это время проглядываю карту плотности обращений по своему участку и морально готовлюсь. Сейчас будет работа.

— Оператор 517 Дмитрий, вы готовы начать смену? — мне кажется, что я слышу приятный женский голос, но на самом деле мои барабанные перепонки тут ни при чем, сигнал проецируется прямо на синапсы слухового нерва.

— Оператор 517 Дмитрий готов. — Ритуальный ответ также произносится без помощи слов. Молодые операторы, конечно, шевелят губами, но автоматике это не нужно, она снимает речевой сигнал гораздо раньше.

— Выполняю подключение к сети. Удачного рабочего дня.

И почти без перерыва — первый вызов. Сначала я слышу только речь, на подключение к остальным системам восприятия требуется явное согласие клиента.

— Помогите же мне скорее! — в срывающемся девичьем голосе слышно отчаяние. Не иначе ее уже насилуют, грабят и убивают одновременно.

— Оператор Дмитрий на связи, чем могу помочь? — я говорю с хорошо поставленной интонацией спокойного участия. Постановке этой интонации уделяется немало времени на учебных курсах ЭКСП.

— Да смотрите же! Вы что, не видите? — одновременно с этими словами подключается зрение. Теперь я могу легким усилием воли переключаться между тем, что видят мои глаза и тем, что видят глаза клиента. Взгляд абонентки сейчас заволакивают слезы, поэтому видно плохо. Освещенная комната, массивная мебель, цветастый ковер на полу. Девушка рыдает, но совершенно непонятно, что случилось. Движением пальцев по сенсорной доске вывожу на левый экран ее физиологические данные. Пульс учащенный, очагов боли нет, общий физиологический стресс — весьма умеренный, общий эмоциональный уровень — зашкаливает. Все понятно. Истеричка обыкновенная.

— Расскажите, пожалуйста, что у вас произошло? — говорю я со всей возможной теплотой и любезностью.

— А ты не видишь, да? — на высокой ноте, со всхлипами и придыханием. — Я вазу разбила! И порезалась! Вот! — дамочка, наконец, догадалась

смахнуть слезы с ресниц и в поле зрения прояснилось. Действительно — осколки тонкой керамики по всему полу, лужа воды, сломанная роза на ковре и тонкий наманикюренный пальчик тычет чуть не в глаз.

— Пожалуйста, успокойтесь. Я с вами, и ничего страшного больше не случится. Как вас зовут? У вас есть дома аптечка? — царапина на пальце пустыковая, только набухла рубиновой каплей.

— Вика, — шмыгает носом. — А аптечка... Не знаю, кажется, у мужа в машине есть. Но он сейчас на работе... — последнее «е» растягивается в еще один всхлип, полный отчаяния.

— Тогда пройдите, пожалуйста, в ванную. Посмотрим, что можно сделать подручными средствами.

Пока она поднимается и бредет куда-то через свою многометровую квартиру, я снова бросаю взгляд на левый экран. Пульс уже заметно успокоился, эмоциональная компонента тоже потихоньку пошла на спад. Это хорошо, значит, повторных истерик не предвидится. Самое смешное, что я фактически ничего и не сделал, она успокаивается от самого факта моего присутствия. Мы называем это «эффект оператора».

В ванной под моим чутким руководством пострадавшая смачивает ватный тампон одеколоном мужа и прикладывает к царапине.

— Скажите, а можно как-нибудь склеить вазу? Она дорогая, муж очень рассердится, когда узнает! — теперь слез в ее голосе уже не слышно, только просительные нотки.

Я вывожу себе на правый экран информацию по ее балансу.

— Остаток на вашем страховом счете позволяет получить пятнадцатиминутную консультацию мастера по мелкому ремонту. Думаю, он сможет что-нибудь придумать, но если вы снова порежете палец до окончания месяца — придется пополнить счет.

— Соединяйте! — в ее голосе слышны интонации мученицы, готовящейся взойти на эшафот. Остаться на неделю без помощи нашей конторы Вике страшно, но гнева мужа она боится еще больше. Я послушно выполняю просьбу и отсоединяюсь.

Ну вот, даже не пришлось самому брать управление. Операторская примета гласит, что если на первом вызове обходится без скандала и перехвата управления — значит, смена пройдет гладко.

Второй вызов толкнулся в голову спустя положенные двадцать секунд паузы.

— Доброе утро. — Спокойный, уверенный баритон. Интересно, что у него случилось? В критической ситуации люди, как правило, не называют утро «добрым». — Видите ли, я застрял на Выборгском шоссе.

— Уточните, пожалуйста, проблему: у вас произошла авария или поломка автомобиля?

— Нет, нет, что вы! Никакой аварии. Просто машина внезапно остановилась. Посмотрите сами, зачем я буду вам объяснять? — Желание

клиента для нас закон. Если клиент желает, чтобы оператор смотрел его глазами, — оператор смотрит. Я вижу салон дорогого автомобиля, холеные руки на руле, непроглядный туман за окнами и мигающий индикатор отказа автопилота в углу приборной панели. Совершенно обычное дело на Выборгской трассе. Автопилот ведет машину по командам установленных вдоль дороги радиодрайверов, а те основательно изъедены кислотными дождями и не пробиваются через плотный туман.

— Наиболее рациональным действием в случае отказа автопилота является обращение в дорожную инспекцию. Вас выведут в течение получаса и совершенно бесплатно. — Объяснил я прописную истину взрослому солидному человеку, зарабатывающему раз в десять больше меня.

— Но я опаздываю на важное совещание!

— Согласно правилам дорожного движения, осуществлять движение в условиях нулевой видимости с отказавшим автопилотом категорически запрещено.

— Кроме экстренных случаев. — В голосе абонента появились раздраженные нотки.

— Ваш случай является экстренным?

— Позвольте мне репать, является ли он экстренным! Как вы думаете, если я обратился в службу экстренной помощи, то наверное моя ситуация экстренная? — теперь уже он начал кипятииться всерьез. С холеными бизнесменами или чиновниками так бывает регулярно. Сначала он интеллигентен и вежлив, но стоит оператору в чем-то отказать, пусть даже по самой веской причине, как от флера цивилизованности не остается и следа.

— Тем не менее, я ничего не могу поделать. Прямой угрозы вашей жизни и здоровью нет, следовательно, случай не может считаться экстренным.

— Да мне наплевать на то, может или не может! Вы знаете, сколько денег я плачу вашей чертовой конторе каждый год? За себя, за жену, за дочь! Да тебе, сопляк, такие суммы и не снились! А теперь ты филонишь, когда я хочу чтобы ты отработал свои деньги. — Он распинается в этом ключе еще некоторое время. Меня всегда удивляло, откуда у людей берется столько красноречия, стоит их хоть немного задеть?

— Григорий Юрьевич, — проигнорировав стандартную процедуру «знакомства» я сразу обратился к нему по имени отчеству из страховой карточки. В подобных ситуациях неплохо действует. — Наш с вами разговор записывается. Если руководство компании сочтет мои действия необоснованными, оно примет меры, вам будут принесены извинения и частично компенсирована страховая сумма. Однако прошу вас не забывать, что пока мы с вами дискутируем, на линии может ожидать инвалид, ребенок или беременная женщина.

Эта казенная фраза из инструкции почти никогда не действует. Но если я ее не произнесу, мне снимут баллы за нарушение инструкции без веских причин. А снятые баллы означают минус к годовому бонусу.

— А это не мои проблемы! За те деньги, которые получает ваша контора, давно могли бы оборудовать больше операторских мест. Мне самому пришлось ждать соединения почти двадцать секунд, подождут и эти ваши... дети беременные.

Тут его тон слегка пошел на убыль:

— Ладно, хорошо. Если я скажу, что выехал без индивидуальных средств защиты, это что-то изменит?

— Очень опрометчиво с вашей стороны, но это не делает ситуацию критической до тех пор, пока вы не будете вынуждены покинуть транспортное средство. — Признаться, эта пикировка начала меня утомлять, но я действительно не могу перехватить управление и вывести его. Точно так же, как не могу и «бросить трубку».

— Хорошо, а если к тому же у меня на исходе запас салонного фильтра? — Мужчина вывел на экран бортового компьютера данные климатической системы. Показатели ресурса фильтров действительно стояли в красном секторе, почти на нуле. Интересно, он ждал такого поворота событий и подготовил себе веский аргумент в споре с оператором, или это действительно совпадение?

— Теперь ты будешь меня выводить?

— Теперь я обязан сообщить о вашем случае в дорожную инспекцию. Выезд за пределы города с неисправной или недоукомплектованной климатической системой карается крупным штрафом, вы должны это знать.

— Да мне наплевать на ваш штраф! Вези уже!

— Хорошо, тогда расслабьтесь, пожалуйста. Вы подтверждаете свое согласие на перехват управления?

— Конечно, подтверждаю! Давай скорее!

Вот она, квинтэссенция моей работы. Консультации по телефону существовали уже давно, но раньше опытный консультант не мог в прямом смысле слова влезть в шкуру своего клиента. Зачем, например, врачу выезжать на место и тратить ценное время, если можно использовать тело другого человека для оказания первой помощи? Врач умеет это делать, а случайный свидетель или родственник пострадавшего уже находится на месте происшествия. Остается только объединить эти два фактора, чтобы организовать быстрое и гарантированное спасение, или даже самоспасение, в большинстве случаев.

Теперь холеные руки в рукавах твидового пиджака — это мои руки. Ноги в мягких ботинках — мои ноги. Я чувствую запах кожи в салоне, теплый ветерок от решетки кондиционера и оплетку руля под пальцами.

То, что я собираюсь сделать, он мог бы сделать и сам. Его дорогой автомобиль хорошо оснащен для движения в тумане, а стоимость моих услуг гораздо выше штрафа. Просто мне он доверяет больше, чем себе. Потому что я — профессионал из «Экстренной помощи».

Я сгибаю и разгибаю руки, встряхиваю кистями, чтобы оценить

подвижность мышц и суставов. Вывожу спутниковую карту с отметкой моего местонахождения по GPS прямо на лобовое стекло. Разрешение системы вполне достаточное, чтобы не выехать на встречу и не слететь с дороги. Включаю на полную мощность передний парктроник. Это, конечно, не навигационный прибор, но случись по пути неожиданное препятствие, успеем хоть притормозить. Аккуратно трогаюсь с места. Езда по GPS похожа на старую компьютерную игру, где нужно управлять маленькой машинкой, глядя на нее сверху. Если бы на карте отображались еще и другие машинки, а также прочие неожиданные препятствия, было бы совсем здорово. Но выбирать не приходится: действую на свой страх и риск, полагаясь на парктроник, реакцию и интуицию. К тому моменту, когда автопилот, наконец, с радостным писком подхватывает управление, моя спина уже изрядно взмокла.

Почти одновременно с включением автопилота клиент бесцеремонно выпшвыривает меня из своего тела и своего сознания. Довольно грубо и невежливо, но к таким поступкам привыкаешь за первую неделю работы. Не обращать внимания на обычное хамство я учился гораздо дольше.

Теперь у меня есть положенные двадцать секунд передышки. На часах половина одиннадцатого, после следующего вызова можно взять перерыв: подкрепиться в столовой, перекинутся парой слов с коллегами в курилке или просто посидеть в комнате отдыха. Надеюсь, мне снова попадетсЯ какой-нибудь порезанный пальчик.

— Здравствуйте! — Женский голос, вполне жизнерадостный. — Только вы не думайте, со мной ничего не случилось. — Как мило с ее стороны сразу меня успокоить, а то я уж весь испереживался...

— Доброе утро. Оператор Дмитрий, чем могу вам помочь?

— Знаете, я сейчас в аптеке! Скажите, пожалуйста, какой гель для душа лучше выбрать? — Да, бывают в нашей практике и такие случаи, причем с завидной регулярностью. Чаще всего с дурацкими вопросами пристают те, у кого скоро заканчивается страховой контракт, а лимит по счету еще не исчерпан. Чтобы деньги не пропадали. Поэтому у нас есть специалисты и по таким вопросам:

— Предлагаю переключить вас на косметолога, который сможет дать профессиональную консультацию.

— Но это ведь будет дополнительная услуга? По тарифу «Специалист»?

Ух ты, мы даже договор читали. Редкий случай в наше время. Тариф «Специалист» — это поминутная оплата с заоблачными расценками. Придуман специально для тех, кто любит обращаться в службу с пустяковыми вопросами. Говорят, приносит компании до сорока процентов от общего дохода.

— Совершенно верно. Зато вы получите абсолютно точный и исчерпывающий ответ на ваш вопрос.

— Спасибо, конечно, но мне интересно было бы услышать ваше мнение.

Поскольку никакой напряженной ситуации нет, и посмотреть мне пока ни на что не предлагают, вывожу на экран фотографию таинственной незнакомки. Прилагается к страховому договору. Милая мордашка, соломенные волосы. Симпатичная, но ничего выдающегося.

— Берите тот, который дороже. В верхней ценовой категории откровенно некачественного товара не бывает. — Косметические средства не мой конек. Интересно, где это она привередничает? Несколько пассов над сенсорной доской, без отрыва от диалога об особенностях типов кожи и жесткости воды, раскрывают мне секрет. Василеостровский купол, нижний ярус, восточная сторона. Недалеко от технической зоны — кондиционеры, цистерны с хлореллой, водяные и воздушные фильтры, и никаких веранд под окнами. Одно отличие от жилья под открытым небом — дышать можно без намордника.

— Ой.

Внезапное восклицание, когда мы уже почти закончили выбирать между продукцией двух известных брендов. В голосе так ясно слышна смесь растерянности и страха, что я невольно подбираюсь в кресле, и вывожу на экран физиологическую карту. Адреналин у моей абонентки зашкаливает.

И в тот же момент появляются картинка и звук. Произносить волшебные слова для этого вовсе не обязательно: достаточно очень сильного желания клиента.

Обычная небольшая аптека самообслуживания из тех, где косметических средств больше чем лекарств. Несколько посетителей, и двое громил в черной коже прямо посреди зала. Один — коренастый, с густыми бровями и бородой, волосатые руки сжимают жуткого вида обрез, спортивная сумка через плечо. Второй — высокий, худой, длинноволосый, заметно младше первого. Он уже успел запрыгнуть на низенький шкафчик с контрацептивами, и оттуда размахивает маленьким блестящим пистолетом.

— Всем лежать! Мордой вниз, я сказал!

Кто из громил орет непонятно, да это уже и не важно. Моя клиентка валится лицом вниз. Вижу грязный пол. Это она молодец, большинство людей, привыкших регулярно пользоваться услугами «экстренной помощи» на ее месте стояли бы столбом до тех пор, пока оператор так или иначе не поддержит приказ грабителя своим авторитетом.

Кажется, у меня на принятие решения ушло чуть больше времени, чем у нее. Мне даже стало стыдно.

Зато дальше я уже не медлю: мои руки как будто сами собой, без участия ошарашенного рассудка, отрабатывают положенную по инструкции последовательность действий. Я активирую запись происходящего по всем каналам, определяю точный адрес аптеки, отправляю срочный вызов в милицию и «скорую», отправляю уведомление по внутренней сети, чтобы в случае чего мне на помощь могли быстро прийти операторы-специалисты. В нашей ситуации, скорее всего, врачи.

Чувствую резкую боль в колене. Видимо, девушка стукнулась обо что-то при падении и решила поделиться со мной этим каналом восприятия. Вполне нормальная реакция, кстати.

— Не шевелиться! Замерли все! — снова раздался хриплый голос одного из преступников. Хлопнул выстрел, дзенькнула о стальной потолок пуля, разлетелось в дребезги что-то стеклянное. Стреляли, похоже, просто для остротки. Девушка непроизвольно повернулась на резкий звук, и я увидел, как громила с обрезом ставит свою сумку на пол, дергает молнию и вытягивает длинную телескопическую антенну с шариком на конце. Глушилка! Я много слышал об этих устройствах, но сейчас вижу такое впервые. Придуманная каким-то уличным гением, глушилка блокирует возможность операторов «экстренной помощи» подключаться к абонентам в радиусе сотни метров вокруг себя. Принцип ее действия мне совершенно непонятен, как непонятны и принципы работы нашего оборудования в целом. Знаю только, что маленький шарик на верхушке телескопической антенны — это уменьшенная копия «мячика для гольфа».

Но я-то уже подключен! Мощности глушилок недостаточно, чтобы перебить уже установленный канал! Похоже, мне светит история. Нужно будет очень постараться, чтобы войти в нее, а не вяпаться.

Громилка производит еще несколько манипуляций с прибором в своей сумке. Я слышу низкий гул, а взгляд заволакивает легкой рябью.

Очень вовремя для них: несколько лежащих на полу посетителей аптеки уже приложили пальцы к вискам. Условный жест, сигнал биоэлектронной начинке в головах абонентов вызвать оператора. Но не успеют. Большинство операторов сейчас бинтуют порезанные пальцы, помогают выбирать гели для душа и решают другие важные вопросы, так что задержка соединения наверняка не меньше двадцати секунд, а коренастый врубил глушилку максимум за пять.

С другой стороны, что те операторы могли бы сделать?

А что могу сделать я?

Моя девушка лежит, замерев, несмотря на ощутимую боль в колене. То ли оцепенела от страха, то ли понимает: сейчас это самое правильное решение. Кстати, как ее хоть зовут-то? Ага, Екатерина. Катя, то есть. Это надо запомнить, пригодится.

— Катя, я все еще с тобой. Мужайся, все скоро кончится. Мы их не интесуем. Главное не паниковать, и все будет в порядке. — Стараюсь успокоить, как могу. В инструкциях почему-то совершенно ничего нет о том, как правильно действовать, если вы с абонентом, не успев выбрать гель для душа, оказались под прицелом.

— Сделай что-нибудь, пожалуйста! — Судя по голосу, напугана она сильно, но в панику не впадает. Это очень хорошо! Говорю так, чтобы звучало убедительно:

— Делать ничего не надо. Сейчас они возьмут, что хотят, а потом быстро

уберутся. Никому не нужны лишние проблемы. От нас с тобой им нужно только, чтобы мы тихо лежали и не мешали им грабить.

Бандиты тем временем не сидят на месте. Длинный соскакивает со своего постамент, достает из кармана плотный черный пакет, бросает его на прилавок перед лысоватым и седобородым дядькой-аптекарем.

— Кетамин, амфетамин и опиаты — любые, какие есть. Живо, и побольше!

Аптекарь, бледнея, трясущимися руками, со второй попытки берет пакет и замирает, беспомощно глядя на грабителя и хватая ртом воздух.

— Ну, чего встал? Шевелись!.. — дальше длинно и непечатно.

— Лекарства все там, — аптекарь махает рукой куда-то за спину, — в сейфе.

— Тогда какого черта ты еще здесь? И не пытайся смяться, скотина, а то мы тут всех положим, всех, понял? — голос бандита срывается почти на визг. Ощущение такое, как будто он накручивает сам себя. Интересно. Думает, что так ему будет легче справиться со страхом? Или, правда, нервишки пошаливают? Второй в это время дергает стволом своего обрезка из стороны в сторону, наблюдая за лежащими на полу людьми.

Аптекарь возвращается. Мешок в его руках полон едва ли на треть.

— Почему так мало? Я тебя спрашиваю: какого черта так мало?

Длинный тычет аптекарю в грудь пистолетом, тот бледнеет еще сильнее. Бандит явно недоволен. Свободной рукой он вырывает у аптекаря свой пакет и коротко, почти без замаха, бьет пожилого человека рукояткой пистолета в скулу. Звук удара, веер багряных брызг, аптекарь отлетает в сторону, бьется головой об одну из полок и грузно съезжает вдоль стены на пол.

Громиле этого мало. Он вскидывает пистолет, прицеливается...

— Ты спятил, Михай? — орет бородатый.

Все, что успеваю сделать я, это подумать «господи, да он псих!».

Ситуацию решает Катя. Внезапно, совершенно неожиданно для всех, и больше всех для меня, она вскакивает на ноги, хватая первый попавшийся под руку предмет — стеклянную баночку с гелем для душа — и со всей силы швыряет его прямо в бандита.

Катя что-то кричит, но крик тонет в звуке выстрела.

Баночка заканчивает свой полет на затылке бандита одновременно с нажатием на курок. Пуля бьет в прилавок, вышибая фонтан осколков и пластиковых брызг в лицо стрелявшему.

Мое сердце замирает. Господи, что она делает, дура? Сейчас этот псих пристрелит сначала ее, а потом добьет аптекаря, а я ничего не смогу сделать!

Перехватить управление без согласия абонента невозможно, и даже потом он может сопротивляться действиям оператора, а если и не мог бы, то...

Бац!

Искры из глаз. Чувствую тупой удар в висок, чувствую как мое тело летит, как жестко встречает его плиточный пол. С трудом выдираюсь из Катиного сенсорного тракта, чтобы вывести физиологическую карту.

Так. Очаги боли, выброс гормонов, энцефалограмма. Она без сознания, но живая! Значит, все-таки ударил, а не выстрелил.

Наверное, через несколько секунд это все уже не имело бы значения, если бы с улицы не грянул раскатистый, усиленный мегафоном голос:

— Всем оставаться на местах! Милиция! Вы окружены. Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками!

Голос орал что-то еще, но мне было уже не до этого.

Если сознание покинуло абонента, это ставит оператора в сложное положение. С одной стороны, никакого разрешения на вмешательство в ощущения и моторику больше не нужно. С другой стороны, без помощи сознания управление чужим телом становится хитрой задачей, так уж устроена наша аппаратура. Поэтому приводить Катю в сознание нужно как можно скорее.

Поворачиваю голову и вижу, что оба громилы уже потеряли интерес и к нам, и к аптекарю. Они что-то делают, мечутся, пинают ногами лежащих на земле людей, кажется, что-то орут. Я отползаю в дальний угол, за стеллажи, подальше от взглядов, поближе к выставленным на одной из полок наборам первой помощи. Перемещение бессознательного тела похоже на историю с сороконожкой, у которой спросили, как она ходит. Очень сложно не запутаться в руках и ногах, потому что нужно сосредоточиться на сокращении каждой отдельной мышцы. Необходимо разбивать движение на фазы и тщательно представлять себе, какую именно мышцу и в какой момент задействовать. С ползанием я справляюсь неплохо. Протянуть руку, свалить с полки несколько наборов, чтобы выбрать из них подходящий, мне тоже удастся без лишних усилий. Остается расстегнуть защелки. А это уже мелкая моторика. Попробуйте-ка разложить на составляющие движение сразу трех пальцев и воспроизвести его с нужной точностью и синхронностью.

Пальцы скользят по пластику, срываются. Мешают ногти, не слишком длинные, но все же чертовски непривычные. С пятой или шестой попытки мне удастся найти правильный алгоритм действий, осталось только воспроизвести его четко и без запинки.

Пальцы соскальзывают. Отвлекаюсь на секунду, бросаю взгляд на экран с физиологическими данными. Кажется, все стабильно.

Защелка, наконец, поддается. Теперь найти нужный отсек. Меня интересуют анальгетик и стимулятор по сильнее. Самое сложное — сделать инъекцию. Анальгетик ввести легко: прикладываем шприц-ручку к любому месту на теле, давим кнопку. Щелк! Через пару минут станет легче. Со стимулятором сложнее: его нужно колоть в вену. Мини-инъектор, конечно, с индикатором, но все равно прицелиться им задача не из легких. Щелк! Мимо. Аппарат определяет промах и разочарованно жужжит приводом, втягивая иглу обратно в корпус. Слава богу, умная вещь рассчитана на то, что окажется в неловких руках. Щелк! Еще один укол мимо. Надо постараться! Щелк! Инъектор замирает на секунду и зажигает зеленый огонек. Победа!

Теперь, когда я сделал все, чтобы Катя пришла в сознание, необходимо понять, что же происходит. Я поднимаю глаза.

Все посетители аптеки выстроены в линейку напротив стеклянной витрины, преступники укрылись за прилавком, как за баррикадой.

Так. Похоже, вместо того, чтобы просто поднять лапки кверху, горе-бандиты решили поиграть в захват заложников. Наши с Катей злключения только начинаются. Как реагирует милиция, мне с моего места не видно, однако активных действий теперь ждать придется долго: пока сообразят, что к чему, пока разработают план, вызовут переговорщика... После прошлогодней сочинской трагедии любой захват заложников считается терроризмом, а терроризм — штука серьезная.

С моего места хорошо видно, что между бандитами происходит какая-то сцена, они явно оживлены и спорят о чем-то в полголоса...

И тут худой тянется ладонями к вискам. Жест, прекрасно знакомый любому современному человеку. Вызов оператора «Экстренной помощи»! Я в смятении. Мало того, что некто, способный оплатить наши услуги, грабит аптеки, так он еще и не нашел в сложной ситуации лучшего выхода, чем обратиться в ЭКСП. Работающая глушилка, о которой бандит совершенно забыл, становится на этом фоне просто мелкой подробностью.

Бородатый дергивает руки своего поделщика с висков и дупит его по щекам, как вправшую в истерику дамочку. Не возьмусь пересказать, что он при этом орет, — ни одного цензурного слова.

Да, к серьезным осложнениям эти типы совершенно не готовы.

Тощий поворачивает голову в мою сторону, как будто пытается уклониться от льющегося на него потока брани. Наши взгляды встречаются.

— Эй! Эта стерва на нас глазее! — Теперь уже оба бандита уставились на меня. — Ты же врзал ей по башке, почему тогда она сидит там и пялится?

Бородатый встал и пошел к нам с Катей. Минуту он стоял, нависнув над нами пузом, и покачивал дулом обреза. Потом сказал через плечо:

— Слышь, Михей, она ширнулась стимулятором. — Во внимательности гаду не откажешь. Сложно вколоть себе стимулятор, если находишься без сознания. А если сознание тебя не оставило, то и стимулятор не нужен. Время идти ва-банк.

Еще раз проверяю состояние Кати. Судя по показателям, она уже приходит в себя. Это очень хорошо, ты молодчина, девочка, но только не мешай мне, пожалуйста, не мешай!

С этой мыслью я поднимаюсь на ноги. Бородатый смотрит на меня внимательно, подозрительно, он напряжен и ожидает сейчас чего угодно.

— Эта девушка находится в подключении. Сейчас с вами говорю я, оператор «Экстренной помощи» Дмитрий Рогожин. Мужики, я не знаю, что вы задумали, но давайте не будем делать глупостей и спокойно поговорим.

Мои интонации воплощают неколебимое спокойствие, уверенность

и силу. Бородатый, несмотря на возникшие секундой ранее подозрения, совершенно не ожидает такого поворота событий, он бледнеет и отступает на шаг. На лице второго бандита и вовсе читается суеверный ужас. Теперь важно не упустить инициативу. Я продолжаю:

— Я не из милиции. Мне просто нужно, чтобы никто из присутствующих не пострадал, в том числе и вы двое.

Бородатый пришел в себя после первого потрясения и набылчился.

— Как бы тебе, браток, тут самому не пострадать. Или цыпе твоей, как получится. Если уж так хочешь, чтобы все было в порядке, скажи там своим, пусть подгонят к выходу машину и обеспечат коридор из купола. Тогда никто и не пострадает. И советую тебе не дергаться. Я теперь с тебя глаз не спущу! — бородатый попятился обратно к своему другу, который так и сидел все время с открытым ртом. Попутно он косится краем глаза на цепочку других посетителей аптеки. Те стоят смиренно, как оловянные солдатики, боясь пошевелиться.

— Слушай, эти ребята, из службы, они все могут! Точно тебе говорю! — волосатый, наконец, пришел в себя и подал голос. — Скажи ему, пусть он нас просто отсюда вытащит! Я знаю, они людей и не из такого вытаскивают! Скажи ему!

— Заткнись! — гаркнул первый, резко оборачиваясь к своему подельнику. — Чтоб я еще раз взял на дело куклу... — Прочесал он сквозь зубы и сплюнул.

Кукла. Слышал я такое словцо. Так всякий уличный сброд именует тех, кто пользуется услугами моей конторы.

Я не теряю времени даром. Выдираюсь из Катиного сенсорного тракта и оцениваю обстановку. Состояние организма Кати опасений не вызывает, хотя показаться врачу, когда все закончится, я ей порекомендую. Вижу активные подключения удаленного доступа к моему каналу. Ну конечно, милиция уже давно наблюдает за ситуацией в помещении моими и Катиными глазами, а заодно и за каждым моим шагом. Но пока что не вмешиваются. Значит, операцию ведет профессиональный и понимающий командир, который в состоянии определить, когда надо вмешаться, а когда доверять людям. Это очень хорошо, спасибо ему. Все, что он себе позволил, это отправить текстом несколько рекомендаций. Пробегаю рекомендации глазами. Ничего такого, до чего я не догадался бы сам, но за заботу спасибо. Нужно будет потом, если все хорошо закончится, найти мужика, пожать ему руку. Начальство тоже внимательно следит за развитием событий, об этом сообщает красный треугольник на левом экране. Условный сигнал «Дело на особом контроле, окажем любую помощь».

Возвращаюсь целиком в Катин сенсорный тракт. Сама девушка затаилась и сидит тихо, как мышка. Отдает по первому требованию весь контроль и, похоже, целиком мне доверяет. Это просто крайне хорошо. Так,

хватит филонить. Надо как можно больше говорить с этими гориллами. Отвлечь, внушить доверие.

— Я сообщил в милицию все, что вы хотели. Ответа пока нет.

— А если мы сейчас кого-нибудь тут грохнем? — бородатый протягивает руку с обрезом в сторону выстроившихся цепочкой заложников, а сам смотрит на меня в упор безумным взглядом. — Тогда ответят?

— Если вы кого-нибудь грохните, то судить вас будут по статье «терроризм», а это означает смертную казнь.

— А ты меня не учи, понял? — бородатый надвинулся нас с Катей вплотную. — Делай, что я сказал, пока я твою куклу не изуродовал.

«Стой! Не двигайся!» — беззвучно прошептал я Кате, почувствовав ее желание отшатнуться. Она выдержала тяжелый взгляд бандита не шелохнувшись. Краем глаза я видел, как ерзает и сжимает побелевшими пальцами рукоять пистолета второй налетчик. На его лице застыло странное выражение, определить которое у меня никак не получалось.

Наконец бородатому надоело пялиться на нас. Он отвернулся и шагнул обратно к прилавку. Как только он опустился на пол рядом со своим нервным товарищем, тот что-то зашептал ему на ухо, оживленно жестикую. До меня долетали только отдельные слова: «...эти кукловоды... ты не понимаешь... слишком далеко... мы же не собирались...»

Бородатый побагровел. Кажется, ему очень не понравилось то, что он услышал. В этот момент он явно на грани срыва! Секунду казалось, что сейчас точно что-то произойдет. Я ожидал всего чего угодно: драки, стрельбы, крика.

Он просто влепил тощему звонкую затрещину и прорычал: «Заткнись и сиди тихо. Кукла». А у меня в голове, кажется, появился план.

Как смог быстро, я вернулся к своей сенсорике и вывел на экран окно службы сообщений. Список оперативных контактов оказался неожиданно широк. К нашей ситуации кроме милиции успели подключиться спасатели, скорая, СБ купола и даже особый отдел внутренних войск.

Я быстро выбрал необходимого адресата, отстучал по сенсорной доске свое сообщение и замер в ожидании, боясь невольно спровоцировать бандитов. К счастью, они тоже пока еще не решились перейти к решительным действиям. Или просто ждали ответного шага со стороны властей, не зная, что делать дальше. Интересно, как много времени потребуется милиции, чтобы среагировать на мое сообщение? Быстрее бы!

Не прошло и десяти минут, как на прилавке зазвонил телефон. И в тот же момент с улицы грянул голос:

— Террористы! Отвечайте на звонок!

Бородатый, не высовываясь из-за прилавка, поднял телефонную трубку. Говорил он негромко, прикрывая ладонью лицо, поэтому слов я опять не слышал. Да я особо и не вслушивался. Сейчас меня гораздо сильнее занимало не то, как милиция выманит его на улицу, а как мне оправдать оказанное доверие и воспользоваться ситуацией с максимальной отдачей.

Бородатый поднялся и зашагал к выходу. Грубо схватил какого-то толстого дядьку из числа посетителей аптеки, которые так и стояли цепочкой вдоль витрины. Прикрываясь им, как щитом, и приставив обрез к его виску, бандит открыл дверь и шагнул на улицу.

Тощий так и сидел весь бледный, сжимая пистолет, а я заговорил.

— Парень, тебе незачем губить свою жизнь. Для тебя еще не все потеряно, ты можешь отделаться условным сроком. Сдай его, и тебя не посадят, я обещаю. — Я говорил еще и еще. Приводя аргументы, увещевая, призывая на помощь психологию, которой меня пичкали на курсах. Я старался достучаться до его чувств или его разума, убедить, внушить, найти тот самый единственный аргумент...

Он ошалело уставился на меня. По его лбу поползла капля пота, пальцы снова сжались на рукоятке пистолета. Он ничего не говорил, не пытался угрожать мне, не пытался прервать меня, просто смотрел безумным взглядом, и его губы тряслись.

Я четко видел, что он почти готов поверить мне, почти готов сдать своего товарища, чтобы все поскорее закончилось. Нужно было дожать его, привести какой-то последний, решающий аргумент. Но я совершенно иссяк, замолчал. Полсекунды я судорожно искал тот самый аргумент. Секунду. Бородатый уже закончил свои переговоры и теперь тянул дверь, пытаюсь одновременно открыть ее, не повернуться спиной к милиции и не выпустить своего заложника. У меня оставалось не больше секунды, но я совершенно не знал что сказать. Слова роились в моей голове, но я боялся ошибиться. Мне казалось, что одна неверная фраза разрушит все, и я не успею достучаться до этого парня второй раз.

— Слушай, ЭКСП не работает с уголовниками. Только попади за решетку — и можешь забыть об этом на пять лет, пока твой куратор не снимет судимость. — Это сказал не я. Это сказала Катя. И взгляд паренька прояснился. Он принял решение.

Бородатый уже пролез в дверь, оставил заложника и широкими шагами приближался к нам. На его лице играла победная улыбка.

— Михеич! Получилось! Они уже подогнули машину — вот ключи! Они скажут нам, когда... — он осекся, уперевшись взглядом в черный зрачок пистолетного дула.

Немая сцена длилась невыносимо долго. Я ждал каких-то слов, оправданий, требований сдаться, бросить оружие, взаимных обвинений...

Но вместо этого просто треснул выстрел. Бородатый, так и не издав ни звука, повалился на пол, а тощий Михай весь обмяк, ссутулился, и вяло отбросил пистолет в сторону. Через несколько секунд в помещение ворвалась милиция.

Я сижу в своем кресле, чувствуя, как трясутся руки над сенсорной доской, как противно липнет к пластику сиденья мокрая спина. Катя тоже сидит там, в аптеке, в самом центре купола, на жестком полу. Наверное, ее руки

трясутся не меньше моих, но она держится. Не закатывает истерики, не плачет, не бежит прочь, не бросается на шею людям в форме. Только на экране видно, как колотится ее сердце.

— Спасибо, — шепчу я ей. — Ты его расколола... Если бы не ты... — любые слова кажутся фальшивыми и бессмысленными, но мне хочется хотя бы так отблагодарить ее.

— Ты держалась лучше любого оператора. — Наконец выдаю я неуклюжий комплимент.

— Спасибо, — Катя слабо улыбается. — А знаешь что, Дима? Не могу сказать, что получила удовольствие, но что-то в этом есть. Скажи, к вам можно устроиться работать?

ТАТЬЯНА АДАМЕНКО

УДУШЬЕ

И

з сопроводительного письма лорду Галифаксу:

«... Зная Ваш интерес к подобного рода историям, осмелюсь предложить Вашему вниманию рассказ, который Вы можете включить в знаменитую «Книгу привидений лорда Галифакса». Некоторые имена и названия мне по понятным причинам пришлось изменить, но в остальном это самое точное и подробное изложение событий, на которое только способны мои ум и память. И хотя в нем нет привидений в буквальном смысле этого слова, я полагаю, что он удовлетворит Ваш вкус к сверхъестественному.

...Признаюсь, что написал я его, надеясь таким образом избавиться от тягостных воспоминаний о пережитом».

Итак, в 18... году наша семья получила приглашение от леди Эшби провести летние вакации в ее поместье. Леди Эшби приходилась мне родной теткой, и, соответственно, родной сестрой моей матери, но отношения между ними никогда не были сердечными. Причиной тому был ранний брак моей матери со священником небогатого прихода. Ее выбор не одобрили ни отец, ни старшая сестра, и это самым существенным образом отразилось на сумме полученного ею наследства. Впрочем, мать была счастлива с моим отцом и никогда не жалела об утраченных деньгах, потерянной возможности выезжать и отсутствии штата прислуги.

Но когда она рассказывала о Тодд-холле, месте, где безоблачно прошло ее детство, матушке никогда не удавалось в полной мере скрыть свою печаль. И я рос на рассказах ее о белоснежном доме с изящными, словно пальмы, колоннами, о мозаичном полу в холле, о гнездившихся под его крутыми крышами ласточках, о голубой ленте речушки с перекинутыми через нее мостиками, которые из окна детской казались просто игрушечными.

Как вы уже догадались, переписка между двумя ветвями семьи была крайне прохладной. Старшая сестра сообщила о своем замужестве, через полтора года пришло известие о рождении ребенка, а в начале этой весны — о гибели ее сына в возрасте тринадцати лет. За ним и последовало письмо с вышеупомянутым приглашением. Леди Эшби не писала прямо об охватившей ее скорби, но моя мать, зная сдержанность Хелен, была крайне встревожена, великодушно забыв о холодности и высокомерии, с которым ее сестра некогда отдалилась от нее. Она непременно поехала бы, если

бы неопасная, но тяжелая болезнь моего отца, приковавшая его на время к постели. Мать не могла, да и не хотела нанять сиделку ухаживать за ним, что и постаралась объяснить в письме, полном извинений. В ответном письме леди Эшби настаивала, чтобы к ней приехал хотя бы один член ее семейства, и повторила свое приглашение уже исключительно для меня.

Моя мать вначале колебалась, стоит ли отпускать меня одного в дом, перенесший так недавно столь тяжелую утрату. Способен ли юноша почти того же возраста, что и погибший, стать некоторым утешением или же он будет постоянным напоминанием о постигшем их горе? Но я горел желанием увидеть Тода-холл, и моя мягкосердечная мать, вопреки своим предчувствиям, все же сдалась...

...Единственным изображением моей тетки был карандашный набросок двух девочек: та, что постарше, прямая и неулыбчивая, держала на коленях свою пухленькую, круглолицую сестру. По нему затруднительно было судить о теперешней внешности леди Эшби; но я, признаться, ожидал некоторого семейного сходства с моей матерью и был разочарован. Ни ровным греческим профилем без намека на переносицу, ни глубоко посаженными темными глазами и подковообразным ртом она ничем не напоминала свою сероглазую хохотушку сестру. Разочарование это определено было взаимным, потому что первым, что произнесла леди Эшби вместо после приветствия, было:

— Ты совсем не похож на своего деда, — и поворотом головы указала на висевший в холле портрет. — Его писал сам Лоренс.

Тогда я еще не знал, что Томас Лоренс удостоен чести быть придворным живописцем, и отнесся к заявлению тетушки равнодушно. Портрет же, на мой полудетский вкус, грешил отсутствием ярких красок и некоторой помпезной монументальностью; однако сходство покойного лорда и его старшей дочери было очевидным: тот же профиль топора, тот же рот с брезгливо опущенными уголками губ.

Леди Эшби подвергла меня подробному допросу: кажется, ей пришлось по вкусу мое заявление о том, что я не стремлюсь к карьере священнослужителя, но в целом ее взгляд человека, изучающего нечто крайне малопривлекательное, почти не изменился.

Ее муж, полковник Эшби, в разговоре участия не принимал. Он сидел в кресле, заботливо укрытый пледом, и хотя его жесткие серо-желтые, выдающиеся заядлого курильщика усы непрерывно шевелились, а губы двигались, с них не сорвалось ни звука, кроме полувнятного приветствия. Леди Эшби, перехватив один из моих опасливо-любопытных взглядов на ее супруга, вспыхнула гневом. Ее вопросы стали еще более бесцеремонными, а голос — пронзительным и дрожащим. Она объявила, что из-за желудочной болезни полковника они принимают пищу строго по часам, и обед я уже пропустил.

Я промолчал, протестовал лишь мой желудок. Наконец аудиенция была окончена, и я торопливо удалился из гостиной. Я сомневался в том, что

стеклянистые глаза моего дяди хоть сколько-нибудь повернулись в глазницах вслед за мной; но я был уверен в том, что мою спину сверлит пристальный взгляд леди Эшби. Тогда у меня еще не было привычки анализировать свои ощущения, иногда полезной, а иногда весьма обременительной, но я не мог не заметить, что полковник выглядит полностью парализованным своим горем, тогда как на внешности и манерах леди Эшби оно заметно не отразилось.

Любопытство заставило меня замедлить шаг во время поисков кухни. Снаружи Тода-холл во многом походил на мечтательное описание моей матери, но внутри он меня скорее разочаровал, чем очаровал. (Забыл добавить, что в конце разговора тетя отдала мне приказ: ходить только по краю ковра, а не по его середине, чтобы уменьшить износ, и я послушно жался к стенам). Тода-холл оказался намного меньше, чем я представлял себе по рассказам матери: его красота заключалась скорее в гармоничности линий и красок, нежели в массивной величественности настоящего замка. Сейчас особняк полностью вернул себе былую красоту, но в те дни в нем было слишком много пыли и слишком мало света; слишком много зачехленной мебели и слишком мало живых обитателей.

Кухарку, например, я обнаружил не с первого раза: старая морщинистая ведьма вынырнула откуда-то из-под стола, поспешно утирая рот. Мы рассматривали друг друга во взаимном молчании: я тпился найти хоть одну привлекательную черту в этом сморщенном, как печеное яблоко, лице. Наконец я, не выдержав, сбивчиво изложил свою просьбу о еде. Лицо кухарки дрогнуло и расплылось в улыбке, углубившей все ее морщины так, что глаза-изюмины почти утонули в них, а уши зашевелились. Я невольно улыбнулся в ответ, избавившись таким образом от мучительной неловкости.

Покачивая головой, Грейс продемонстрировала мне адское варево из булькающей овсянки и сомнительный ломтик ветчины. Если желудок полковника и мог с этим смириться, то мой яростно взбунтовался, и Грейс, в отличие от леди Эшби, вняла его мольбам. Скрывшись ненадолго, она разожгла с моей помощью огонь и поджарила на нем необыкновенно аппетитную яичницу с сыром и ветчиной. Более вкусной я не ел ни до, ни после, и Грейс только улыбалась, глядя на то, как быстро исчезает еда со сковородки. Думаю, что именно мой неумный аппетит растущего мальчишки сдрузжил меня с Грейс: ведь ее талант повара оскорбляли протертые и переваренные блюда, которые она вынуждена была готовить для полковника.

К сожалению, беседы давались Грейс с трудом: она страдала некоей обратной формой заикания — мучительно растягивала слова до полной их неузнаваемости.

Кроме нее, прислуга на тот момент состояла из личной горничной и компаньонки леди Эшби Сары — старой девы с кислым лицом, неряшливого дворецкого Парфита, кучера и конюха Берка да садовника Джима

Уэсли с сыном. Еще два раза в неделю из деревни приходило убираться трое женщин, но их усилий было явно недостаточно. Личный камердинер полковника умер два года назад, и никто его до сих пор не заменил. Даже моему неискушенному взгляду было ясно, что штат слуг слишком мал для поддержания дома и сада в нормальном состоянии; конюшня разваливалась, конюх скорбел о проданных лошадях и красноречиво вспоминал охоты прежних лет, когда дамы в амазонках и джентльмены гнались весело толпою за лисой или выезжали стрелять фазанов, а по возвращении их ждал пышный пир со специально выписанными музыкантами.

Причина же нынешнего упадка заключалась отнюдь не в недостатке средств, а в политике неразумной бережливости леди Эшби, которая три года назад уволила экономку и взяла власть в свои руки. Среди прислуги ходили слухи, что даже желудочная болезнь полковника Эшби — не более чем предлог, ведь не существует ничего более экономного, чем овсянка. Хотя... после смерти сына полковник едва ли обращал внимание на то, что именно лежит у него в тарелке. Горе лишило его всякой способности к сопротивлению, и власть окончательно перешла в руки леди Эшби.

Таким образом, одна скупая женщина довела дом до такого состояния, которое обычно объясняется семейным проклятием: мрачный, запущенный, с колышущейся в углах паутиной, погруженный в полумрак и переполненный странными звуками. Ничего удивительного, что такая обстановка постоянно наводила меня на мысли о привидениях. Слушая, как в дождливую погоду хлопают плохо закрепленные ставни, я воображал, что их гневно распахивает призрак моей пра... прабабушки. Эта решительная женщина жила во времена лорда Кромвеля, и когда солдаты короля пришли разрушить часовню, она бросала в них из окна камни с немалой силой и меткостью.

Еще моя мать уверяла, что однажды, возвращаясь с бала, она лично видела, как в окне комнаты над галереей двигался огонек. Во времена ее деда, рассказывала она, это была комната дворцового Джеймса Мэттьюза. Всю ночь перед самоубийством он метался по комнате со свечой в руке. Шаги были слышны до трех часов ночи, а в три раздался выстрел. Причина, по которой несчастный покончил с собой, так и осталась неизвестной.

Но главной легендой Тодд-холла все же был не он, а Задушенная леди.

Мой отец по должности своей выступал против подобных историй, которые «взрачивают суеверия», но и он не один раз с плохо скрываемым удовольствием слушал мою мать. Она, бесспорно, обладала незаурядным даром рассказчика в сочетании с гибким и выразительным голосом; и во время ее драматических пауз никто не осмеливался дышать.

Согласно легенде, один из прежних лордов Тодд отличался крайне вспыльчивым нравом и неумением разбираться в людях. Его окружение

не делало ему чести. В возрасте тридцати двух лет он неожиданно женился на шестнадцатилетней дочери соседа-помещика, девушке красивой и скромной. Но окружение лорда Тодда она восстановила против себя не недостатками, а добродетелями. Среди ее зложелателей была женщина, имеющая определенное влияние на лорда Тодда; и она считала его молодую жену своим личным врагом.

Хотя лорд Тодд, бесспорно, женился по любви, его жена не имела никакой возможности заставить его изменить сложившемуся мнению или привычке: он не пожелал отойти от прежнего круга друзей и позволил, чтобы те клеветали на юную леди Тодд. Та женщина занималась этим особенно ловко и умело: она смогла возбудить у лорда подозрения в супружеской измене без малейших на то оснований.

Все больше и больше поддаваясь искусно вливаемому яду, лорд обрушивал на голову своей юной супруги невыразимые бури гнева и требовал от нее признания в несовершенных грехах. Постепенно он изолировал ее от всего мира, и даже родители имели право навещать ее не более чем неделю в году; но эти меры не успокоили его терзаний, а напротив, усугубили их.

Я подозреваю, что та женщина представила лорду какие-нибудь поддельные доказательства и тем разожгла его гнев; а самым печальным было то, что гнев этот являлся обратной стороной самой искренней и пылкой любви, какую только можно представить.

Через три года такого брака лорд Тодд довел себя практически до состояния потери рассудка; и однажды он ворвался в будуар жены, когда та писала письмо. Он потребовал показать его, и леди Тодд ответила отказом. Лорд мгновенно преисполнился уверенности, что она пишет любовнику, и задушила несчастную, стоя к ней лицом. Он был сильным человеком: прекрасным наездником и боксером-любителем, но его жена умерла не сразу, потому что он в своем бешенстве наслаждался ее агонией. Когда же он позволил ей умереть, то все-таки прочитал письмо. Она писала своему брату, писала о том, что считает свой брак счастливым, о робкой надежде уговорить мужа уехать из поместья хотя бы на несколько месяцев, мечте быть для него интересной...

Дочитав письмо, лорд Тодд прошел в свою спальню, взял свой дуэльный пистолет, вернулся к телу жены, приставил пистолет к виску и спустил курок...

С тех пор в спальне иногда можно услышать хрип, прерываемый судорожными вздохами и мольбами, а затем — раскатистый звук выстрела.

Признаться, я часто вспоминал эту историю, поднимаясь в свою комнату на ночь. Хотя дом с тех пор не раз перестраивали, и комнаты как таковой уже не существовало, а когда она была, то находилась совсем в другом крыле, которое сейчас занимала чета Эшби.

Впрочем, в Тодд-холле я часто сталкивался с привидениями иного

рода — отпечатками мыслей и чувств умершего. Книги по военной истории Рима, стоящие так, чтобы их удобно было достать и изрядно потрепанные; скамейка с вырезанными на ней инициалами Ч. Л. Э.; забытое в беседке увеличительное стекло и «Божественная комедия» Данте; рисунок, изображающий Белого короля с глупым и растерянным лицом и приближающуюся к нему Черную королеву, который я поднял с пола библиотеки...

Не сомневаюсь, что для родителей таких мучительных знаков-воспоминаний было намного больше... Вещи, что остались, когда родной человек ушел, агут страшнее всего: они создают иллюзию, что он только вышел и в любую минуту может за ними вернуться...

Но леди Эшби, если она и страдала, то делала это молча, ничем, кроме траура, своих чувств не выдавая. Она старалась проводить в стенах Тодд-холла как можно меньше времени. Каждый ее день был заполнен делами столь же обязательными, сколь и незначительными; и о жизни обитателей Тоддмаркхема она знала едва ли не больше, чем они сами. Впрочем, не позже восьми она обязательно возвращалась в особняк, а в десять чета Эшби осуществляла свой неизменный отход ко сну.

Я мало до сих пор распространялся о полковнике Эшби; признаюсь, в начале своего пребывания в Тодд-холле я просто его боялся. Его водянистые голубые глаза, постоянно устремленные в некую точку за твоей головой, и огромная, почти жабя щель рта вызывали у меня инстинктивное отвращение; а его длинные белые пальцы беспрестанно шевелились и подергивались, напоминая мне копошение червей в банке. Полковник, в отличие от тетушки, говорил очень мало, глухим извиняющимся голосом, затихающим к концу каждого предложения так, что невозможно было разобрать слова. Временами за совместной трапезой челюсти его останавливались, он замирал, но тетушка, бросив на него скорее раздраженный, чем встревоженный взгляд, не делала никаких попыток вывести его из транса. Но со временем мне все же удалось наладить с полковником подобие дружеских отношений. Вот как это произошло.

Однажды я обнаружил полковника в библиотеке сидящим за шахматным мраморным столом, где черно-белая столешница одновременно являлась доской. Тетушки не было с самого утра, и Бог знает, сколько просидел он здесь, глядя на нетронутый строй двух армий. Я подошел и попросил разрешения сыграть с ним партию. Признаюсь, меня к этому побудило впервые шевельнувшееся чувство жалости. В первый раз он совершенно меня разгромил; и губы его по завершении партии неуверенно дернулись, вспоминая улыбку. Сейчас, оглядываясь на пережитое, я могу сказать, что ни до, ни после я не видел ничего более трогательного и жалкого, чем эта улыбка. С тех пор вечерняя игра вошла у нас в привычку; конечно, полковника трудно было назвать интересным собеседником, но я полагал, что в моем обществе молчать ему было чуточку легче.

Но я, увы, так и не смог до конца преодолеть свою первоначальную инстинктивную неприязнь к полковнику; нередко мне приходилось *заставлять* себя спуститься в библиотеку. А после одного события, речь о котором пойдет ниже, моя неприязнь вернулась с прежней силой.

В сущности, это происшествие было совершенно незначительным. Тетюшка вернулась домой, устав более обыкновения, и почти сразу уснула в кресле напротив полковника, некрасиво открыв рот и похрапывая.

Я уже спускался вниз, когда перехватил взгляд, брошенный полковником на лицо своей жены. Намного позже мой приятель-художник пытался мне доказать, что глаза якобы не способны выразить что-либо сами по себе — все зависит от незначительных сокращений мимических мышц. Я не приводил этого аргумента в споре, но мне всегда вспоминалось лицо полковника: каменная маска, на которой глаза горели испепеляющей злобой и завистью, словно глаза дракона.

Полковник был глуховат, и он слишком поздно услышал мои шаги. Едва он понял, что здесь есть кто-то, кроме него, как ядовитая зависть исчезла из его глаз; он даже попытался улыбнуться моему приходу, но я, как ни старался, не мог себя убедить, что взгляд этот мне только почудился.

После этого я стал избегать его общества; дни тянулись монотонно, и смешанное чувство любопытства и скуки побудило меня к расспросам об умершем Чарльзе Эшби. Грейс рассказала мне, что мальчик сторел буквально за три дня; он никогда не отличался крепким здоровьем и однажды в грозу весь промок. К вечеру он горел, тело покрылось багрово-синими пятнами; срочно вызванный доктор не смог ничем помочь, и на третий день Чарльз скончался в бреду и лихорадке. Он был любимчиком Грейс. Я понял это по тому, что ее речь, и так обычно невнятную, становилось совершенно невозможно разобрать, когда шла беседа о Чарльзе. К тому же, добавила она «паренек не очень-то с родителями ладил».

Как страшно, наверное, раскаиваться во всех глупых, брошенных в гнев словах, когда поздно, непоправимо поздно просить за них прощения! Но я, как ни старался, не мог найти в себе достаточного количества сочувствия к лорду и леди Эшби и без колебаний платил неприязнью за неприязнь. Возможно, вначале, посылая приглашение, тетюшка действительно руководствовалась благими намерениями, но, увидев меня вживе, не смогла избавиться от мысли, что я, незнакомый нахальный юнец, унаследую Тоддхолл вместо ее сына; ведь возраст тетюшки делал рождение второго ребенка весьма сомнительным. В любом задаваемом мне вопросе мне чудился скрытый смысл; мне казалось, что тетя ищет во мне зерна всех пороков, неизбежно проистекающих из того факта, что у моего отца нет и трехсот фунтов годового дохода.

Поэтому пребывание в Тодд-холле не доставляло мне никакой радости: я готов был полюбить дом, прекрасный, несмотря на запустение, но не его обитателей.

Я забыл упомянуть о комнате, в которую меня поселили: она не отличалась комфортом, и внезапно разразившаяся летняя гроза сделала ее непригодной до такой степени, что даже тетушка была вынуждена с этим согласиться.

Она отдала приказ, и мои скудные пожитки перенесли в комнату Чарльза Эшби.

На следующую ночь снова бушевала гроза; я лежал в постели без сна, жмурясь от вспышек молний. В комнате становилось все холоднее и холоднее; как я ни старался свернуться под одеялом, мои руки и ноги медленно превращались в лед. Наконец я, преодолев смутный страх, сбросил одеяло и встал проверить окно. К моему удивлению, рамы были плотно пригнаны, нигде не тянуло холодом, а я между тем покрывался гусиной кожей.

Вспышка молнии дала смутный блик отражения в оконном стекле; и я в ужасе подпрыгнул, увидев, что за моей спиной кто-то стоит; только спустя несколько секунд, когда мне удалось успокоить перепутанное сердце, я сообразил, что стекла двойные, и мое отражение, повторившись в них, создало эффект присутствия кого-то еще в комнате.

Но, несмотря на здравое и разумное объяснение, возвращаться в постель мне не хотелось. Я мерил шагами комнату, пытаюсь согреться, когда до моего слуха донесся звук, отличный от завывания ветра и раскатов грома. Это был хрип, отчаянный, захлебывающийся, и оборвавшийся так же внезапно, как он начался.

Я застыл на месте. В голове промелькнули все рассказы матери о Задушенной леди; и если при свете дня я мог отнестись к фамильным привидениям с некоторой снисходительностью, то теперь, во мраке и холоде, мой скептицизм куда-то улетучился. Я с внезапно подступившей слабостью ждал звука выстрела... и вот он раздался!

Боюсь утверждать наверняка, но, кажется, я закричал.

Тетушка, что открыла мою дверь, выглядела в ночном чепце уморительной; и это отчасти помогло мне прийти в себя и осознать, что «выстрел» был всего лишь звуком хлопнувшей двери.

— Тетя... — еле выговорил я.

— Не думала, что ты боишься грозы, — недовольно заметила она.

— Тетя... вы слышали?

— Естественно, я слышу гром! Более того, я из-за него заснуть не могу!

— Нет, не гром, хрип! Я слышал жуткий хрип... как будто... Задушенная леди...

— Вижу, моя сестра успела забить твою голову суеверными байками, — резко заметила леди Эшби. — Никакого хрипа не было. Должно быть, ты заснул, и тебе приснился кошмар. Неудивительно — в такую погоду! Ложись спать, Александр.

— Но, тетя... вы точно ничего не слышали? Я не думаю, что мне приснилось...

— Ложись спать! — леди Эшби развернулась в облаке рюшей и лент и захлопнула за собой дверь, унося с собой свечу. Я неохотно вернулся в постель и, должно быть, задремал, пока не почувствовал, что рядом со мной кто-то лежит. Я отчетливо помню, как открыл глаза и полностью проснулся, осознавая, кто я и где нахожусь... но не в силах пошевелить ни единым членом, а на плече у меня покоилась незримая, но вполне осязаемая голова.

Я лежал неподвижно, близкий к обмороку, и пытался собраться с духом. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я вскочил одним прыжком с постели и сорвал одеяло: естественно, постель моя была пуста.

Но мне уже было довольно: я решительно устроился в кресле, накрывшись пледом и постоянно держа кровать в поле зрения. Также я придвинул кресло к стене, чтобы никто не мог подкрасться ко мне сзади. Только под утро меня сморил легкий неуверенный сон; и за завтраком я выглядел не самым лучшим образом, что тетя не преминула отметить. Полковник Эшби выглядел не лучше моего: вероятно, ему не дала выспаться гроза.

Мне было нужно хоть с кем-то поделиться пережитым, и я пошел на кухню. Грейс отнеслась к моему рассказу вполне серьезно; в своей обычной растянутой манере она поведала, что компаньонка леди Эшби Сара не раз жаловалась, что слышит по ночам хрипы, а иногда и неразборчивые крики. Также Грейс с помощью кивков и подмигиваний смогла сообщить, что свои распатанные нервы Сара укрепляет лауданумом и оттого даже днем ходит, как сомнамбула. Я же, признаться, до сих пор приписывал это увлечению Сары поэзией и любовными романами.

Трудно описать, как мне не хотелось вечером возвращаться в мою комнату; я тайком отработывал удары на бильярде, пачкал бумагу набросками, возился с флегматичным пойнтером полковника... Пожалуй, я бы согласился переночевать в библиотеке, если бы не обеденные рассуждения тетушки о слабодушии современной молодежи.

Я запасся свечой и комедиями Шеридана; но тетушка, зайдя на огонек пожелать мне спокойной ночи, забрала свечу с собой; ей стоило значительных трудов высказывать свое возмущение подобным расточительством не более получаса.

Но вот, наконец, она удалилась, и я остался один в темноте. Обуреваемый не самыми добрыми чувствами, я смотрел в потолок, пока незаметно для себя не заснул. Мне снилось, что я дома, сижу у камина вместе с отцом, и он горячо и взволнованно мне что-то втолковывает, держа за руку. Помнится, я еще во сне удивился, насколько она холодна рядом с жарким теплом камина. Мне не хотелось просыпаться, но чем сильнее я старался удержать свой сон, тем настойчивей он бежал прочь. Я проснулся; я был укрыт одеялом практически с головой, из-под него во сне высунулась

только кисть правой руки. Я понял, почему рука отца казалась мне такой холодной; и попытался вернуть свою в тепло. Но мне это не удалось!

Исчезла наша кухня, исчез камин и отец, но в темноте чужого дома кто-то продолжал держать меня за руку так, что я никак не мог ее вырвать! И едва потусторонняя хватка на моем запястье ослабла, как издали послышался уже знакомый мне хрип! Он быстро сменился стоном и затих, а я продолжал лежать, вслушиваясь в темноту. Наконец я встал, подобрал одеяло, передвинул верное кресло к стене и перебрался в него. Стоит ли говорить, что весь остаток ночи я не сомкнул глаз?

Днем я уклонялся от любых разговоров. Весь день торчал на кухне, а когда Грейс ушла, перебрался в сад. Но когда я пришел в излюбленное мое место отдыха, беседку, то не смог пройти дальше порога. Я стоял и смотрел на книгу Данте, которую сам лично отнес в дом.

Книга вдруг открылась и зашелестела страницами, словно ее перелистывали невидимой рукой. Меня нечто мягко подтолкнуло поближе к столу: книга теперь была открыта на тридцать второй песне. Это было больше, чем я мог выдержать; и я бежал до самого дома садовника, успокоившись только тогда, когда увидел его честную физиономию над капустными грядками.

Вечером я написал матери: не упоминая подробностей, я умолял выдумать благовидный предлог и забрать меня из Тодд-холла. Однако ночь прошла спокойно; я не ощущал ничьего присутствия, только холод и адскую головную боль. В конце-концов, я заснул мертвым сном и проснулся, только совершенно окостенев в кресле. Было сияющее радужной свежестью утро, и если ночью и раздавались хрипы и прочие потусторонние звуки, я благополучно их проспал. Устыдившись своего малодушия, я после завтрака решил сжечь письмо; но вернувшись в свою комнату, я не нашел его. Нашел лишь пепел на полу. Был день уборки, но я напрасно спрашивал девушку, которая занималась моей комнатой; она настаивала, что никакого письма не брала и тем более не сжигала. Мое радужное настроение испарилось, как роса под солнцем, и я несколько раз за обедом открывал рот — поговорить с леди Эшби; но, встречая ее тусклый неприязненный взгляд, тут же отказывался от своего намерения. С полковником беседовать было и вовсе бесполезно: он выглядел совершенной развалиной и на все вопросы отвечал невпопад с видом человека, занятого собственными мыслями.

Несмотря на то, что солнце еще и не думало заходить, я чувствовал себя как в ловушке. У меня было немного денег на отъезд домой, но я не представлял себе, как можно было бы осуществить такой побег и не вызвать скандал. К счастью, до даты моего предполагаемого отъезда оставалось всего четыре дня.

Два из них прошли совершенно мирно, и я уже успел успокоиться, когда вечером третьего дня из деревни прибежал мальчишка и, задыхаясь, сообщил, что «коня чего-то шарханулись и понесли, карета — в щепки, леди Эшби сломала ключицу и ногу. Правую». Врач оставил леди Эшби у себя дома, хотя она яростно пыталась вернуться в Тодд-холл. «Уж так бушевала!» — добавил мальчишка, ухмыльнувшись. Но доктор был непреклонен, а сломанная нога не дала леди Эшби возможности поступить и на этот раз по-своему, как она привыкла.

Узнав новость, я, как бы ни кошунственно это звучало, обрадовался, ведь теперь я спокойно мог переночевать в библиотеке, не опасаясь внезапного визита тети. Полковник же, напротив, не просто встревожился, а пришел в настоящий ужас и долго шлепал побелевшими губами, прежде чем что-то сказать. Вспоминая тот полный злобы и зависти взгляд, я не мог этого понять, но решил и не задумываться, ведь завтра, завтра утром я уезжал!

Итак, я со всем возможным комфортом устроился в библиотеке, окрыленный мыслями о предстоящем отъезде. Мы с полковником надолго засиделись в тот вечер: оба молчали, поскольку он не считал нужным что-либо говорить, а я не хотел первым начинать разговор. Когда время приблизилось к полуночи, он вдруг высоким голосом предложил научить меня игре в покер, что, по его словам, непременно должно мне было пригодиться. Но я, отчаянно зевая, сообщил, что иду спать.

Мы одновременно поднялись наверх, обменялись пожеланиями спокойной ночи и тут же разошлись по комнатам.

Я сгреб в охапку подушку и плед, искренне сожалея, что не умею раскладывать пасьянсы, поскольку сомневался, что сумею заснуть на коротком бугристом диване... и тут в мои мирные размышления вторгся зловеще знакомый хрип.

Подушка из моих рук мягко упала на пол. Хрип длился, как мне показалось, бесконечно, так что в легких человека давно должен был бы закончиться воздух. Едва прервавшись, он начался опять, смешавшись со стоном, на одной протяжной ноте, полной невыразимой тоски.

Предыдущие ночи дали мне кое-какую закалку: мне сразу пришла в голову идея позвать полковника, благо он сегодня остался в одиночестве. Подстегнутый следующим жутким, булькающим и свистящим звуком, я выскочил в коридор. Звук усилился, к стонам и хрипам прибавилось неясное бормотание... я почти уже мог различить слова...

Я кинулся за подмогой в спальню четы Эшби. Открыл дверь... и замер на пороге. Источник потусторонних звуков был здесь, в спальне! На постели в судорогах, пытаясь вдохнуть перекошенным ртом, бился лорд Эшби. Глаза его были закрыты.

Все мысли о привидениях и страх потустороннего вымело из моей головы. Я бросился к полковнику, по пути нечаянно отшвырнув склянку лауданума. Впрочем, уже совершенно пустую.

Тогда я не обладал никакими познаниями в медицине, и принялся просто хлестать полковника по щекам. Как ни странно, едва он открыл глаза, как хрипы по волшебству прекратились, и он задышал ровнее. Полковник попытался сфокусировать глаза на моем лице.

— Генри... снова пришел меня мучить?

Я попытался возразить, напомнить, что меня зовут Александр, спросил, как он себя чувствует, но лорд Эшби меня не слышал. Вернее, слышал, но не слушал, полностью находясь в своем, созданном лауданумом мире.

Постель во время его метаний совершенно измялась и сбилась, а подушки перекочевали вместе с одеялом на пол. Я поднял одну из них, так как в памяти всплыло, что при проблемах с легкими... или, может, с сердцем... страдальца надо устроить повыше.

Но реакция полковника была весьма странной: уставившись на подушку в моих руках, он залился истерическим хихиканьем.

— Хочешь напомнить... опять? Разве я когда-нибудь об этом забывал? Разве... разве я сторож брату моему?

И он снова захихикал, как сидящая в клетке обезьяна. Хихиканье оборвалось: он устало зевнул и протер глаза рукой.

— А ведь я не сплю три дня, Генри! Сколько еще нужно, чтобы я сошел с ума? Чувствую, немного, немного...

Тут голова его бессильно упала на простыни, но он сумел приподняться снова на локте и повторил:

— Разве я сторож брату моему? — свободной рукой он неожиданно крепко схватил меня за запястье и притянул к себе, вынуждая меня сесть на его постель.

— Ты забрал моего сына, — хрипло сказал он. — Рассердился на то, что я попытался от тебя сбежать? И верно — от Судьбы не сбежишь...

— Полковник! О чем вы, я не понимаю?! — я отчаялся что-либо уразуметь из его бреда. — Отпустите меня!

— А почему ты меня не отпускаешь? — на удивление здоровым голосом возразил полковник. — Хочешь услышать все снова?

И я, сидя на краю постели в холодной неосвещенной спальне, услышал признание лорда Эшби в убийстве.

Генри Эшби, его единокровный брат, был старше полковника на год и во всем — росте, учебе, внешности, привязанности друзей и вниманию родителей — был на голову выше его. «Я завидовал, да, я завидовал», — хрипел полковник, цепляясь за меня. Но зато младший брат остался здоров, когда Генри свалила инфлюэнца. Несколько дней он находился на грани жизни и смерти, и младший брат молился о его выздоровлении вместе с родителями, но... когда наметился перелом к лучшему, облегчения он не испытал.

Дни, когда всех интересовало только состояние здоровья Генри, а на него

никто и не думал обращать внимания, превратили его подспудную неприязнь в настоящую ярость.

Однажды он увидел, что сиделка за чем-то вышла из комнаты Генри и, следовательно, брат остался один. Оглянувшись, он торопливо проскользнул внутрь: узнать, как брат себя чувствует. Но участливый вопрос замер, не родившись. Генри спал. Его брат долго смотрел на красивое лицо спящего, а потом накрыл его подушкой. Генри, ослабленный болезнью, сопротивлялся недолго.

Так он стал единственным ребенком своих родителей и будущим лордом Эшби, о чем давно мечтал. Но счастлив он не был: его стали преследовать странные приступы удушья, возникающие, едва стоило ему заснуть, и тут же исчезающие при пробуждении. Бессонница то отступала, то возвращалась, и каждую ночь, ложась спать, он не знал, что его ждет. А если он и спал, то снились ему беспокойные сны, в которых он оправдывался перед кем-то близким...

После женитьбы он продал свое поместье и переехал в Тодд-холл. И вначале все было замечательно, он в прямом и переносном смысле этого слова задышал свободно, полной грудью. Но... три года назад приступы возобновились, и теперь он полностью зависел от жены. Сын полковника умер в тот же день и в том же возрасте, что и Генри.

Эту чудовищную исповедь я слушал на протяжении четырех часов: потому что то и дело голос полковника слабел, глаза закатывались, и он падал в постель, а через секунду начиналась агония.

Я будил его снова и снова, вынужденный прибегать к самым жестоким методам: я держал в руке нож для разрезания бумаги и колол ему пальцы, бил по щекам, кричал, тряс, чтобы он проснулся. Он открывал глаза и продолжал с полуслова: сбивчиво, несвязно, торопливо; он удивлялся тому, что до сих пор не покончил с собой, и плакал о своей трусости... Беспомощные рыдания взрослого мужчины переходили в хрип, и снова я тряс его, бил по щекам, колол руки... Я не давал ему снова провалиться в сон, чувствуя себя при этом палачом.

Перед рассветом полковник в очередной раз пришел в себя и запричитал:
— Неужели я страдал недостаточно? Отпусти меня, умоляю!

Странное чувство охватил меня; мое горло словно оледенило, и чужим беспощадным голосом я произнес:

— *Нем.*

Полковник снова зарыдал.

— Поверь, нет ни дня, ни часа, чтобы я не раскаивался! Прости меня, брат!

— *Нем.*

Умоляю! — в отчаянии крикнул лорд Эшби. И в третий раз я ответил ему:

— *Нем.*

Третий отказ истощил его силы, и он перестал бороться. Я вновь и вновь приводил его в чувство, сам мечтая о минуте сна. Комната пропахла потом

и страхом; наконец, когда забрезжил рассвет, полковнику удалось заснуть спокойно.

Я просидел около него еще минуты три, прислушиваясь к ровному дыханию, пока не понял, что сам сейчас свалюсь — в сон или в обморок. Встать мне удалось с трудом. Всю ночь я сидел в одной и той же позе; и, шаркая, как девяностолетний старик, я отправился к себе.

От тяжелого сна меня пробудил приезд тети. Она прибыла в экипаже, вся обложившись подушками и в гипсовой броне, и, как мне потом рассказывал кучер, невыносимо орала при малейшем толчке. Теперь я понимал ее: она спешила занять пост у ложа мужа. Сколько она провела таких бессонных ночей, подобных одной моей? И знала ли она о преступлении полковника, когда выходила за него замуж? Я понимал завистливый взгляд, которым полковник смотрел на *свою* жену...

У меня не было желания доискиваться ответов. Для тети я мирно провел ночь в своей постели, а полковник той ночью не был способен отличить реальность от кошмара. Я уехал с нескрываемым облегчением и никому не рассказывал подробностей моего пребывания в Тодд-холле. Мать пыталась меня расспросить, но отступила с присущей ей деликатностью, заметив мое нежелание... или что-то большее, чем нежелание, говорить о Тодд-холле и его владельца.

Как вы знаете, я избрал своим поприщем медицину и добился на нем определенных успехов. После смерти тетки и ее мужа в 18.. году я унаследовал Тодд-холл и долго колебался, стоит ли привозить туда молодую жену или выставить поместье на продажу. Наконец я решил, что зло гнездилось не в доме, а в его обитателях и принялся за самый решительный ремонт. Мать была счастлива переехать в дом своего детства (отец к тому времени уже, увы, скончался), трое внуков сейчас превратили Тодд-холл в свою излюбленную площадку для игр.

Я старался не вспоминать о прежних обитателях дома, но однажды, много лет спустя, прочел в «Ланцете» интересную статью. Она была посвящена так называемому синдрому ундины, при котором человек может дышать, только находясь в сознании и контролируя процесс каждого вдоха и выдоха. Во сне, когда контроль бодрствующего сознания исчезает, человек задыхается.

Я полагаю, что полковник Эшби страдал этой редкой и, по-видимому, наследственной патологией. Из-за переезда в Тодд-холл и смены климата болезнь отступила, но со временем вернулась. Все, рассказанное полковником, я встретил в материале статьи. Единственное, что, видимо, навеки останется для меня неясным, это мое трехкратное «нет» в ответ на мольбу о прощении.

Я не знаю, сам ли я отвечал полковнику, потрясенный его преступлением, или кто-то другой владел моими устами, но знаю, что *никогда* не забуду той ночи.

АНДРЕЙ БАЛАБАЕВ

КАРТИНА РАБОТЫ МАСТЕРА

Хищная тьма рвалась по отсекам, глотая последние очаги жизни. Надрывный вой сирены лишил слабых духом воли и разума.

— Выходили!

— Рано! Слишком далеко от ближайшей опорной точки!

— Выходи, слышишь?! Оно нас сожрет! Всех, всех сожрет! Я приказываю!

Вспышка выстрела оборвала истошный крик, подарив отсеку управления несколько минут относительного покоя.

— Что вы делаете?!

— Чрезвычайный устав Флота, глава четыре, параграф 11, подраздел «Действия членов экипажа по предотвращению паники»: «В боевой обстановке старший офицер отсека несет полную личную ответственность за предотвращение панических настроений среди членов экипажа. В случае, когда старший офицер отсека подвержен паническим настроениям, его обязанности берет на себя следующий по старшинству офицер. Старший офицер имеет право применять к паникерам любые меры воздействия, вплоть до расстрела».

— Он же... Просто...

— Он паниковал в боевой ситуации, ставя под угрозу выполнение приказа и жизни других людей. А теперь посидите спокойно.

— Пятнадцатый отсек потерял.

— Четырнадцатый отсек потерял.

— Потери экипажа — шестьдесят семь процентов.

— Тринадцатый отсек...

— Доложить о состоянии транспортного модуля.

— Транспортный модуль в штатном режиме. Инвазия через четыре минуты при сохранении текущих темпов продвижения противника.

Монотонные доклады лишенного эмоций компьютера позволяли хоть немного, но абстрагироваться от наступающего кошмара. Еще можно пожить. Недолго, совсем чуть-чуть.

— Выход на максимально допустимом расстоянии от опорной точки М449 через три с половиной минуты.

— Потери?!

— Предполагаемые потери экипажа — сто процентов.

— Хотя бы так. Хотя бы так...

— Мы умрем?

— А вы что, еще надеялись выжить?! Умрем, но уцелеет транспортный модуль. На большее я уже не надеюсь...

Страшно. Страшно, страшно, страшно! Мгновения растянулись, не желая сменять друг друга, но мысли почему-то не замерли вместе с ними, они продолжали метаться, не находя выхода из клетки, в которую превратился корабль. С самого начала экспедиция висела на волоске. Любой момент мог стать последним, это знал каждый, это принял каждый... или убедил себя в том, что принял. Когда ниточка удачи, казавшаяся такой прочной, оборвалась, когда грянул голос сирены, сколько человек сохранили ясный рассудок и способность к действию? Сколько человек избежали безумной истерики, каталепсии, шока? Немногие. Кому-то удалось взять себя в руки, построить плотину в своем сознании, других казнили на месте, третьи погибли, но дали остальным несколько бесценных мгновений...

— На связи... Одиннадцатый отсек.

Говоривший задыхался, но голос сохранял достаточно твердости, несмотря на чьи-то истошные вопли, грохот и рев.

— Мы инициируем создание плазменного кордона на основе аварийных генераторов. Во всех подотсеках. П...прощайте.

— Стой! Как зовут? Скажи, как тебя зовут?!

Тишина.

— Температура в одиннадцатом отсеке поднялась до уровня в двадцать четыре тысячи градусов по Кельвину.

— Скорость инвазии?!

— Общий выигрыш времени составил восемнадцать секунд.

Вот как... Восемнадцать секунд в обмен на двадцать человеческих жизней. И такой обмен уже не кажется неприемлемым. Меньшего, чем героизм, никто и не ждет. Да что там, весь расчет лишь на героизм обреченных!

— Комиссар, как вас зовут?

— Что?! Какая вам...

— Вы же спрашивали имя того человека... Он не успел. Нам тоже может не хватить времени.

— Наши имена никто никогда не вспомнит. Вы не забыли, что через пару минут мы сдохнем? Не самым приятным образом, к слову сказать!

Черт, отставить... Отставить истерику. Пусть даже происходящее за пределом прочности человека.

— Тем более. Послужим друг другу памятниками в оставшиеся секунды. Меня зовут Пальвен Армидий, научный координатор. Для вас — просто Пальвен, не возражаете?

Как ему удастся сохранять такое спокойствие? Как?

— Я — Кристиан Шрайде, идеологический комиссар.

— Прощайте, комиссар.

— Прощайте, координатор.

Он немного помедлил и все-таки произнес:

— Служу человечеству.

— Второй отсек потерян.

Синтезированный голос компьютера зачитал приговор. Переборка отсека притянула взгляды людей. Трое солдат подняли оружие, комиссар последовал их примеру. Пальвен остался в кресле.

— Внимание! Инвазия! Дальнейшее пребывание в отсеке несовместимо с жизнью!

Слова затихли в полумраке аварийного освещения. Надрывалась сирена, но для оставшихся это было равносильно мертвенной тишине. В последний раз дразня ложной надеждой, сыпались песчинки секунд.

— Вот оно.

Кристиан улыбнулся, едва ли не с облегчением вытягивая руку в направлении расплзающейся по металлу чернильной кляксы. Она росла, выбрасывая в стороны потеки и ложноножки, воздух вокруг темнел, сгущался, пока тьма, словно накопив критическую массу, рывком не заполнила дальний конец помещения. Лучи света тонули в ее туманной поверхности, не рассекая мрак и не оставляя следа.

Темнота рычала. Низко, на самом пределе слышимости.

— Огонь!

Полыхнули плазменные бичи, уперлись в наступающее ничто, погасли. Тьма колыхнулась, на мгновение затормозила и снова двинулась вперед, к человеческим существам.

За спиной у солдат оставалось еще три метра свободного пространства, три метра жизни, когда мрак предпринял новый рывок. Отпрыгнуть не успел ни один. Комиссар, не отрывая взгляда от расслаивающихся на тончайшую стружку тел, приставил пистолет к своей голове. Кровавая пыль мешалась с черным туманом.

— Внимание! Корабль выходит в объективную вселенную!

И все закончилось. Мгновенно, словно ее и не было, пропала хищная тьма. Смолкла сирена. Наступившая тишина ватным молотом ударила по ушам, уронив комиссара на пол. Пальвен едва заметно пошевелился.

— А говорили — умрем, умрем...

Он попытался встать и рухнул следом за комиссаром.

Транспортный модуль удалялся от искалеченного корабля, нацелившись на опорную точку М449 — оранжевую звезду, система которой была выбрана как первый потенциально пригодный для колонизации объект в маршруте уничтоженной экспедиции. Те, кто составляли этот

маршрут, знали, что вероятность обнаружения искомой планеты с первой же попытки крайне низка. Знали они и о том, что шансов посетить каждую из двадцати шести выбранных систем у крейсера «Золотой восход» практически нет. Первую точку выбирали настолько тщательно, как не выбирали, вероятно, ничего более за всю историю человечества, бурную и недолгую: крупнейшие обсерватории, мощнейшие вычислительные центры оценивали десятки тысяч параметров, чтобы прибавить к вероятности успеха хотя бы несколько лишних процентов.

«Золотой восход» был тринадцатым кораблем, отправленным в путь без надежды на возвращение. Тринадцатым в череде кораблей, экипаж которых был обречен на душающий страх в течение каждой минуты многомесячных прыжков, и, в конечном итоге, на смерть, появления которой не угадать и не избежать. «Золотой восход», возможно, был первым из тех, кому все же улыбнулась удача, но двое выживших на его борту старались не думать о судьбе прочих — у них была цель, важность которой неизмеримо превосходила ценность отдельной жизни.

— Четвертая от звезды планета. Масса — 0,98 земной. Экваториальный радиус примерно равен шести тысячам четыремстам километрам, ускорение свободного падения — 9,6, длительность суток — 26 часов 11 минут, период обращения вокруг звезды — 408 дней. Угол наклона оси — 31,63 градуса. Идеальна. Она идеальна!

Пальвен радовался, будто ребенок. Улыбка на его гладком лице, лишенном всяческих намеков на возраст, смотрелась неуместно и странно. Побег из кошмара, гибель экипажа, даже невозможность возвращения на Землю и перспектива смерти внутри транспортного модуля — все это ничуть не мешало ему пребывать в состоянии, близком к эйфории. Для Кристиана, привыкшего к доброжелательному спокойствию научного координатора, подобная метаморфоза стала еще одним раздражающим фактором, который, как пресловутая соломинка, грозил переломить спину верблюда — разрушить с огромным трудом сохраняемое душевное равновесие. Обитаемый отсек модуля предполагал возможность уединения, но в пустой каюте становилось еще хуже — во сне он видел череду беспросветного ужаса, наяву погружался в черную меланхолию. Центр управления притягивал, как магнит: там горели экраны, там жил уверенный в себе голос искусственного интеллекта, там изо дня в день росло изображение долгожданной цели, которое уже успело пройти путь от едва заметной звездочки до миниатюрного кружочка размером с монету.

В конце-концов, там было не одиноко.

— А состав атмосферы? Что с атмосферой?

— Для дыхания — непригодна.

Заметив разочарование комиссара, он погрозил ему пальцем.

— Ожидать такого было бы непростительной наглостью. Тем не менее, в ней присутствуют кислород, азот и водяной пар, а о большем я не мечтаю. Есть еще углекислый газ, углеводороды, как ни странно — следы фторидов азота, фтороводород, альдегиды...

— Там возможна жизнь? Я имею в виду — сейчас.

— Теоретически — да. Сказать точнее можно будет потом, после выхода на орбиту. Честно говоря, не хотелось бы... Наша деятельность не оставит ей шансов.

— Жалуете об инопланетной плесени? Не слишком ли вредная позиция в текущих условиях?

Координатор поморщился, отвернувшись к экрану, и некоторое время молчал.

— А вы не находите, что мы сами — такая вот бесправная «плесень»? На «Золотом восходе» не осталось ни единого трупа, всех слизнуло — будто и не было никого. Очень уж похожая аналогия...

Зубы Кристиана заскрипели, кулаки сжались, очерчивая выступающие костяшки. Он выждал несколько секунд, глубоко вдохнул и по одной расслабил напряженные мышцы, подавляя приступ иррационального гнева. Его собеседник, не обращая внимания, продолжал с мечтательным видом наблюдать за диском четвертой планеты.

— Знаете, гражданин Армидий, мне сейчас сильно хотелось вас застрелить.

— Знаю. А почему, позвольте спросить? Мои слова вас как-то задели?

— Профессиональное. Удивительно, как вы с такими рассуждениями не попали под статью «О носителях вредоносной идеологии».

— Ох, гражданин Шрайде, — кривая усмешка растянула губы координатора. — Я же не религиозный фанатик, не пацифист и не фаталист. Ученым присуще дистанцироваться от наблюдаемого явления, рассматривать его объективно, даже являясь частью процесса. Если вы думаете, что мне не снятся кошмары, напрасно думаете. Ничуть не меньше, чем вам.

— Откуда вы?..

— Медицинская статистика, как-никак. Я краем глаза слежу, сколько и каких препаратов вы потребили, дабы чего не вышло.

Комиссар истерически захихикал.

— А вы не промах, гражданин... Пальвен. Вам бы комиссаром, вместо меня. Жидким гелием дышат вены, дух, граненый алмазом боли... Как там дальше, не помните?

— В комиссары я не гожусь. Решимости не хватит, опять же, идеи вредные, гуманизм... А вам-то приходилось людей расстреливать? Хотя, что я спрашиваю, капитан...

— Приходилось и до того. О «Гласе Бога» не слышали? А потом — неолиберальное движение «За свободу». Безумцы.

— Безумие душ неудивительно, когда безумна сама реальность. Удивительно другое: каким образом кто-то сохраняет ясный рассудок.

— Ясный рассудок? Я вас разочарую: мы ничуть не более здоровы, чем они. Просто наше отклонение оказалось полезно виду и вследствие этого признано общей нормой. Вас ведь готовили по той же программе, что и меня? Управляемая шизофрения, «Крепость разума»? Нормален тут, наверное, один только наш компьютер. По крайней мере, хочется в это верить.

— Думаете, посадит нас в океан, аки на твердь земную?

— Думаю, не возомнит ли себя Всевышним, наших разговоров наслушавшись...

— Скорость ветра у поверхности — чуть более одного метра в секунду. Давление в пределах нормы. Температура — 287 градусов по шкале Кельвина, вулканическая активность отсутствует. Место посадки вполне стабильно. Предлагаю начинать спуск.

Кристиан задержал взгляд на туманном диске планеты. Безымянный мир походил на котелок с варевом, почти сплошь выдержанным в серо-белых тонах. В редких разрывах между спиралями облачности мелькала глубокая синева.

— Надеюсь, она так же необитаема, как ее эфир. Поддерживаю ваше решение. Давайте начнем.

Транспортный модуль — по сути своей, транспланетный корабль — совершил еще два витка, прежде чем снизил скорость и вышел на посадочную траекторию. Плавно погрузившись в верхние слои атмосферы, он засветился, окутанный ионизированным газом, развернулся эмиттерами поля к поверхности и превратился в точку на фоне текучего молочно-серого океана, расстелившегося вплоть до изогнутой линии горизонта.

Через тридцать минут после начала спуска километровый конус плавно коснулся грунта посадочными опорами. Двое, которые до этого звались гордым словом «экипаж», в одночасье стали колонизационной командой.

Некоторое время они просто сидели, привыкая к новому положению. Кристиан нарушил молчание первым.

— Нам, как первооткрывателям, полагается дать ей имя.

— Планете?

— Да. Есть какие-то предложения?

— Мне бы взглянуть на нее сперва.

Они подождали, пока модуль выбросит внешние зонды — маленькие, круглые и очень надежные. По сравнению с Венерой, где они проходили рабочие испытания, условия за бортом являли настоящий курорт.

— Готовы, комиссар? Вывожу картинку от зондов.

Равнина. Обширная равнина, поверхность которой разнообразят

невысокие холмики и отдельные впадины. Вдалеке, теряясь в туманной дымке, темнеют пятна далеких гор. Небо цвета тающего снега, укутанное в вездесущую сероватую дымку. Микрофоны исправно доносят шелест легкого ветерка.

Оба человека с одинаковым любопытством уставились на панораму планеты, которая должна была превратиться в их новый дом.

— Пальвен, видите?..

— Вы про почву?

— А про что же еще...

Поверхность, от горизонта до горизонта, устилало нечто, более всего похожее на листоватые лишайники, высотой, наверное, не менее полуметра. Они слегка колыхались вслед движению воздуха, отчего по равнине шли неспешные волны бордового, белого, бледно-зеленого цветов, напоминая странный инопланетный аналог земных лугов.

— Значит, все-таки жизнь!

— Значит, опять война... Доверните третью камеру правее, пожалуйста.

Зонд исполнил команду, открыв наблюдателям еще один повод для удивления. Туманные, плохо различимые, в обширную низину спускались ряды и переплетения серых арок. Кое-где они образовывали настоящие акведуки, иногда стояли отдельно, временами — объединялись в странные архитектурные конгломераты по несколько десятков разноразмерных конструкций. В проемах некоторых колыхалась едва различимая бахрома, другие были затянуты радужными пузырями, третьи оставались совершенно пустыми.

— Это что же... Признаки наличия разума?

— Пока рано говорить что-то наверняка. Радиосканирование ничего не дает — они совершенно прозрачны в диапазоне наших радаров. Нам следует...

— Так, гражданин Пальме. Давайте мы сперва успокоимся. Подчеркнуто естественное поведение внушает мне определенную тревогу за наш рассудок. Посему, как глава исполнительной власти в этом маленьком социуме, приказываю нам обоим принять успокоительное и спать. Предварительно составив программу внешнего наблюдения и запустив дальних разведчиков. Возражения есть?

— Никак нет, гражданин комиссар.

— Может же, когда хочет! А строим вы, случайно, не ходите?

— Только мимо спящих идеологических комиссаров.

— Ох, сделайте любезность. Нет видения слаще, чем научный координатор на плацу и с плазмотроном через плечо...

— Кристиан! Кристиан, поднимайтесь!

— А?.. Нападение?!

— Нет же! Гораздо, гораздо интереснее!

Комиссар, не успев умыться, ввалился в центр управления и устался на экран. Зрелище было незаурядное.

На равнине шел снег. По крайней мере, более правдоподобной аналогии в голову ему не пришло: белые нити, ленты и совсем мелкие фрагменты чего-то непонятного летели по ветру, устилая поля лишайника. Потускневшее небо укрылось дополнительным одеялом, и в сумеречном свете комиссар разглядел череду арок, протянувшуюся из низины к самому кораблю. Теперь ничто не мешало рассмотреть их во всех деталях: ребристая поверхность, серовато-белые оттенки, вездесущая бахрома все тех же цветов, но уже с добавлением алого и зеленого... Арки были эластичными: будучи от пяти до десяти метров высотой, они слегка прогибались, принимая порывы «вьюги», и от того становились похожими на деревья, выполненные кистью какого-нибудь импрессиониста из недавнего прошлого.

Впрочем, даже таинственные арки меркли перед тем действием, что разворачивалось у подножия транспортного модуля, исправно фиксируемое камерами внешнего наблюдения. Сохраняя одинаковые интервалы, в медленном, величавом хороводе двигались существа, видом своим более всего похожие на мохнатые копы. Их бурые тела, покрытые длинными нитями, чуть колыхались, а длинные гибкие отростки, торчащие из верхушки каждой особи, непрестанно переплетаясь, складывались в разнообразнейшие фигуры. Из торца ближайшей арки выпростались белые жгуты, повисли, раскачиваясь, и начали расти, остановившись над центром круга.

— Пальвен, вы успели что-то понять?

— Вряд ли больше вас, комиссар. Я наблюдаю всего на минуту дольше, но будьте уверены — все датчики, какие только есть в нашем распоряжении, сейчас следят за этими процедурами.

Тем временем на земле внутри хоровода наметились белые линии, они шевелились, становились толще, начали расти вверх, образуя ячеистый каркас, хрупкий и воздушный на вид.

— Эти жгуты, протянувшиеся из арки — они подают строительный материал. На экране не видно, но из них что-то такое хлещет, бесцветное, органического происхождения.

— Хотел бы я знать, что они там возводят. И не пора ли нам пригнать эту фабрику, пока она не представляет явной угрозы. Шучу, шучу, не пугайтесь так.

Конструкция достигла в высоту нескольких метров, сформировав наверху некое подобие короны со множеством лучей и зубцов. Арка как-то незаметно доросла, влилась сбоку в новое образование, на котором тут же начал надуваться прозрачный пузырь, отливающий блеклой радугой. Хоровод существ замер, они приникли к основанию белой конструкции, прикоснулись к нему отростками и замерли в таком положении.

— Приборы фиксируют химическую реакцию. Там, внутри пузыря. Вернее, не одну. Вернее... Да что ж творится-то там?!

— Что происходит? Вы что-то поняли?

— Не то, чтобы... Но такого химического реактора свет не выдвигал!

— За пределами возможностей человека?

— Я бы сказал — за пределами его понимания.

Пузырь помутнел. В нем носилась какая-то взвесь, клубился пар, лопались пузырьки поменьше, прорастали и тут же распадались ветвистые структуры, вспыхивали разряды...

Проработав минут пять, реактор заглох, «копны» отлипли от него и ячеистая башня начала таять. Стих ветер, закончилась и «метель», хозяйева планеты — если только это были они — отошли подальше от корабля и замерли неподвижно. Часть направилась вдоль череды арок куда-то вдаль.

Пальвен прилип к терминалу, лихорадочно отдавая команды компьютеру, сканерам и внешним зондам, Кристиан откинулся в кресле, с завистью наблюдая за действиями коллеги.

— Гражданин координатор!

— А? Вы что-то сказали?

— Не хочу вас отвлекать, но вынужден поинтересоваться: сколько процентов вашей энергии направлено на изучение продемонстрированного нам представления, а сколько — на непосредственное выполнение основного приказа и сопутствующих ему задач?

— Не понимаю вас. Я исследую биосферу планеты, и...

— Не притворяйтесь. Мы здесь уже второй день, но до сих пор не приступили к развертыванию первой производственной базы. Думаю, самое время начать. А в перерывах можете изучать этих чудиков — он кивнул головой на экран, где виднелись неподвижные существа.

— Простите, комиссар, но я не могу пока что дать своей санкции.

— Это еще почему?!

— Я думаю, что эти существа обладают разумом. В таких условиях я не могу дать согласие на уничтожение их среды обитания.

— Вы... Вы саботируете нашу миссию?

— Отнюдь нет. Задумайтесь, управление рассчитано именно на двоих? Почему для каждой серьезной команды модулю нужна совместная санкция?

— Предосторожность от поспешных решений...

— Чушь! Модуль может работать и вовсе без экипажа, вы не хуже меня это знаете.

Пальвен отвернулся от терминала и взглянул прямо в глаза комиссара.

— Тех, кто нас послал, волновали именно этические вопросы. Вам, возможно, и невдомек, но эти аспекты тоже рассматриваются в доктрине выживания человечества. Компьютер — неразумен, вопросы морали ему неведомы, мы же — другое дело. Если мы сейчас, походя, истребим местные формы жизни, включая первую обнаруженную внеземную цивилизацию...

— Не первую, координатор. Отнюдь не первую.

— С этим можно поспорить. Так вот, если мы ее уничтожим, то, боюсь, уподобимся именно тому, против чего сражаемся всеми силами.

— Не сравнивайте нас с этим!..

— А почему? Почему не сравнивать? Стыдно?

По лицу координатора расплылись красные пятна, голос звенел — откуда только властность взялась!

— Представьте хоть на минуту: вы живете, вы развиваетесь, а потом в один день приходит смерть. Непонятная, неумолимая смерть, которая губит все на своем пути. Она не вступает в переговоры и не останавливается ни перед чем. Что, аналогий не возникает? А ведь это именно то, что собираемся устроить здесь мы!

Он замолчал, переводя дух.

— Поэтому я не дам своей санкции, а без нее запуск модуля возможен только в ограниченном режиме.

Несколько мгновений Кристиан боролся с искушением взяться за пистолет, потом обмяк и расслабился.

— Вы знаете, ради чего мы здесь, Пальвен?

— Прошу, избавьте меня от лекций, я их наслушался еще на Земле...

— Я не буду читать вам лекций. Вы знаете, что Земля умирает. Возможно, ее уже нет, возможно, она падет в ближайшее время. Возможно также, что мы — единственные выжившие представители человечества. Мы... И наш груз. Выбор наш невелик: либо мы сохраним человечество, возродив его на этой планете, либо станем предателями, отказавшимися исполнить свой долг.

— Не утрируйте. Минимальная программа в любом случае будет исполнена, пусть даже без тотального преобразования биосферы.

— И что это даст? А если враг настигнет нас уже здесь? Неужели существование этих уродцев для вас значит столько же, сколько существование нашего с вами вида?

Пальвен улыбнулся — печально, невесело, и сразу потерял решительный, напористый вид.

— Вам, гражданин комиссар, меня не понять. Вы взвешиваете две цивилизации, а для меня они обе — бесценны. Я не могу спасти одну и погубить вторую, я мыслю категориями, отличными от идеологических догм.

Несколько секунд они мерили друг друга взглядами, отнюдь не пылающими любовью к потенциально последнему представителю своего вида, пока комиссар не сдался.

— Воля ваша. Это решение будет занесено в журнал экспедиции.

— Как угодно.

Следующий день не принес ничего нового, за исключением того, что непонятная деятельность местных обитателей продолжилась, их стало

больше и этюды на тему сложной органической химии демонстрировали несколько групп одновременно. Однообразием неуклюжие создания не страдали: часть реакций теперь протекала на внешней поверхности пленок, натянутых на вычурные каркасы, часть — вообще в воздухе, подпитываемая не только растущими, как грибы после дождя, арками, но даже и белой «вьюгой», сыплющейся, словно по расписанию.

Кристиан заглянул в центр управления выпавшимся и довольно благожелательным. Спорить с координатором толку не было, возможностей для физического воздействия тоже не наблюдалось, поэтому комиссар фактически самоустранился от участия в управлении кораблем, посвящая свободное время борьбе с кошмарами и чтению памятников классической литературы.

— Ну как, разобрались в местной биохимии хоть немного?

— Что, передумали меня расстреливать? — Пальвен бурчал, не отрываясь от наблюдений, но особого раздражения в его голосе слышно не было.

— Я бы расстрелял, да что толку. Скучно будет в обществе этих тварюшек.

— А мне вот, представьте, в их обществе совершенно не скучно. Даже интереснее, чем в вашем...

— Уж простите ограниченного фанатика. Кстати, мы ведь так и не назвали планету...

Комиссар задумался и через некоторое время изрек:

— Как насчет *Aequitas*? По-моему, символично, учитывая наши разногласия, но равное положение.

— Эгоцентрично, Кристиан, очень эгоцентрично. Название должно отражать какие-то свойства планеты, а не ее первооткрывателей. Мне не нравится.

— Тогда... — он откинул голову, — *Arcus*. Нас уже, кажется, окружили этими органическими акведуками. Так пойдет?

— Если вы так настаиваете...

— Вот и отлично! Так что, вы мне поведаете о своих достижениях?

— Отчего не поведасть? Поведаю. На планете полно органики.

— Это я и так вижу...

— Нет, не видите. Когда я говорю «полно органики», это означает, что она всюду. В атмосферной влаге, в почве, да где угодно! Видели «снег»? Это опять она.

— Об этом я тоже успел и сам догадаться.

— А вот о чем вы вряд ли догадались, так это о том, что во всех этих падающих с неба частицах содержится генетический материал. Проще говоря, местный аналог нашей ДНК.

— Не понимаю. Все эти падающие ленточки — они что, живые?

— Не совсем так. Они несут в себе генетическую информацию, но не являются жизнью как таковой. Я расшифровал несколько образцов. Это

бессвязные обрывки кода, программирующие синтез белков и черт-те что еще. Где они образуются — я не знаю. Может, в облачном слое, он пока не исследован досконально. Ленты чрезвычайно тонкие, поэтому ветер легко переносит их на большие расстояния. Я наблюдал, как эти существа — он ткнул пальцем в экран — и их биореакторы абсорбируют летучие носители информации, но используют ли они их как пищу или на самом деле считывают данные, остается загадкой.

— А их деятельность? Вы смогли установить, что именно они делают?

— Это и есть самое интересное, — Пальвен хитро прищурился. — Думаю, они пытаются с нами поговорить. По крайней мере, в зарегистрированной последовательности химических преобразований прослеживается определенная система. Сейчас идет процесс накопления данных для расшифровки. Если, конечно, она возможна.

— Вот так сразу — поговорить?

— Я понимаю, Кристиан, что вы сначала начали бы стрелять, но не стоит отказывать чужому разуму в некоторой наивности, пусть даже он выглядит не слишком презентабельно и приятно.

— Не ерничайте, я не о том... Вы думаете, они вот так сразу признали в нашем модуле разумную форму жизни либо ее вместилище и немедленно попытались установить контакт?..

— А что вас тут удивляет? Об их уровне развития мы понятия не имеем. Оценить достижения биохимической цивилизации с наших позиций не так-то просто. С другой стороны, их планета чрезвычайно активна, уж не знаю, является ли это следствием развития биосферы, или наоборот, и наш транспортный модуль очень сильно выделяется из окружающего ландшафта, как геометрически, так и химически, что даже важнее.

— Как бы они со своей химией не решили нас однажды взорвать.

— Будем надеяться, что они добрее людей...

Компьютер расшифровал послания чужаков на четвертый день. Пальвен и Кристиан, стгорая от нетерпения, попытались получить результат, но разочарование ждало их обоих. Информация не поддавалась непосредственной интерпретации в текстовом, графическом или звуковом виде, поскольку способы ее передачи и восприятия кардинально отличались от человеческих. Искусственный интеллект строил сложнейшие диаграммы взаимосвязанных логических единиц, но был не в силах донести их смысл в понятном виде. Решение нашли спустя десять часов мозгового штурма: транслировать логические конструкции в подсознание человека, на уровне эмоционального восприятия. Операцию перенесли еще на день — организм требовался отдых перед погружением в искусственный транс. Предполагали все, что угодно — от попыток вступить в диалог до выражения неприязненного отношения и враждебности.

Действительность превзошла ожидания. Чужие, нелепые, мохнатые чужие с уродливыми отростками вот уже несколько дней демонстрировали... картины. В человеческом сознании не имелось аналогов тому, что пытались донести до него при помощи сложнейших реакций, но по окончании эксперимента и Пальвен, и Кристиан сошлись во мнении, что больше всего это походило на полотно. Живое, непрерывное полотно, на котором десятки художников рисовали одну картину, дополняя и развивая мысли друг друга. Перед разумом выросших на Земле существ, замкнутых, изолированных кожными покровами и мембранами от внешнего мира, разворачивались немыслимые саги становления чужеродной цивилизации, организованной наоборот, наизнанку. Люди видели мысли особей, являющихся лишь частью непрерывного процесса преобразований, не отделяющих себя от внешнего мира, не знакомых с понятиями границ, собственности, индивидуализма и одиночества. Люди видели — и забывали даже о своем я.

Они называли себя очень просто — Жизнь. Жизнь росла и развивалась, заполняя мелкие моря и выползая на суровые материки, грозящие распадом всему живому. Жизнь формировала цепочки преобразований — будто пронизывала над хищной алчностью земных пищевых цепочек, спокойно обходясь без уничтожения одних видов другими, размывая даже само понятие вида, потому что жизнедеятельность одного существа продолжала жизнедеятельность другого, вплоть до обмена генетическим материалом для наиболее полного приспособления. Жизнь усложнялась, осваивая все новые и новые климатические зоны, образуя сообщества, наполненные взаимопомощью, устойчивые к потрясениям и катаклизмам.

Настоящей легендой, полной драматизма, борьбы и самоотверженности, стало освоение Жизнью северных плато, изолированных и удаленных, на которых она впервые столкнулась с Врагом — извращением, другой Жизнью, поедающей ради роста. Шли войны — реакции и контрреакции, ингибиторы и катализаторы, поиск и удаление вредоносного генокода, гибель и возрождение... Меняла свойства почва, ветры несли заражение, смерть, обман... Жизнь взбиралась все выше по северным склонам, одолевая хищную напасть, защищая собственные биоценозы, совершенствуясь в процессе борьбы и ведя в наступление авангард всех прочих жизненных форм. Враг отчаянно защищался — упорно восстанавливая свою ДНК, цепляясь за каждый клочок земли и норовя забросить семена разрушения так далеко, как только возможно. И все же он отступал — выжигаемый кислотами, изменяемый мусорными вторжениями в геном, одолеваемый умением и самопожертвованием.

Жизнь умела радоваться — своему продолжению, непрерывной гармонии мироздания, красоте спиральных цепочек, формирующихся в квазиживых облаках.

Жизнь огорчалась — угасанию разума, неуправляемым реакциям, нарушающим гармонию мира, своему неумению достичь желаемого,

ограниченности знаний и невозможности изменить Врага, подарить ему сосуществование вместо уничтожения.

Жизнь была добра и наивна.

Они нашли в себе силы заговорить лишь через час после окончания сеанса, постепенно приходя в сознание, собирая свои личности и осознавая себя людьми. Медицинский сектор выдал обоим транквилизаторы, и потрясенные, истощенные физически и морально земляне вновь заняли свои кресла в центре управления модулем.

Молчали, с новым пониманием разглядывая ходячие «копны» вместе с их не живыми и не мертвыми арками-городами.

Обдумывали увиденное.

Когда Пальвен заговорил, голос его был тих и дрожал.

— И это вы собирались уничтожить, даже не разобравшись? Это... это чудо, равное которому не встречал никто из людей?

— Молчите, координатор, молчите... Еще несколько таких фраз, и я убью вас, наплевав на последствия... Мне кажется, что я на время перестал быть самим собой. И вы тоже... А мы должны помнить... Помнить, что мы именно люди, а не кто-то другой...

Он перешел на шепот, морщась от головной боли.

— Я больше не уверен в том, что мы сможем их уничтожить, даже если старательно попытаемся. Плазмой и ядерными зарядами не выжечь всю биосферу, а нашу наномашинерию и химию они встретят во всеоружии. За них ведь вся планета... Весь Аркус. Да что там, Аркус — это они!

— Нашла коса на камень, да, Кристиан? Ничего, я думаю, мы попросим у них немного места под ограниченную колонию. Сумели расшифровать — сумеем сказать свое. Спроектируем небольшой реактор и попросим.

— Попросим... Куда деваться.

— Кристиан! Кристиан!!!

Он выскочил в центр управления, находясь в настоящем бешенстве. В первый раз за всю жизнь научный координатор Пальвен Армидий хотел убить человека.

— Кристиан! Что ты задумал?!

Углядев комиссара на экране, Пальвен осел, тяжело дыша. Что толку кричать, если болван вышел наружу в скафандре и отключил в нем системы связи. Но что он собрался делать?..

Фигура комиссара, угловатая в тяжелой броне, спустилась по пандусу и ступила на разноцветный лишайник.

— Компьютер! Доложи о последних действиях Кристиана Шрайде.

— Комиссар Шрайде только что покинул пределы транспортного модуля.

— А до этого?

— Переключил на себя управление внешним химическим реактором.

— Отменяю этот приказ! Верни управление.

— Отказываюсь. Вы не можете отменять действия человека равных полномочий, если они не входят в перечень базовых команд управления.

— Черт... Что этот фанатик задумал?

Тем временем комиссар осторожно прошел несколько метров, приминая шевелящиеся листья псевдорастений, и остановился рядом с бесформенной грудой химического реактора, построенного микросервами и наномашинами. Сел, а потом и лег.

— Компьютер, что он делает?

— Комиссар Шрайде подключился к управляющему транслятору химического реактора.

Над реактором появился яченстый экран, окутанный прозрачной мембраной — «холст» готовящейся к показу картины. Вокруг неспешно собирались мохнатые чужаки.

Воздух внутри мембраны начал мутнеть.

Пальвен, кляня себя за глупость, бросился в медицинский отсек, на ходу требуя от компьютера подготовить погружение в транс.

Он успел в самый разгар представления и был поражен. Ни разу до этого научный координатор не думал, что у комиссара есть такой художественный талант, поэтому открывшаяся картина потрясла его не меньше, чем первые откровения Жизни.

Кристиан рисовал. Рисовал самозабвенно и с каким-то отчаянием, рисовал так, будто вышел в последний бой, используя воображаемую кисть вместо огнемета и плазмотрона.

Кристиан рисовал сагу становления и гибели человечества.

Хрупкие люди брели сквозь леса, саванны и ледники. Они были почти беспомощны, они гибли, нигде не находя поддержки и безопасности, одинокие носители разума в хищном, враждебном мире. Люди становились сильнее — они сумели обратить неживое себе на пользу, преодолеть проклятие своего бытия и смело посмотреть в будущее. Люди тянулись за пределы атмосферы — в пространство, враждебное самой идее жизни, и покорили его, посрамив равнодушную смерть, следящую за живыми искорками миллиардом холодных глаз. В отчаянном рывке они достигли звезд и проложили мостик в миры, мертвые от эпох сотворения.

Люди встретили своего врага.

Газли, не достигнув точки назначения, огоньки космических кораблей. Межзвездная тьма обернулась страшным чудовищем, грозя поглотить маленькие человеческие миры. Земля, голубая Земля, остров надежды, плывущий сквозь пустоту, стала крепостью посреди наступающего кошмара.

Работали бесчисленные заводы. Миллионы людей отдавали силы, чтобы возвести космические бастионы, неуязвимые для врага, оградить родную планету неприступным щитом, защитить свою жизнь и свой разум от безымянной гибели, неуязвимой для любого оружия. Земля держалась. Держалась и посылала сквозь тьму все новые корабли, чтобы сохранить, посеять на расстоянии тысяч световых лет свои семена, и экипажи рвались вперед, грудью встречая рычащий мрак безумных прыжков.

Лишь один корабль сумел достичь своей цели. Вырвался из объятий врага, сохранил пламя жизни и донес... Донес его до подходящей планеты. Донес до Аркуса.

Неслышно открылась дверь, пропуская вошедшего комиссара. Он покосился на Пальвена, закрывшего руками лицо, усмехнулся и налил себе сока.

— Что же ты наделал, ублюдок... Что же ты здесь наделал...

— Ты же сам говорил — попросим. Я попросил.

Кристиан опустился на пол, опасаясь уронить себя в обморок.

— Попросил?! Это называется — попросил?!

Координатор польхнул и снова угас, опустив голову на стиб локтя. Он не мог заставить себя смотреть на экран, где, широким кругом распространяясь от корабля, бежала волна смерти и увядания. Тускнел липайник, надламывались и рушились арки, брызгая бесценными соками, замирали, оседая на землю, добрые разумные «копны». Аркус умирал, освобождая землю для тех, кому она была нужнее, чем ему самому. Самый бесценный, самый невозможный дар, который одна цивилизация может вручить другой.

— Кристиан Шрайде, это деяние будет занесено в журнал колонии. Оно останется в памяти на века.

Комиссар устало приоткрыл глаза и прошептал, стерев со щеки слезинку:

— Так и надо. Я заслужил.

МАРИЯ ПАРФЕНОВА

СЕДАЯ, РУСЫЙ И ЗОЛОТОЙ

Огромный бронзовый шар солнца распорол воды Вернейского моря, шипя и подпрыгивая на гребнях волн, понесся к берегу, выкатился на песок и плеснул в заросли олив волной янтарного утреннего света: вставай, путник!

Лисимах приподнялся на локте, сладко зевнул, глянул на просвечивающее сквозь ветви олив небо и улыбнулся: день обещал быть солнечным.

Путь к морю много времени не занял. Будь Лисимах обычным человеком, он бы, конечно, свернул на тонкую тропку, что огибала рощу и вела вниз к утесу, но какой смысл искать обходные пути, если ветки кустов беспрепятственно проходят сквозь тело, не шевельнув ни единым листочком, а увидеть очертания собственной ладони можно только на ярком свету?

Волны накатывали на берег одна за другой, расстилали на колючем красноватом песке нежное кружево пены и неторопливо пятились обратно в море, словно призывая покинуть остров, уйти в морские глубины, обрести мир, тишину, покой.

Лисимах тряхнул головой, сгоняя наваяние. Нет уж, он дожидается, дотерпит, доскрипит. И потерянная половинка обязательно найдется. Вопрос — когда. Юноша усмехнулся: вот уже десять лет, как он является единственным обитателем этого острова, и за все это время на горизонте не показалось ни одного паруса, а к берегу не прибило ни одной рыбацкой лодки.

Лисимах прошелся по берегу, вскарабкался на утес и, сощурившись, уставился вдаль. Там, на южной оконечности острова, за ветвями кипарисов и платанов, притаился ладный двухэтажный дом. Пройтись туда, что ли?

Но стоило юноше сделать пару шагов, как вдруг нахлынуло уже знакомое и оттого еще более страшное чувство. Он растворялся. Блекло и без того почти прозрачное тело, в ушах медленно замолкал звук прибоя, тускнел и проваливался в темноту мир.

Нет! Нет! Нет! Нет! О, боги! Остановите, не дайте, не позволяйте...

Но боги не слышат. И мир истончается, гаснет, пропадает.

Темнота, которая наступала потом, была страшнее всего. Тут, в пустом и темном мире, можно было пробыть сколь угодно долго и так и не дожидаться ни шороха, ни касания, ни крошечного проблеска света. И главное,

даже пошевелиться нельзя! Лежишь и чувствуешь, как мгновение за мгновением темнота наваливается, давит, душит...

Но вот темнота закачалась, швырнула в глаза горстью серебристых искр и принялась медленно, словно нехотя, рассеиваться, а на ее место пришли грязные стены, старый колченогий стул и тяжелый, затхлый запах.

Что это?! Где я?! Почему не могу двинуться, хотя чувствую тело, почему дышу так тяжело, хотя не устал, почему...

В этот момент мир дернулся, и в поле зрения всплыла дверь, а за ней рука с грязными, обкусанными ногтями. Лисимах внутренне содрогнулся и вдруг удивительно четко и ясно понял: боги еще раз посмеялись, переселив его в чужое тело. Тело, управлять которым не было никакой возможности.

И, словно желая побыстрее подтвердить догадку, тело рванулось к двери, распахнуло ее, неловко вывалилось в сумрачный коридор, едва не упало, зацепившись за край засаленного коврика, и поспешило дальше.

Солнечный свет плеснул в глаза, над головой закачались ветви неизвестных Лисимаху деревьев, а мгновение спустя из-за угла бегом вылетела странно одетая девочка лет двенадцати.

— Ой, извините! — девочка отшатнулась, пропуская Лисимаха, и тут же опять припустила бегом.

— Смешная. — Лисимах внутренне улыбнулся и попытался обернуться, но тело, неуклюжее, неповоротливое тело сделало еще пару шагов, вплотную подошло к стене дома, ткнулось в нее лбом и закрыло глаза.

* * *

Только бы успеть! Только бы успеть!

Ксенька неслась по улице, стараясь не обращать внимания на колошащую по ноге сумку со сменкой и жалобно поскрипывающий в руке футляр со скрипкой. И кто только додумался построить музыкальную школу так далеко от обычной? А еще этот тип на пути попался — едва не врезалась!

Ксенька задрала рукав, бросила взгляд на часы. Десять минут до урока. И три квартала до школы. Ну-ка, поднажмем!

Звонок застал Ксеньку в вестибюле: вахтерша, тетя Глаша, что-то крикнула вслед, но девочка не расслышала: она уже вовсю неслась вверх по лестнице. Неслась и знала, что все равно не успеет.

— М-можно войти? — запыхавшаяся Ксенька распахнула дверь и оставилась на пороге кабинета географии.

— Ох, Кузнецова! Опять опаздываешь! — географичка Анна Сергеевна вздохнула и развела руками.— Ладно, проходи. Не задерживай класс.

Пискнув едва слышное «спасибо», Ксенька вихрем пронеслась мимо учительского стола, свернула в проход между партами и тут же полетела на пол, споткнувшись о выставленную вредной Светкой ногу.

— Опять на своей скрипочке играла? — елеинным голоском поинтересовалась Светка, глядя, как одноклассница поднимается и отряхивает пыль с колен. — Или загуляла с кем? А, Седая?

Обидное прозвище прилепилось к Ксеньке еще в первом классе: не заметить в иссиня-черных волосах широкую седую прядь было невозможно, и одноклассники не упускали случая побольнее поддеть девочку.

Доковыляв до своего места и выложив на парту тетрадь и учебники, Ксенька осторожно покачала ногой и сморщилась: ушибленное колено давало себя знать.

Урок тянулся ужасно медленно, и Ксенька даже обрадовалась, когда ее вызвали отвечать: шустро оттарабанила давно выученный материал, получила законную пятерку и, прихрамывая, вернулась на место.

Вторая смена закончилась, и по коридорам забегали, загомонили ребята. Ксенька уже прошла половину коридора и как раз собиралась свернуть на лестницу, когда из-за угла появились Светка и две Наташки.

— Ты что, Седая, самая умная, да?! — толчок в плечо оказался не сильным, но Ксенька предпочла отступить на пару шагов (куда приятнее знать, что за спиной просто стена, а не еще кто-нибудь из Светкиных приятельниц).

— На каком уроке ее не спросят — отвечает, выпендривается. — Светка продолжала наступать. — А остальные типа совсем дураки, да? Что-то я не слышу ответа! Или ты от своей скрипочки оглохла? А ну, дай сюда!!!

Ксенька даже толком не успела понять, что произошло дальше. Мгновение, и футляр оказался вырванным из рук, нестройно щелкнули застежки, и вот — Светка уже вертит в руках смычок:

— Фигня-то какая! Девки, вы только гляньте! Нет, Седая, не нужен он тебе. Вот, смотри, что я сейчас с ним сделаю!

Миг — и смычок уже летит вниз из открытого окна. Летит, медленно переворачиваясь в воздухе, словно изо всех сил пытаясь остановиться, замереть, не упасть.

Ксенька отважилась выдохнуть и подойти к окну, только когда с лестницы перестал доноситься хохот Светкиной компании. Девочка перегнулась через подоконник и глянула вниз.

Смычок лежал там, в подернутой рябью мелкой осенней лужице, и, кажется, даже был цел.

* * *

За спиной хлопнула школьная дверь, Ксенька нырнула в кусты, рысью обогнула ряд гаражей и выскочила на задний двор: покрутилась на месте и вдруг ойкнула — у самого края той лужи, куда вредная Светка запустила смычок, сидел большой лохматый пес.

Ксенька шмыгнула носом: подходить к собаке было боязно, но и не оставлять же смычок раскисать в грязи. Чем бы эту зверюгу выманить?

— Слушай, пес, — наконец решила девочка. — У меня пирожок есть. С повидлом. Давай меняться: я тебе пирожок, а ты это... оттуда подальше отойдешь. Хотя, собаки, наверно, повидло не любят...

Пес тряхнул лобастой башкой, словно показывая, что кусок колбасы порадовал бы его значительно больше, и остался сидеть на месте.

— Ты что, думаешь — я тебе вру? — обиделась Ксенька. — Вот, смотри, — девочка полезла в рюкзак и выудила оттуда сплошь увешанный сладкими липкими крошками пакет. Пирожок, пролежавший среди книг с самого утра, помялся, но пса это, кажется, не смутило. Едва увидев лакомство, он в один прыжок перемахнул лужу и с готовностью задрал морду: давай, мол, чего стоишь?

Ксенька помялась, раздумывая, скормить пирожок прямо из рук или выбрать кусок асфальта посуше, и оставить его там. Хотя вряд ли кому-нибудь может понравиться есть с земли, даже если этот кто-то обычный дворовой пес.

— Ладно, бери из рук, — со вздохом согласилась она. — Только осторожно — пальцы не откуси. Я ими на скрипке играю.

Пес шагнул вперед и так аккуратно взял пирожок из тонких пальчиков, что Ксенька не удержалась, похвалила:

— Ух, какой ты аккуратный!

«Аккуратный» меж тем ловко расправился с пирожком, два раза облизнулся и потрусил обратно к луже.

— Эй, — расстроилась Ксенька. — Мы так не договаривались!

Но пес только вильнул хвостом, опустил морду в лужу, ловко подцепил зубами смычок и прямо по воде пошлепал к изумленной девочке. Миг, и смычок аккуратно лег на асфальт.

— Спасибо! — осмелевшая Ксенька подняла пропажу с земли, покрутила так и сяк и, почти не удивившись тому, что смычок цел, потрепала пса по загривку:

— Молодец! Умный зверь! Хороший зверь! Тебя как зовут?

Пес дважды гавкнул.

— Гав? — уточнила Ксенька. — Ну, что ж, по-моему, тебе вполне подходит.

Всю дорогу до дома Гав неотступно следовал за девочкой: забегал вперед, крутился у самых ног и, не переставая, вилял хвостом. Но вот из-за угла показалась красная кирпичная пятиэтажка, и Ксенька остановилась.

— Извини, дальше тебе нельзя. Но если ты подождешь, я, может, сброшу тебе что-нибудь вкусненькое.

Захлопнув за собой дверь подъезда, Ксенька поднялась на последний этаж и полезла сначала в один карман, потом в другой, проверила рюкзак и даже сумку со сменкой: ключа не было нигде.

Девочка шмыгнула носом, и потянулась к звонку.

Звякнула цепочка, дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянула тетка Антонина. На голове тетки было махровое полотенце, а в зубах — папироса.

— А, это ты, — недовольно протянула она, — сейчас открою. И вообще, — тетка дождалась, когда девочка переступит порог, — чего трезво нишь, будто своего ключа нет?

— Я его, кажется, потеряла. — Ксенька втянула голову в плечи. И не зря. Уж что-что, а бушевать тетка Антонина умела. Досталось всем: и нерадивой племяннице, которая уже который год сидит на ее шее, и выглянувшему из кухни теткинному сожителю дяде Паше, и даже толстому коту Андронию, который имел неосторожность в этот самый момент попасться тетке на глаза.

Накричавшись вволю, тетка затушила остатки папиросы, заправила за ухо выбившуюся из-под полотенца прядь волос и, уходя в комнату, бросила через плечо:

— Полы помоешь, мусор вынесешь. Еда в холодильнике. И не пиликай допоздна. Ясно?

Ксенька кивнула, разулась и босиком пошлепала на кухню. Посуды в раковине была целая гора, а из еды в холодильнике обнаружилось полбанки горчицы, сморщившийся помидор и три котлеты на запотевшем от холода стеклянном блюде.

Справедливо рассудив, что тетке и дяде Паше надо оставить по одной котлете, Ксенька выудила свою, разрежала ее пополам и шустро сжевала одну из половинок. С минуту посозерцав вторую половинку, Ксенька выглянула в коридор, покрутила головой из стороны в сторону и на цыпочках просочилась на балкон.

Пес послушно сидел у подъезда, а услышав тоненький Ксенькин свист, задрал голову, довольно гавкнул, и через секунду заглотил сброшенную с балкона котлету.

— Хороший пес, — похвалила Ксенька. — Теперь можешь идти.

— Совсем ополумела?! — всплеснула руками неизвестно как появившаяся на балконе тетка Антонина. — Я тут, значит, тружусь, готовлю, а она котлетами разбрасывается! И было бы кому! Тварь какую-то грязную подобрала — и рада!

— Никого я не подбирала! — надулась Ксенька. — И грязная она потому, что на улице живет. А вот если взять и отмыть...

— Отмывать, дорогуша, — тетка взяла Ксеньку за подбородок, — будешь свои джинсы. И пока не отстираешь, скрипку не получишь.

Ксенька послушно глянула вниз и охнула. На левой штанине чуть левее колена красовался грязный след собачьей лапы — зацепил-таки пес, пока от школы провожал.

* * *

Той ночью Ксеньке не спалось. То чудилось, будто под окнами тоскливо поскуливает Гав, то из зыбкой пелены дремоты выплывало сердитое лицо учительницы по музыке. Учительница грозила Ксеньке смычком,

с которого капала грязная вода, а потом медленно превращалась в тетку Антонину и заставляла отмывать грязные собачьи следы, которые почему-то сплошь усеивали всю Ксенькину одежду.

Сон пришел только под утро: ленивое шевеление занавесок сменилось лениво наползающими на песчаный берег волнами, фикус сам собой переплавился в развесистый платан, а из-за побитого молью старого ковра встало солнце.

Ксенька покрутилась на месте, восхищенно оглядывая все вокруг, и уже совсем собралась бежать к воде, как из зарослей появился человек. Легкий хитон не скрывал прекрасно тренированного тела, порядком отросшие русые кудри были стянуты в хвост, а на губах играла приветливая улыбка. И все бы ничего, если бы не одна досадная мелочь — незнакомец был прозрачен.

— З-здравствуйте, — девочка неуверенно переступила с ноги на ногу и решила, что правильнее будет представиться. — Меня Ксенькой зовут. А вас?

При звуке ее голоса незнакомец разом замер на месте, распахнул глаза так, будто ему показали живого динозавра, и, запнувшись на первом слове, уточнил:

— Т-ты мне не снишься? Ты в самом деле...

— Снюсь. — Ксенька развела руками, а через секунду поинтересовалась. — А вы чего такой прозрачный?

Незнакомец коротко хохотнул: непосредственность девчушки ему явно нравилась.

— Я Лисимах Агафид, — улыбнулся он, подходя ближе. — А прозрачный оттого... Подожди-подожди! — Лисимах наклонился, с любопытством разглядывая девочку. — Я тебя сегодня уже видел!

— Это вряд ли, — Ксенька усмехнулась, — вчера вы мне не снились, а днем я не сплю. Не маленькая.

— Да нет, не вчера, — Лисимах качнул головой. — Сегодня. Ты в меня чуть не врезалась. Неслась куда-то, сломя голову.

— Да ни в кого я не врезалась! — Ксенька даже всплеснула руками от возмущения. — А бегаю я только из музыкалки, потому что до школы времени мало, и вообще...

Запнувшись на полуслове, девочка ойкнула и зажала ладошкой рот: широкие плечи незнакомца, легкий наклон головы и даже смешливые янтарные глаза вдруг показались удивительно знакомыми.

— Т-то есть вы — это он? — Ксенька сглотнула, пораженная догадкой.

Лисимах открыл рот, чтобы ответить, но слов Ксенька уже не услышала: их заглушил звон будильника.

* * *

Ксенька топала по усыпанной желтыми листьями дорожке парка, размахивала футляром со скрипкой и хмурилась: урок в музыкальной школе

отменили: учительница не пришла. Стоило ради этого вскакивать ни свет ни заря? Эх, дела-дела...

У подъезда Ксеньку уже ждал Гав.

— Привет! Привет, лохматый! — девочка потрепала пса по холке и отдернула руку, коснувшись мокрого собачьего бока. — Ты чего — в луже спал? Ой, а грязный какой... Слу-у-ушай, а давай я тебя вымою? Ты не бойся, тетки дома нет. Они с дядь Пашей еще утром на дачу уехали. Вернутся только вечером. Пойдем, а?

Кран шипел и плевался горячей водой, по краям ванны струились грязные ручейки, а Гав смиренно стоял посреди этого безобразия, мотая головой лишь тогда, когда в глаза летели мыльные брызги.

— Ну, ты и уважокался, дорогой! Мою-мою, а толку никакого! — вошедшая в раж Ксенька хохотнула, вытерла пот со лба и принялась намыливать пса с удвоенной силой.

В этот момент лампочка под потолком мигнула и погасла. А когда мгновением позже свет вернулся, Ксенька с удивлением обнаружила, что стоит по колено в воде, а вокруг, накатывая друг на друга, шалят и плюются пеной теплые морские волны. Гав тоже никуда не делся — правда, почему-то оказался далеко на берегу.

Ксенька огляделась, взмахнула руками и с хохотом повалилась в воду. Явно не желая пропустить ни минуты такого веселья, пес с радостным лаем ринулся к воде, по пути оставляя на песке серые хлопья падающей с шерсти мыльной пены.

И стоило первой волне окатить его, смывая остатки Ксенькиных трудов, как вокруг разлилось нежное сияние. Девочка замерла в воде и во все глаза уставилась на пса. Усеивавшие морду колтуны расплелись сами собой, а шерсть стала гладкой, струящейся и... золотой.

— Ничего себе!

Ксенька обернулась на голос. По красноватому икристому песку к ним спешил Лисимах.

— Здорово, да? — хохотнула девочка, указывая на пса. — Он... он... как обертка от шоколадки! — и, смутившись, исправилась: — Ну, или как солнце осенью, на закате.

— Ага, — юноша кивнул и, подумав, добавил: — у отца овцы тонкорунные были, тоже золотыми назывались, но так ни одна из них не сияла.

— Овцы? — Ксенька удивленно присвистнула и принялась выбирать пса из воды. — А он у тебя пастухом был, да?

Юноша улыбнулся, качнул головой.

— Не совсем. Папа был басилевсом.

— Кем-кем?

— Басилевсом. Ну, это что-то типа царя.

— Ничего себе! — Ксенька даже поперхнулась от удивления. — Слушай, это что ж получается — ты во дворце жил?

— Жил, — Лисимах вздохнул и заметно погрузнел, — только там того... не слишком весело было.

— Да ну? — не поверила Ксенька. — Там ведь не жизнь, а сплошное удовольствие: сиди себе во дворце, послов принимай, званые ужины закатывай...

— Ну, не совсем так. И вообще, это долгая история.

— А мы куда не торопимся, — девочка улыбнулась и принялась отжимать насквозь пропитавшиеся морской водой волосы. — Мне все равно высушиться надо, а Гав пока всех чаек на берегу не разгонит — не успокоится.

Лисимах бросил взгляд на пса, который и в самом деле уже вовсю носился туда-сюда по пенной полосе прибоя, качнул головой и улыбнулся:

— Ну, слушай.

* * *

Уже добрую сотню лет Тирийских басилевсов никто иначе, чем «воронами» не звал. Да оно и понятно. У всех волос, как смоль, черен. Ну, кроме младшего, конечно. Этот русым родился.

А басилевс Агафон, хоть по всему Миленскому союзу мудрецом и слыл, заартачился. Сына своим поначалу признавать не хотел. Потом, правда, помягчел, рукой махнул — мол, пусть будет.

Только толку с этого «пусть» совсем чуть: мальчишка уже вырос давно, а волосы остричь никому не разрешает. На советы не пускают, на войну не берут. Хорошо хоть из гинекея в мужскую половину дома перебраться позволили.

Впрочем, на этом отцовское благоволение к Лисимаху закончилось. От соседей его прятали, на симпозию не допускали, да и обучали так себе — больше для очистки совести.

Терпел молодой Лисимах, терпел, да и решил сбежать. Благо, как раз тогда их сосед, басилевс Терпандр, гребцов набирал, на Сонгос войной идти собирался.

И, казалось бы, чего проще: доберись до южной оконечности родной Тирни, лицо попроще сделай, мышцами поиграй — и вот тебе место на биреме. А там знай себе греби и горя не знай.

Только не сложилось. Лисимах через всю Тирию пешком отправился, а отец, как пропажу обнаружил, во все стороны гонцов разослал — разыскать паршивца, поймать, домой вернуть. И поймали, и вернули. А чтоб и дальше такие шутки шутить неповадно было, распустили слух, что горе в семье басилевса — младший сын умом тронулся. На людей с кулаками кидается, речи странные говорит, а если тих и ликом мирен, еще осторожнее быть надо: не ровен час — искусает.

И так эта затея удалась, что сбежали от Лисимаха все, кто раньше в приютелях ходил — не то, что разговаривать не хотят: за стадио увидят, прочь бегут.

И сломался Лисимах Агафид, к богам воззвал.

— Смилитесь, о великие! Отпустите меня отсюда! Отведите туда, где никто меня знать не будет, где свободен буду я, как ветер, что по морю волны гонит. А если не можете, отнимите у меня разум, безумцем сделайте! Нет больше моих сил. Нет. Нет. Нет. Нет.

И боги услышали. Обе просьбы. И обе исполнили: в Вернейском море за одну ночь поднялся из глубин красавец остров, на котором, не старея и не меняясь, уже который год живет юный Лисимах. Стройный, красивый, задорный, умный... и прозрачный. Тело же досталось городскому сумасшедшему Вене Елочкину, на котором, как выражалась его соседка по коммунальной квартире, можно и нужно было пахать: ни на что иное эта напрочь лишённая разума гора мышц не годилась.

Годы текли один за другим, Лисимах скучал, спал прямо на берегу, по привычке завернувшись в шерстяной гиматий, время от времени гонял расплотившихся и обнаглевших коз и лишь изредка заходил в дом на утесе, где на полу из цветной мозаики было выложено сокровенное: «Захочешь воссоединиться — посмотри в глаза».

Воссоединиться, ясно дело, предлагали насмешники боги. И не с семьей, по которой Лисимах не успел соскучиться, даже проведя на острове добрый десяток лет, а со своим телом, которое сейчас жило в другом времени и другом мире — холодном, непонятном и оттого еще более пугающем. Только вот как его найти? Как самому себе в глаза глянуть?

* * *

— Ничего себе история! — Ксенька хмыкнула и почесала в затылке. — И ведь кому рассказать, не поверят!

Лисимах кивнул. Ему и самому очень часто не верилось в происходящее. Казалось, взойдет солнце, защечечут птицы в отцовском саду, и можно будет выскочить из дому и рвануть к морю. Бежать и чувствовать каждый камушек под подошвой сандалии, каждое дуновение соленого ветра на щеке, каждое прикосновение нежной зеленой ветки. Но нет. Нет, нет, нет.

— Слушай, — оживилась Ксенька, — а что ж ты там у себя дома делал, если тебя ни к каким делам не допускали?

Лисимах развел руками:

— Гулял, читал, играл на кифаре. — И, поймав недоуменный взгляд в глазах девочки, пояснил: — Это что-то вроде лиры. Только струн больше.

— А я на скрипке умею! — похвасталась Ксенька. — Это тоже такая... ммм... со струнами. Эх, жаль, ее тут нет. Мы бы с тобой сейчас сбавали!

— Это вряд ли, — юноша горько улыбнулся и попытался поднять с земли принесенную ветром сухую ветку: пальцы свободно прошли сквозь нее.

— Непорядок, — девочка покачала головой. — Надо тебя как-то с тем тобой, который у нас остался, объединять.

Лисимах хмыкнул.

— Знать бы, как.

— А, придумаем еще, — беззаботно отмахнулась Ксенька. — Меня к тебе который день как по расписанию заносит. Так что времени у нас — завались!

В этот момент сияющий золотом шерсти пес, наконец, решил присоединиться к компании — в два прыжка выбрался из воды, радостно гавкнул и встряхнулся, осыпая Ксеньку водопадом соленых брызг.

Девочка взвизгнула и зажмурилась. А когда открыла глаза, вновь оказалась у себя дома. Только на этот раз стоявший в ванне пес был вовсе не золотым, а светло-рыжим, с заляпанной мылом мордой и начинающими слиться шерстинками.

А еще через мгновение в замке заскрежетал ключ и из прихожей послышался голос тетки:

— Ксения! Ты дома?

А потом был скандал. С криком на весь дом, выпихиванием Гава из квартиры и угрозами выгнать потерявшую стыд племянницу на улицу вместе с собакой.

* * *

Неделя тянулась ужасающе долго. Ксенька засыпала на уроках, сонно пиликала на скрипке по вечерам, не замечала ядовитых теткинских замечаний и все ждала. Ждала, когда же ее вновь занесет на волшебный остров. Но остров не приходил даже во снах. Хуже этого было только одно: пропал Гав.

Конечно, сложно назвать пропавшим дворового пса, которого ты знаешь всего пару дней, и у которого вполне могут быть свои собачьи дела, но Ксенька все-таки волновалась. Всякий раз подбегала к окну, заслышав собачий лай, и всякий же раз расстраивалась, убедившись, что идея полаять под окнами пришла в голову не ее золотому бродяге.

А в пятницу терпение кончилось. Слетав с утра на музыку и отсидев в школе шесть длинющих уроков, Ксенька собрала вещи и целых четыре часа болталась по району. Домой идти категорически не хотелось, да и в душе поселилась колючая тревога за пса: на улице совсем не лето, а тетка его мокрого на улицу вытолкала — вдруг простудился, заболел?

Но пес упорно не желал находиться, и когда на город начал спускаться вечер, девочка вздохнула и повернула домой. А чтобы срезать путь (есть хотелось просто зверски), решила пройти дворами. В одном из них и отыскался Гав: лежал, блаженно развалившись, на крышке люка, от которой к осеннему небу поднимались зыбкие облачка пара.

— Ах ты, балбес рыжий! — Ксенька присела на корточки рядом с собакой. — Я тебя ищущу-ищущу, а ты тут разлежся! Греешься, да? Эх, а бы тоже так не отказалась. Я, между прочим, дома с самого утра не была, замерзла — ужас.

— А ты, малявка, к нам иди, мы тебя быстро согреем!

Ксенька обернулась. В какой-то паре шагов от нее, в тусклом свете фонаря, стояли трое подростков лет шестнадцати.

— Ты гляди, — хохотнул один из них, ткнув пальцем в струившуюся по Ксенькиным волосам седую прядь. — Мы-то думали, нам пионерка попаладась. Ну, ничего, так даже лучше. Седая — значит, взрослая, а стало быть, никто нам за эту фифу статью не впадет. Да, пацаны?

Троица хрипло расхохоталась. Мгновенно вскочивший на лапы пес прыгнул голову, ощерился и утробно зарычал — попробуй, подойди!

— Слышь, братан, — хмыкнул один из подростков. — Там, за углом, кирпич свален. Слетай, принеси чуток. Мы этого зубастого быстро жить научим!

Ксенька сжалась и завертела головой по сторонам. Один выход со двора перекрывала злополучная троица. У второго, как назло, припарковался какой-то «Жигуленок». Щель, в принципе, есть, но до нее еще добежать надо, а мешкать нельзя — догонят, еще хуже будет.

— А вот и я! — бегавший за кирпичами «гонец» присоединился к приятелям. — Разбирай, пока тепленькие!

Первый кирпич ударился о землю перед самым носом Гава, второй мазнул по боку, третий точно пришелся бы по голове, не вцепись Ксенька в рыжую шкуру и не дерни на себя.

— Назад, Гав! Назад!

А еще через полминуты отступать стало некуда: спина уперлась в холодную и шершавую стену. И тут до Ксеньки дошло: заорать! Надо заорать! Так, чтобы стекла в окнах задрожали! Чтобы все разом выглянули! Чтобы...

Но крикнуть не получилось. Один из подростков шустро выудил из мусорного бака длинную широкую штaketину и ткнул ей в зубы псу, а второй кинулся к Ксеньке, зажал рот рукой и поволок брыкающуюся добычу прочь.

И тут из-за «Жигуленка» появился он, тот самый человек, на которого налетела Ксенька в день знакомства с Лисимахом, Веня Елочкин. Несмотря на позднюю осень, на Вене были только шорты и дважды обмотанный вокруг голой шеи шарф.

Мутным взглядом окинув дворик, Веня медленно качнулся сначала вправо, потом — влево, и вдруг, словно выйдя из забытья, завопил во весь голос, замахал руками, затряс головой и кинулся на подростков.

Что было дальше, Ксенька помнила смутно: запомнился густой, кислородный запах помойки, сердитый лай Гава и тупая боль в затылке (все-таки падать на асфальт с высоты в полтора метра не самое веселое занятие).

А когда шум в голове наконец утих, и девочка огляделась, рядом был только Гав. Нежданный спаситель исчез.

Домой Ксенька шла медленно. Ее подташнивало, в голове то и дело что-то ухало и перекатывалось от виска к виску, а стоило чуть ускорить шаг, как стены домов начинали угрожающе раскачиваться из стороны в сторону. Так что, когда девочка добралась до подъезда, часы показывали начало одиннадцатого.

* * *

— Все! — бесновалась тетка Антонина, снуя из одного угла комнаты в другой и размахивая руками. — Все терпела, все сносила, но это — извините, не намерена! Ты, милая, совсем совесть потеряла! Тринадцать лет нет, а она уже в загулы уходит! Ты бы еще утром пришла, дрянь такая!

— Я же говорила, — Ксенька устало вздохнула и потеряла висок, — на меня напали.

— Да я уж вижу! — огрызнулась тетка. — Так напали, что голова сообщать отказывается. Пили, да? У, паршивцы! Еще из пеленок не вылезли, а туда же! Все, дорогуша, кончилось мое терпение! Завтра же тебя в деревню отправлю! К бабке Люсе! Вот там и делай все, что вздумается. А мне этого счастья больше не надо!

— Но там же... — Ксенька мгновенно скуксилась, — там ведь даже обычной школы нет. А музыкальной — тем более.

Тетка остановилась, уперла руки в бока и со смешком заявила:

— Ничего с тобой не будет, красавица! В обычную школу в соседнее село поездишь, а музыкальная тебе ни к чему — для того, чтобы по подворотням шляться, консерватории не нужны!

* * *

Обиженная на всех и вся, Ксенька улеглась в кровать, но уснуть так и не смогла: стоило самую чуточку шевельнуть головой, как в висках вновь рождался давешний звон, а к горлу подкатывала тошнота. Сон пришел только под утро. А вместе с ним сам собой появился остров — с привычным красноватым песком, шумящими платанами и опять ставшим золотым Гавом. Пес сидел у воды, смотрел на горизонт и грустно, совсем не по-собачьи, вздыхал.

— Гав, где Лисимах? Мне надо с ним срочно поговорить!

Пес не двинулся с места, только печально посмотрел на Ксеньку.

— Послушай, ты же собака! Ты можешь его найти! Он мне очень-очень нужен. Ну, Гав! Ну, не сиди, как каменный! Гав, да пойми же ты! Я ему помочь хочу. И даже знаю, как! Но меня завтра тетка в деревню отправит, и тогда, тогда...

Ксенька хлюпнула носом и проснулась. У кровати, осторожно тряся девочку за плечо, стоял дядя Папа.

— Вставай, Ксень. Время уже.

— Сколько? — Ксенька протерла спяающиеся глаза и глянула в окно. На улице было подозрительно сумрачно.

— Да рано еще, — дядя Паша вздохнул. — Шести часов еще нет. Только вот автобус в семь тридцать уходит, а тебе еще вещи собрать надо.

— А тетка?

— Спит еще, — дядь Паша развел руками. — Меня ни свет, ни заря за билетом погнала, а сама спит.

— Угу, — Ксенька заговорщицки посмотрела на дядь Папу, в сомнении покусала губу и, наконец, отважилась: — Дядь Пап, а можно я вас попрошу вещи вместо меня собрать? А я пока в город, на полчаса. Мне очень-очень нужно!

* * *

Выбежав на улицу, Ксенька поплотнее запахнула тоненькую курточку, зябко повела плечами и деловито нырнула в лабиринт дворов. Как и где искать вчерашнего спасителя, она не имела ни малейшего понятия. Но найти было надо. Иначе...

Но минуты капали одна за другой, Ксенька запыхалась и взмокла, обегав все окрестные дворы, а Веня все не находился и не находился. Девочка даже отважилась покричать, позвать Елочкина по имени, но и это не принесло никакого результата. Глянув на часы и вздохнув, Ксенька поплелась домой.

— Явилась-таки! — тетка Антонина выглянула с кухни. — А я уж думала — сбежишь.

Ксенька усмехнулась:

— Было бы, куда...

— Нет, ты посмотри! — тетка поперхнулась, закашлялась и выронила на пол только что зажженную папиросу. — И тут, кхе-кхе, хамит! А я ее, кхе-кхе, еще завтраком кормить собиралась!

Девочка промолчала: теткин завтрак обычно не представляли собой ничего, кроме пары кусков хлеба, которые надо было отрезать самой, и чая, заваривать который приходилось тоже Ксеньке.

* * *

С неба сыпал противный мелкий дождик, пришедшие на автовокзал люди зевали и кутались в шарфы, а Ксенька стояла, упершись взглядом в асфальт, и гоняла носком ботинка осколок пивной бутылки. Рядом, грустно моргая и тычась лобастой головой в ладонь, сидел Гав.

Автобус запаздывал.

— Плохо, — пожаловалась пожилая женщина в шерстяном платке. — Им на трассе время держать надо. А раз опаздывает, значит, тут долго не простоят. Опять все бегом-кувырком будет.

Так и вышло. Наскоро выпустив пассажиров, водитель высунулся из дверей:

— Заходим побыстрее! У меня график!

— Слышь, красавица, к тебе это тоже относится! — съязвила тетка, донельзя довольная тем, что, наконец, избавляется от племянницы. — Бери сумки и поднимайся, никто твое величество ждать не станет!

Не поднимая глаз, Ксенька потрепала пса по загривку, в последний раз шевельнула осколок бутылки и вдруг ойкнула, увидев в нем того, кого безрезультатно искала все утро. Веня стоял на самом краешке бордюра, бездумно перебирал разлохматившиеся концы шарфа и, запрокинув голову, смотрел в небо.

— Лисимах! — Ксенька сорвалась с места, дикой козой скакнула через оставленные кем-то сумки, вихрем пронеслась через крытую остановку и остановилась, когда до Вени оставалось менее полупага. Остановилась, увидев Венины глаза. Тусклые, серые, холодные.

Ничего не получится — пронеслась в голове предательская мысль.

Нет уж, получится! Еще как получится! Ксенька дернула Веню за руку, вцепилась в шарф и затрясла, закачала сумасшедшего из стороны в сторону:

— Лисимах! Я знаю, ты где-то здесь! Появись! Пожалуйста! Лисима-а-ах!

Но Веня по-прежнему смотрел в небо.

— Ли-си-мах!!! — Ксенька разозлилась. — Лисимах! Выходи, кому говорят! Лисимах!!!

— Ксень, ты чего? — подоспевший дядя Папа потянул девочку за рукав. — Пойдем, автобус вот-вот уедет.

Ксенька бросила взгляд через плечо. На подмогу дяде Папе спешила тетка, а у нее под ногами путался, мешая пройти, Гав. Времени было в обрез.

— Лисимах! — хлопнула носом почти отчаявшаяся Ксенька и еще сильнее вцепилась в шарф. — Ну, Лисимашик! Ну, проснись! Пожа-а-ауиста-а-а!

Последнее «а-а-а» еще звенело в воздухе, а глаза сумасшедшего уже менялись. Медленно сворачивалась, исчезала серая стынь, уступая место теплomu, медовому янтарию.

— Лисимах!!! — Ксенька восторженно взвизгнула и полезла в карман: дрожащими от волнения пальцами вытащила старенькое надтреснутое зеркальце, поднесла к лицу Вени. — Смотри! Живо смотри сюда!

— Да что ты с ней церемонишься! — раздался за плечом теткин голос. — За шиворот ее, и в автобус! И пса этого убери!

— Лисимах! — Ксенька поднесла зеркальце еще ближе к лицу Вени-Лисимаха и зажмурилась. Будь, что будет. Время замерло. Капли моросившего дождика зависли в воздухе, разом затих шум вокзала, и только секунды мерно защелкали в голове. Одна, две, три...

Они коснулись ее одновременно, тетка — за плечо, и теплые, знакомые пальцы — за руку.

— Лисимах!

— Ксенька!

* * *

В сырую утреннюю хмарь уходил полупустой автобус, на остановке стояла белая, как полотно, тетка Антонина, а на далеком острове по берегу моря с визгом носились трое: загорелый русоволосый атлет, худенькая девочка с седой прядью в волосах и лохматый пес с шерстью цвета осеннего заката.

РОМАН ДИНГЕР

КРЕЙСЕР ЕГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

— Идут... идут... вставай, идут они, слышишь, идут!

Ольга судорожно хватала патроны и распихивала их в под сумки на поясе. Автомат она положила прямо на стол.

— Кто идет? — подскочил я и начал одеваться, спросонья не попадая в ботинки.

— Люди идут! — истерично выкрикнула она, уронив на пол тяжелый магазин.

Пришлось наплевать на ботинки и, подавшись истерике Ольги, начать набивать карманы гранатами и патронами.

— С нижней палубы надо взять РПГ... — толкнула меня Ольга и выскочила за дверь. — Быстрее, Джек, быстрее!

— Успеешь... — буркнул я, решив все же нацепить ботинки, увидев, как солнце жарит через иллюминатор. Не ровен час, еще ноги обожгу.

Не хотелось идти на нижнюю палубу, не нравилось мне там. Поэтому гранатометы были заготовлены заранее, в одной из кают возле камбуза. На верхней палубе, где были установлены тяжелые пулеметы, суетилась Ольга, чертыхаясь и громяхая лентами с патронами.

— Где они? — тихо спросил я, стараясь не высовываться за высокий бортик, обшитый тяжелой броней.

Она лишь кивнула головой за бортик, продолжая возиться с лентами. Помог вставить патроны, захлопнул замок и тронул кнопку на стойке, рядом со щитком пулемета:

— Готова?

Ольга кивнула, широко расставив ноги и чуть наклонив голову:

— Валяй!

Тяжелая броня поползла вбок, открывая полоску серой воды на горизонте, с каждым сантиметром раздвигая ее еще больше, приближая. Я отскочил в сторону, закрыв уши руками, но выстрелов не последовало. Ольга подскочила к открывшейся брешли, быстро выглянула, потом выхватила автомат у меня из рук и понеслась наверх, на смотровую вышку...

— Ах ты, тварь... — расслышал я.

Мне было страшно. Еще ничего не понимая, я метнулся ко второму автомату, и полез вслед за Ольгой, с ужасом ожидая шальную пулю. Или, что еще хуже, вирус...

— Лежать! — зашипела девушка, когда я стал влезать на решетчатый мостик вышки.

Я быстро заполз и устроился рядом с ней, выставив автомат.

— Во-о-он там, видишь?

— Нет.

— Башку-то подними, дурак! — рассвирепела она.

— Не могу.

— А как ты тогда врага увидишь?

Она явно издевалась. Конечно, старше всего на три года, а все туда же.

— Увижу, — пробубнил я. И поднял голову.

Ух... Какой он все-таки огромный. И ужасный. Океан ужасный, говорю. Мрачный. И неизвестно, насколько глубокий.

Если верить Ольге, то где-то вправо от нас Москва.

Врет, наверное. А может, и не врет. Говорит, что родилась там, поэтому знает, где ее место рождения. Москва — это город такой. А я его не помню, маленький был.

— Видишь? — нетерпеливо повторила она вопрос, и повернула мою голову ладонью в нужном направлении.

— Вижу! — пискнул я, невольно сглотнув.

Какие они смешные, люди. На такой вот лодчонке решили нас штурмом взять?!

— Вот я вам... — бормотала Ольга, тщательно прицеливаясь из автомата. — Уж я вам сейчас...

— Погоди! — схватил я ее за руку. — Но там никого нет!

— Молчи! — рявкнула она.

Длинная очередь расколола напряжение. Горячие стреляные гильзы запрыгали перед моим носом, обдавая вонью сгоревшего пороха.

— Чего ты ждешь? Стреляй! — заорала девушка, пребольно пихнув меня в бок.

Я выставил автомат перед собой, прицелился кое-как и выпустил длинную очередь в сторону лодки, которая неумолимо приближалась к нашему борту, подгоняемая волнами.

— Мазила!

Ольга вскочила и побежала вниз, бросив на ходу:

— В атаку, Джек! Иначе — смерть от вируса!

Смерти я боялся. Нет ничего страшнее, чем смерть от вируса. Пришлось сползть задом обратно и нестись на нижнюю палубу.

Вовремя. Лодка была на расстоянии выстрела, почерневшая от воды, с рваным тряпичным шатром, нелепо возвышавшимся над носом.

— Там точно кто-то есть? — шепотом спросил я, наблюдая, как Ольга осторожно приоткрывает железную дверь, стараясь, чтобы она не скрипнула.

В ответ девушка показала кулак и скользнула на палубу. И через секунду застрекотал, захлебываясь, автомат. Я выскочил на палубу и пополз к Ольге.

— Ну?

— Кажись, попала. Тащи веревку, пойдем на абордаж!

— Не надо! — испугался я.

— Заткнись, а? Веревку!

Обвязывать ее я уже не стал. Пусть сама обвязывается. Только и может, что командовать. Надоело!

Но она и не просила. Быстро обвязала себя за талию, потом толкнула ногой задвижку на борту:

— Держи крепко. Как крикну — тяни обратно!

И исчезла в проеме. А меня мутило. От того, что вода так близко, от того, что океан казался еще больше. И я невольно поджимал ноги, прямо-таки ощущая, как он лижет мои ботинки.

Ольга не кричала. Почему-то не стреляла в людей, там, внизу. Просто влезла обратно, что-то волооча за собой, и тяжело плюхнула это что-то на палубу:

— Все.

— Что — все? Там кто-то был?

— Нет. Вернее, да. Были. Скелеты.

Я нервно глотнул:

— Настоящие?! В смысле — люди?

— Скелеты, Джек. Людские. Слава Богу, скелетам лет черт знает сколько. Да не бойся ты так! Живых там нет.

Опустившись с опаской на палубу, я показал на небольшой тяжелый тюк, который она притащила:

— А это что? Они, скелеты?

— Вот уж никогда б не подумала, что мой Муж будет таким трусом, — фыркнула Ольга, подхватив тюк. — Идем, посмотрим трофеи. Да не бойся ты, это не скелеты.

Она шагнула в проход. Закрыв глаза, я медленно и глубоко вдохнула несколько раз, потом, воровато оглянувшись, быстро вскарабкался на поручень борта и свесился вниз.

Лодка беспомощно тыкалась в наш борт носом, словно искала лазейку. Черная, обросшая какими-то ракушками. По краям бортов ржавыми тонкими тросиками были привязаны небольшие пластиковые бочонки. Шатер был сорван и плавал рядом, потемневший от воды. Без него лодка казалась обнаженной. И я заметил, как она медленно наполнялась водой через отверстия, которые проделал автомат Ольги. Или мой, не знаю. Но вряд ли утонет до конца, бочонки не дадут.

Люди...

Два скелета, один большой, другой чуть меньше, мирно лежали на полу суденышка, не обращая внимания на подступавшую воду. Высохшие, бело-желтые, в ошметках тряпок, они, казалось, таранились прямо на меня.

Тьфу на вас!

Меня чуть не вырвало. Я быстро слез обратно, кляня себя за опрометчивое решение посмотреть на людей. Теперь долго будут сниться...

Ольга сидела на койке, подогнув под себя одну ногу, и внимательно изучала каждый предмет, который доставала из тюка.

— Вируса не боишься?

— Балда ты, — деловито ответила она. — Вирус только от живых людей нападает. А это вещи. Трофеи. Понял? Как думаешь, это что?

С опаской взяв в руку небольшую фигурку человека, искусно отлитую из пластмассы, я повертел ее в руках. Даже понюхал. И поморщился, когда в нос ударил застарелый, какой-то кислый запах пластмассы:

— Фу... Да кто его знает. Может, сделали Бога?

— Бога? — задумчиво посмотрела на фигурку Ольга. — Думаешь?

— А ты что, не помнишь, что Президент говорил? Что люди создают себе подобных, даже искусственных. Чтобы захватить нас, высшую расу, тот, последний маленький оплот демократии, что остался на этом Крейсере Его Президентского Величества! — отчеканил я сотни раз вызубренный и запомненный текст Послания народам Америки.

Правда, смутно мне представлялся этот народ. Но текст Послания грел душу, вызывая слабую дрожь в коленках.

— Джек... — тихонько заговорила Ольга, вертя в руках фигурку. — А мы тогда кто? Смотри, как она похожа на тебя!

— Вот сейчас получишь, — пригрозил я. — Ты чего равняешь меня и людей? Мы — высшая раса, понимаешь? И это тоже в Послании сказано!

— Точно! — тут же повеселела Ольга и бросила фигурку на пол. — Так... а это что?

Это было похоже на ожерелье. Но, приглядевшись, девушка отшвырнула эту штуку на пол:

— Черт!

— Ты чего? — удивился я и поднял ожерелье. — Это, скорее всего, украшение, которое носили лю...

И сам отбросил его в угол. Тонкая гибкая проволока, изрядно поржавевшая. А на ней, прикрученные в ряд, висели человеческие зубы.

— Вот сволочи... — с ненавистью произнесла Ольга. — Небось, кого-то из наших поймали и пытали. А потом украшения сделали. Твари!

Я взял автомат и стволом осторожно подцепил этот ужасный сувенир. Поднес к открытому иллюминатору и выбросил.

— Книжка? — удивилась Ольга, доставая тонносенюкую книгу, потрепанную. И помятую. — Они что, и читать умеют?

— Наверное. А там по-нашему написано?

Она открыла книжку и медленно, по слогам, прочла:

— «Д-нев-ник Дже... Дже-нифер... Рит-терс. На-чато...седьмо-го июля... так, это сколько... две тысячи... двадцать шестого... нет, двадцать девятого, точно... го-да...» Ладно, потом посмотрим. Ух, ты! А это что? А-а-а, гранаты. Ржавые...

А мне вдруг захотелось спать. То ли встряска от приключения дала о себе знать, то ли опять океан опять близко увидел, но спать захотелось очень.

— Спишь? — поинтересовалась Ольга.

— Ага, — кивнул я. — Пойду?

— Давай.

Но сон пришел не сразу. Сам виноват. Перед глазами все прыгала и прыгала лодчонка, с двумя скелетами, тарасившимися на меня пустыми глазницами. Дура Ольга, ну как эти скелеты могут быть похожи на нас?! Это ведь люди!

Ее трудно переубедить иногда. Она родилась раньше меня и считала, что я еще многого не видел. Жаль, конечно, что маму не помнил. Вернее, помнил немного, но как-то смутно. Ольга говорила, что видела, как моя мама ушла вслед за отцом в океан. А зачем, интересно? Что, на крейсере Его Президентского Величества недостаточно места, что ли? Могла бы сейчас жить с нами, еды достаточно. Но зачем-то ушла...

Чувствуя, как подкатывает снова какая-то необъяснимая тоска, я зажмурился и накрыл лицо подушкой.

Мама. Как же ты выглядела, мам? У нас не было даже фотографий.

Ольга говорила, что ты была темноволосой и невысокой. А я почему-то помню руки. Как ты меня гладила по голове. И все, не помню больше ничего. Почему ты ушла? Ведь крейсер-то большой, а океан такой неприветливый...

Я вздохнул. Навязчивая идея Ольги найти Москву уже и меня коснулась. Там, говорит она, собрались такие, как мы. То есть — оплот демократии. Доплыть бы до Москвы, увидеть бы других американцев. Да как-то долго мы плывем, если честно. Уже дважды на нас люди нападали, но безуспешно. Первый бой я проспал, а второй просидел на нижней палубе, подавая патроны. Так и не увидел людей.

Ольга говорила, что от людей пошел какой-то вирус, который убивает нас наповал. Она это от моей мамы услышала, еще до того, как та ушла. Мне стыдно было признаться, что представляя я себе этот вирус в виде... ну, как бы, вот, человек, но весь такой белый, как будто солью покрытый. И он медленно входит в каюту и кусает за горло.

Бр-р-рр... Не приведи Бог, если прорвется к нам, убьет ведь, а жить хотелось.

Страшно... Еще океан этот, когда он уже кончится...

— Джек? Ты спишь?

Ольга пробралась в нашу каюту и, быстро раздевшись, юркнула ко мне. Она становилась такой трогательно-беззащитной, когда раздевалась. Словно вся воинственность исчезала по мере того, как она снимала одежду.

— Пришла исполнить долг как Жена? — спросил я.

— Позже, — отмахнулась она. — Я кое-что интересное вычитала, Джек! Интересная книжка нам досталась.

Она уютно пристроилась у меня на плече и открыла книжку:

— Вот, слушай! «Се-годня умер-ла Соня. У меня не хва-тило сил выбро-си...выбросить ее тело... в воду...» Ты понял! Не хватило сил!

— И что?

— Как, что? Как, что?! Они теряют силы, слышишь? А мы-то нет! Я тебя запросто могу поднять, а она даже мертвого не могла выкинуть. Эх, слабаки они... Так, читаю дальше: «... как я... мо-гу выбро-си-ть до-чь...» А-а-а, поняла! Это ее дочь, слышишь?

— Слышу.

— «... сег-одня вы...а, поняла!.. выпал е-ще о-дин зуб... на-мотал-а его к о-рже... нет, не так... оже-рель-ю ос-тальных зу-бов...» Ой...

— Что?

— Джек, это не книга.

— Да? А что же?

— Это называется «мемуары». Как бортовой журнал, слышишь?

— Ну?

— Это писал один из тех скелетов, понял? Как бы писал, что с ним происходило до того, как он напал на нас! Вот же, он пишет, что из своих зубов ожерелье собирал!

Ольга осторожно отложила книгу на столик и с недоумением посмотре-ла на нее:

— Но зачем нужно было писать об этом? Я уж было подумала, что кого-то из наших замучили... Слушай! — подскочила она, округлив глаза, и развернулась ко мне. — А может...

— Что?

— Они как мы?!

Моему возмущению не было предела. Ольга сжалась в комок, когда я вскочил и швырнул подушку на пол:

— Ты сама поняла, что сказала?! Как они, эти... эти люди... — вложив как можно больше презрения в слово, прошипел я. — Как они могут быть похожи на нас?! Да в них нет ни капли того, что дал нам Отец Наш Небесный! Они пытаются атаковать нас, пытаются натравить на нас вирус! В конце концов, кто отправил мою маму за отцом в океан? Люди! И ты смеешь причислять их к нам?!

— Джек, — жалобно пискнула Ольга, покраснев до кончиков волос. — Прости, Муж. Я была неправа...

А я уже остывал. Забрался в кровать и прижал ее к себе:

— Не смей, слышишь? Мы — оплот демократии здесь. Мы должны чтить и хранить заповеди отцов-основателей. Мы должны...

— Ты меня любишь? — вдруг спросила она.

— А... ну... да, люблю, — запнулся я. — А что?

— Я приступлю к исполнению долга, как Жена, ладно?

— Хорошо.

Я вытянулся на кровати и закрыл глаза. Ольга встала надо мной и положила мне ладонь на грудь. Потом монотонно забубнила, тщательно проговаривая слова:

— И я, Ольга, клянусь любить и беречь тебя, как завещал Отец Наш Небесный, как завещали отцы-основатели и наши предки. Клянусь быть с тобой в горе и радости, в болезни и здравии, до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа — аминь! А теперь можешь поцеловать Жену свою, Муж мой.

Она наклонилась ко мне, вытянув губы трубочкой. Я поцеловал ее и потянул в кровать:

— Вот и хорошо. Спим?

— Ага, — согласилась она, устраниваясь удобнее. — Добрых снов, Джек.

— И тебе.

Я и в этот раз не решился рассказать ей о своих ощущениях. Провел рукой по ее плечу, чувствуя, как снова загорается то непонятное томление, когда хочется больше, чем поцеловать ее. Как-то прижать к себе, ласкать рукой ее кожу, ощутить ее тело под собой...

Меня бросило в жар. Нельзя так! Она моя Жена, и я поклялся не причинять ей вреда. Убрав руку, я перевернулся набок и закрыл глаза, стараясь унять дыхание.

— Джек?

— Чего?

— Обними меня...

Интересно, а как мне спать потом, с рвущимся от напряжения сердцем?

Я ее обнял, перевернувшись обратно, чувствуя ее дыхание на груди. Ладно, завтра скажу. Может, она тоже чувствует что-то такое?

Мы еще целую неделю читали ту странную книжку. Ольга настаивала, что ее написал один из тех скелетов, которые приплыли к нам. А я все не мог представить, как может скелет написать книгу. Уж больно тонкие у него пальцы, бело-желтые. Вряд ли такими что-нибудь напишешь...

Еще в книжке рассказывалось об океане. Я с интересом слушал описания путешествия этих странных людей, о том, как они ели какую-то рыбу, как они пили воду из опреснителя. А потом шторм опрокинул опреснитель в океан. Да, он такой, запросто отнимает все, что ему вздумается. У нас один

раз даже лестницу сорвал с заднего борта, чего там говорить о каком-то опреснителе.

— Пошли путешествовать? — вдруг предложила Ольга и подхватила автомат.

— Куда? Опять на нижнюю палубу?

— А чего? Ты боишься? — прищурилась она насмешливо.

— Нет. Да. Боюсь. Что там делать?

— Ну, ты что? А моторный отсек, помнишь?

— Ага.

Тяжелая огромная дверь с надписью «Моторный отсек. Вход только для персонала» (так прочитала табличку Ольга). Этот отсек манил всегда. Мы знали по картам крейсера, что там есть огромный зал с какими-то моторами, которые движут крейсер по океану. Только, правда, они нам не нужны, океан нас сам несет. Вон как качает... Но открыть ту дверь за два года мы так и не смогли.

— А я знаю, как дверь открыть! — торжествующе произнесла Ольга.

— И как?

— Так ты идешь или нет?

Пришлось подчиниться. Не люблю почему-то нижние отсеки крейсера, но было скучно, и торчать одному в ожидании Ольги наверху не хотелось.

Она подхватила со стойки тяжелый РПП и протянула мне:

— Неси ты, я впереди пойду.

— И зачем он там?

— Молчи! Идем!

Она пошла впереди, с автоматом наперевес. И я опять поддался тому азарту, как это было всегда, с тех пор, как Ольга придумала искать новые путешествия по крейсеру.

До той двери мы дошли быстро. Шум океана стал глуше и ошутимее. По моим подсчетам, мы чуть ниже его уровня и мне стало совсем не по себе...

— Не бойся, — подмигнула Ольга.

Она подошла к двери с табличкой и принялась выстукивать по железу рукоятью ножа, который вытащила из-за пояса. С серьезным видом подергав рычаг на двери, она вернулась ко мне:

— Закрыто.

— Да что ты говоришь! — с деланным ужасом произнес я. — Идем тогда обратно?

— Ага, размечтался! — фыркнула она и взяла у меня гранатомет. — Ты иди во-о-он туда... — указала она рукой на толстую металлическую балку в углу. — Спрячься за нее.

— А ты?

— Я в другом месте спрячусь.

Кивнув, я пошел к балке, но тут до меня дошло...

— Ты хочешь взорвать дверь?!

— Ага. Кумулятивной ракетой. У меня их две.

Она деловито отсчитывала шаги до двери. Я схватил ее за руку и потащил к трапу:

— С ума сошла...

Ольга выдернула руку и продолжила свои шаги. Дойдя до двери, резко развернулась, пошла обратно и на ходу негромко сказала:

— Кто не спрятался — я не виновата.

— Мать твою, Жена! — ругнулся я и бросился в укрытие.

И примерно через полминуты рвануло. Следом — еще раз. Оглушительно треснуло по ушам, заставляя согнуться, а потом раздался торжествующий вопль Ольги. Я выглянул.

Ближе к правому краю двери зияло немаленькое отверстие, осклизшееся дымящимися рваными краями. Ольга подскочила к дыре и принялась яростно молотить по краям стволом РПГ, сгибая их внутрь и радостно что-то выкрикивая. Потом отшвырнула помятый ствол и обернулась ко мне:

— Видел?

— Видел. Что дальше?

— Идем внутрь?

— Нет. Идем. Только автомат мне дай.

Но мы не сразу пошли. Потому что края дыры остывали долго, дымя и распространяя вокруг ужасный запах сгоревшей краски. Пока я не полил их водой из фляги, которую принес с собой.

— Вроде бы нормально, — задумчиво дотронулась до металла Ольга. — Не горячо. Ты первый.

Я даже спорить не стал. Страшно. Но очень интересно. Если за столько лет на нас отсюда ни разу не напали, что ожидать сейчас? Вряд ли здесь есть кто-то живой...

Первое, что я увидел, были гигантские механизмы. Это — моторы! Я знаю, видел их на плане крейсера. Они заглохли незадолго до моего рождения. Ольга один раз рассказала, как слышала от других, что просто кончилось топливо для моторов. Может, врут? С другой стороны — могут и не врать. Вон они какие, огромные, много надо этого топлива. Мы, наверное, уже добрались бы до Москвы давно, кто его знает?

Я осторожно пошел вперед, стараясь держать в поле зрения девушку, которая неслышно скользила среди конструкций, поддерживающих палубу. И тут же шмыгнул в сторону, когда Ольга присела, подав мне знак.

— Пс! — тихонько свистнул я ей. — Эй! Что там? Ольга?

В ответ она только поманила рукой и осторожно подняла автомат. Я не успел даже что-то сделать, как длинная очередь ударила по ушам оглушающим грохотом. Где-то послышался звон разбитого стекла.

— Вон там!

Она вскочила и побежала вперед, на ходу перезаряжая автомат. Мне ничего не оставалось, как броситься следом, ругая про себя несносную Жену, которая нырнула за какой-то тяжелый ящик. Я свалился рядом, ожидая пулю, но никто не стрелял в ответ.

— Совсем рехнулась? — зашипел я, стараясь не высовываться.

— Мне показалось, что там сидел кто-то!

— Где?

Сердце бешено заколотилось. А если и вправду есть кто-то?

— Давай, я пошла. Прикрой, Джек!

— Куда?! Сиди!

Но она уже легко кувыркнулась в сторону и вскочила.

— Отбой! — вдруг сказала она громко. — Это мертвые.

— К-какие мертвые? — испугался я.

Ольга пошла вперед, опустив автомат. Я осторожно выполз из укрытия и пригляделся.

Наши!

В углу, перед высокой металлической стеной, приткнулась небольшая комната, построенная из металлических стоек. И когда-то застекленная. Еще виднелись отрывки выбитых стекол на рамах, и немалая же их часть валялась на полу. И много пулевых рваных дыр вокруг, на стенах, на стойках и внутри комнаты.

И еще стол, длинный и узкий, заваленный бумагами. И еще несколько скелетов, обтянутых высохшей кожей на черепах. Но в том, что это наши, я ни капли не сомневался. Форма еще сохранилась на скелетах, пятнисто-грязной расцветки, и с потемневшим от времени маленьким шевроном в виде американского флага на рукаве. В такой же форме ходил наш техник Джозеф, как я помню. Потом его океан забрал.

— Их убили! — прошептала изумленно Ольга, осторожно толкнув дверь, висевшую на одной петле.

— Откуда ты знаешь? — тоже шепотом спросил я, стараясь не смотреть на череп одного из сидящих мертвецов. Собственно, от черепа там оставалась только часть, с верхней челюстью и одной глазницей.

— Да посмотри же! Видишь дырки в форме? Это от пуль! Я-то сюда не попала, выше стреляла, ну, чтобы напугать.

Она бесстрашно тронула пальцем форму на спине у одного из сидящих. Потом повернулась ко мне:

— А что это, по-твоему?

— Не знаю... — пожал я плечами. — Слушай, а может, это вирус?

Ольга отпрыгнула от трупа, потом погрозила мне кулаком:

— Ерунду говоришь! Вирус маленький, он не делает таких дырок.

— Это ты ерунду говоришь! Откуда ты знаешь, какой он, этот вирус? Ты его видела?

— Видела! — как-то зло выкрикнула она. — Он съедает лицо, а потом останавливает сердце! Дядя Костя так умер, понял? Ты маленький был, ты не помнишь!

Я промолчал. Ей виднее. По ее рассказам, вирус мог вытворять штуки почище, чем дырки в форме...

— А почему их убили, как думаешь?

— Не знаю.

Она задумчиво перебирала бумаги на столе. Потом вдруг радостно вскрикнула, подняла над головой маленькую книжку и завопила:

— Ура!!!

— Ты чего? — всполошился я.

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет.

— Фотографии!

Я вскочил. Ольга открыла книжку и заговорила, часто и горячо, разглядывая книжку огромными глазами:

— Ух... я помню!.. Это же дядя Ричард!.. Вот он, видишь? Ой... смотри, это мой дядя Костя! — заорала она радостно, тыча пальцем в фотографию. — А это... это... как же его... дядя Фред. Джек?

— Что?

— Это твоя мама.

Сердце прыгнуло куда-то вверх. Женщина со строгим лицом, в форме, стояла возле стола, опираясь на него рукой, и смотрела куда-то в сторону.

— Мама? Моя?

— Твоя, Джек, твоя! — радостно рассмеялась Ольга и обняла меня. Потом осторожно вытащила фотографию из-под целлофановой обложки. — Я ее хорошо помню! Держи!

Мама...

Я еще очень долго смотрел на фотографию, стараясь запомнить каждую черточку ее лица, поворот головы, позу, ее руки. Правда, представляя ее немного другой, но сейчас... Она была красивее всех на свете!

— А это сам Его Величество Президент! — вырвал меня из тишины благоговейный шепот Ольги.

— Где? — ахнул я.

— Вот он, посередине, видишь?

По сравнению с окружавшими его людьми, Его Величество был очень мал ростом. Нахмуренный, седой, с темным, прорезанными морщинами лицом, в темной форме с медалями, он выделялся среди всех. Впрочем, как и положено Президенту Великой Страны.

— Вот он какой, великий человек... — прошептал я, трепетно держа фотографию. — Как нам сейчас его не хватает, правда, Ольга?

Она кивнула, рассматривая фотографию из-за моего плеча. Потом толкнула меня в спину:

— Смотри!

Я повернулся. Ольга показывала на кривую надпись на стене, сделанную то ли краской, то ли маркером.

— Что написано?

— «У... нас... кончи-лось... топ-ли-во... Амери-ки бо... боль-ше нет... не-куда... бе-жать...мы... все... ум-рем!..» Мы все умрем? — удивленно обернулась она ко мне. — Как это понимать?

— Там так написано? — переспросил я.

Она кивнула.

— Наверное, это от отчаяния написано, — убежденно сказал я. — Бывает такое. Мы ведь не умерли? Нет. Значит, он ошибся!

— А если нет? Почему только мы с тобой живы?

— Может, потому что ты из Москвы, а я Муж твой? — неуверенно спросил я, чувствуя, как снова волной накатывает страх.

— Пойдем, а? Как-то мне страшно, Джек...

Мне тоже стало страшно. Я молча схватил Ольгу за руку и потащил обратно к двери, туда, откуда пришли, чувствуя, как вокруг нас шепчется океан. Или показалось, не знаю. Но мне и вправду было страшно. От всего от этого моторного отсека, от молчаливых мертвецов, от гула волн океана за толстым бортом, от испуганных глаз Ольги...

Она молчала всю дорогу обратно к каюте. И, лишь усевшись на кровать, горько расплакалась.

— Оль... ты чего, а?

От этих слез мне стало не по себе. Я редко видел ее плачущей. Но сейчас мне тоже почему-то хотелось плакать.

— Джек... мы умрем, да?

— Что за глупости? — попытался я возмутиться, но мне это не удалось. — Мы не умрем!

— Но там было написано, что мы умрем... — всхлипнула она. — И Америки больше нет!

— Но Москва-то есть! — горячо возразил я. — И мы туда попадем!

— Когда?

— Скоро, Ольга, я думаю, что уже скоро. Не можем же мы плыть так долго?

Она легла на подушку и укрылась одеялом. Я погладил ее по волосам и тихонько сказал:

— Главное, что мы живы, слышишь?

Но теперь я в это и сам с трудом верил...

Солнечные батареи исправно давали электричество. В душе, нагретом на солнце, я с удовольствием подставил лицо под теплые струи воды. Хорошо, что еще и опреснители исправно работали, перерабатывая воду

океана в чуть солоноватую, но вполне приемлемую пресную. Правда, много ее не выпить, живот болеть начинает. Но я, кажется, уже привык.

Ольга спала крепко. Правда, мне показалось, что у нее поднялась температура, но я решил, что это из-за переживаний. У меня бы тоже температура поднялась...

После душа я потопал в капитанский салон и начал готовить еду. На двоих, как всегда.

Интересно все же, почему убили наших, там, в моторном отсеке? И кто убил? Люди?

Люди?!

Да нет же, не может быть! Я отложил консервный нож в сторону. Если бы люди были здесь, то и нас с Ольгой они бы тоже не пощадили!

«Кара небесная настигла тех, кто пошел против Отца Нашего Небесного... — всплыли в памяти строчки Послания Президента, — ...и лишь малая толика человечества, оставшаяся здесь, способна вновь воссоздать мир. Нормальный мир, без боли и страха, мир без войн и нищеты. Где нет людей, убивших этот мир своими грязными помыслами. Пусть будут они всегда прокляты!»

Люди, убившие мир. Сволочи! Нет вам прощения!

Я достал фотографию своей мамы, поставил ее перед собой и улыбнулся. Видишь, мам, я еще жив. И мы не поддадимся людям, обещаю!

— Привет, — вошла Ольга и потянула носом. — Мясо?

— Ага. Садись, сейчас разогрею...

Выглядела она неважно. С помятым бледным лицом, заспанная. Села на стул, безвольно положив руки на стол, и замерла, уставившись в одну точку. Я быстро подогрел еду и вывалил мясо на тарелку. Поставил перед ней и налил стакан воды.

— А ты? — подняла она красные глаза.

— Сейчас. Ты ешь, пока горячее.

Она взяла вилку, неохотно поковыряла мясо, потом отложила ее в сторону:

— Не хочу.

— Слушай, а ты не заболела, случаем? — встревожился я.

— Ты знаешь, как умер дядя Костя? — вдруг хрипло спросила Ольга.

Я замер над едой. Ольга отодвинула тарелку и заговорила. Ее руки бесцельно елозили по столу, словно она складывала какую-то головоломку:

— Я тогда не могла уснуть. Вышла посмотреть на звезды. И увидела, как дядя Сеймис дерется с дядей Костей. Они били друг друга, а твой папа пытался им помешать. И тогда дядя Сеймис ударил дядю Костю ножом... прямо сюда, — показала она на шею. — Он так захрипел, страшно, и упал. И тогда твой папа стал драться с дядей Сеймисом. Ножик у него хотел забрать. Но дядя Сеймис был сильнее, он убил твоего папу. Он вышвырнул его за борт.

Про еду я совсем забыл. И ловил каждое слово.

— Потом дядя Сеймис выбросил и дядю Костю в океан. Твоя мама долго плакала и все грозилась убить дядю Сеймиса. Но он сам умер, через три дня.

— Но... папу ведь вирус убил, — прошептал я. — Ты же сама сказала!

— Я испугалась, Джек. Помнишь, я прибежала к тебе и забрала с собой, туда, вниз? Ну, там, где все консервы наши хранятся, помнишь?

Я кивнул.

— Потому что я испугалась, что дядя Сеймис и нас убьет. Поэтому мы и сидели несколько дней в продуктовом отсеке. А потом, помнишь, я ходила наверх? Помнишь. Я тогда ходила искать твою маму, но никого так и не нашла. Никого не было.

— Врешь! — вскричал я. — Ты сказала, что мама ушла вслед за папой! Ее океан забрал! Я ненавижу тебя! Ты врешь!

— Забрал, — усмехнулась Ольга. — А куда ж еще она могла уйти? Ты еще где-нибудь кого-то видел, кроме нас?

Она не врала. Я по глазам видел.

— Он всех забирает, океан. — Ольга закрыла глаза и зашептала. — Больше нет никого. И Москвы нет, Джек. И Америки нет. Я читала. Он все забрал.

Мне очень хотелось закричать. Ударить ее, толкнуть, подмять. Кусать, бить. Но чтобы она не говорила таких ужасных вещей. Только я даже шагу не мог сделать. Она не врала.

— Где читала?

— Есть книга одна. Президент сказал, что она — наш путеводитель. Библи.. нет, Библия называется. Я там страничку даже пометила, о которой он говорил. Только там про Москву нет ничего. Я читала. Все читала, от начала до конца. Там нет ничего, Джек. Нас обманули. Мы люди, как они. Нас нет.

— Но мы же здесь! Ты и я! Мы же здесь.

— Но мы умерли, Джек... Я устала. Мне страшно. Я хочу домой... — Она вдруг схватила меня за руки и зашептала, горячо, тихо, страстно. — Джек, милый, родной, идем домой, а? Пожалуйста! Я боюсь этих мертвых, там, внизу. Идем домой, Муж мой... Пожалуйста... Он там, в океане... Там все, там тепло, там земля, Джек... Идем?

Я ударил ее. Несильно, по щеке, видя, какие становятся у нее глаза.

И она упала. Медленно, страшно, будто неживая. Вот как сидела, так и упала со стула, с противным звуком ударившись головой о пол. Захрипела, дергая пальцами рук, потом как-то дернулась и затихла.

— Ольга?

У меня даже сил нет подойти к ней. Я боялся ее, ее слов, ее лица, мертвенно-бледного, неживого.

— Оля? Ну скажи же что-нибудь, Ольга!

Она вдруг вздрогнула. Медленно поднялась, сначала на четвереньки, потом, опираясь на стол, встала в полный рост. Постояла так минуту, закрыв глаза. И пошла к дверям.

— Ольга!

И тут меня прорвало. Я выскочил вслед за ней палубу и закричал. Громко-громко, как всегда делал, если мне было страшно. Но мне было страшно вдвойне...

Ольга не реагировала. Лишь медленно шла к борту, туда, где была задвижка.

Открыла ее, с трудом нажав на кнопку.

Обернулась, посмотрела на меня.

Как-то неуверенно улыбнулась:

— Прости, Муж мой. Приходи к своей Жене, ладно?

И шагнула за борт...

Я еще несколько минут смотрел на открытую щель, потом почувствовал, как закружилась голова. И упал.

Ольга не соврала. В том путеводителе про Москву и Америку ничего написано не было. Там вообще ничего не было, кроме двух страничек, набранных мелким убористым шрифтом. Остальные страницы были выдраны с мясом, обнажая лохматые внутренности кожаной обложки.

Я сидел на носу крейсера Его Президентского Величества. Огромного корабля, со странным именем «Noah». Кто его так назвал — не знаю, и что оно обозначало — тоже. Раньше он назывался «Enterprise», почему-то...

Я сидел на его железном носу и смотрел на океан. Я тебя не боюсь, слышишь? И даже приду к тебе.

Вернее, к маме и Ольге. Помнишь, как там было? «И я, Джек, клянусь любить и беречь тебя, как завещал Отец Наш Небесный, как завещали отцы-основатели и наши предки. Клянусь быть с тобой в горе и радости, в болезни и здравии, до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа — аминь!» Значит, я должен быть с тобой. Потому что мне плохо без тебя, Ольга. И потому что я еще не рассказал тебе, что чувствую, когда обнимаю тебя, как мне горячо и приятно.

Может, там, внизу, гораздо лучше? И черт с ним, что нет Москвы и Америки. Но зачем-то все ушли в океан, верно? Зря я его боюсь. Он ведь ласковый и сильный. Маму мою принял, Ольгу тоже. Папу принял. Может, я зря его так боялся?

Достав фотографию мамы, я долго смотрел на нее. Потом бросил в воду. Зачем она мне, если я могу и так с мамой встретиться... Потом достал Библию, пожал плечами и швырнул следом за фотографией. Я все-таки прочел то, что было обведено на оставшихся листках красным карандашом. Хочешь, скажу тебе?

«...И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время ...И

раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем ... Истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю...»

Вот так.

Еще раз посмотрел на солнце. Потом встал на самый край носа, широко раскинул руки и прыгнул вниз, прямо в океан.

Тепло.

Только под водой нет воздуха. И легкие очень жжет...

В горе и радости...

Мама...

«... во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей...» (Быт. 7:11—24)

...и шел 6935-й день с тех пор, как разверзлись хляби небесные...

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ШОРОХ ПАЛОЙ ЛИСТВЫ

Тихо. Удивительно тихо в этом лесу. Только листья под ногами шуршат. Шшихх... Шшихх... Единственный звук здесь. Мне кажется, что он выдает мое присутствие, разносится на многие километры. Тихий шорох — на многие километры?!

Листва точно знает о моем присутствии. Она отзывается на каждый шаг, и бесполезно стараться ступать осторожней. Потому я иду напрямик, не выискивая тропинки. Да и есть ли здесь тропинки? Сплошной ковер палой листвы. Толстый, желто-багряный, мягко пружинящий под ногами, теплый... Наверное, теплый.

«Шшихх...», «шшихх...» — под ногами. В голову приходят строчки:

*Шорох палой листвы,
Тень прошедшего лета.
Годы жизни моей,
Промелькнувшие...*

Дальше не помню. Читала стихотворение давно, очень давно. Забыла. И ладно. Значит, буду просто идти и слушать листья.

Деревья окружили меня со всех сторон. Даже сквозь поредевшие кроны поляну больше не видно. Пожалуй, так и заблудиться недолго, ориентировать ведь никаких. Везде осенняя листва, куда ни посмотри. Ярко-желтая, лимонная, бронзовая, охряная, алая. Сентябрь.

Интересно, почему именно сентябрь? В сентябре листва на многих деревьях еще зеленая. И уж точно нет этого толстого желтого ковра под ногами... Хотя у Панчо могли быть свои резоны для такого названия. Может, ему чем-то нравился именно этот месяц? Или любимая женщина родилась в сентябре...

Я вот, например, родилась в январе. Упрямая, своенравная козерожка. Готовящаяся через неполных два месяца разменять восьмой десяток. Лидия Андреевна Сизоненко, доктор биологии, профессор, завкафедрой прикладной космобиологии Первого Национального университета, старший научный консультант Управления Космофлота. Пятижды бабушка, к весне, — тьфу-тьфу-тьфу, — Ксения прабабушкой сделает. Вон сколько регалий!

...А тогда я была всего лишь девчонкой, вчерашней студенткой. Врачом-космобиологом, идущим в свою первую разведэкспедицию. Лидка, — иначе

меня не называли на корабле. Ни Колотов, ни Круминь, ни даже бортмех Ленья Сарычев. Только капитан Тимовский звал Лидой. И планету он так же назвал, в мою честь... Крестница у меня его и отобрала.

Колотов подозревал, что у нас с капитаном были какие-то интимные отношения. Идиот! Я такого и придумать себя не могла. Даже мысленно называла Тимовского исключительно по имени-отчеству. Станислав Аркадьевич. Он ведь для меня был, как... как кумир, что ли? Обожаемый и недостижимый. Шутка сказать, — тридцать шестая экспедиция против моей первой. Человек, помнивший Хаггинса, Лебедева, Дюмона. Помнивший не так, как мы, — бронзовыми бюстами и статьями в энциклопедии, — а живыми людьми. Станислав Аркадьевич был самым лучшим, самым замечательным человеком из всех, кого я знала, — я это сразу поняла, едва пришла в экипаж. Сегодня, с высоты прожитых лет, могу судить: — Наивная девчоночья влюбленность. Тимовский был обыкновенным хорошим человеком. Не героем.

А как он ко мне относился? Не знаю. Не успела узнать.

Планета, названная моим именем, выглядела ничем не примечательной. Атмосфера из смеси углекислого газа и аммиака, раскаленные каменные пустыни с волдырями потухших вулканов. Очередная маленькая вешка на Великом Пути Человечества в Дальний Космос. Именно так в те годы и писали — все слова с большой буквы. Теперь уже позабылось. Неделя автоматического зондирования и первая высадка неутешительный диагноз планетки подтверждали. И вторая высадка обещала быть такой же рутинной. Мы намеревались обследовать один из вулканов. Вернее, глубокую расщелину на дне его кратера. Зонд зафиксировал несколько слабых вспышек в этом месте. Если вспышки — отблески магмы, kloкочущей под каменной пробкой, то, получается, вулканы не такие уж и потухшие? И можно «загалянуть» в недра планеты.

...Я ничего не помню о второй высадке. Локальная амнезия вследствие сильного психического шока. С другой стороны, — помню ее отлично. По рассказам Круминя, Колотова, уцелевшим записям. Помню не как участница — как зритель, много раз смотревший один и тот же фильм. И девчонка-Лидка, суетливая, бесполезная, путающаяся под ногами, не я. Часть того фильма.

На вторую высадку они шли четвером.

— Ах ты ж! Площадочка-то какая ровная. — Удовлетворенно присвистнул Колотов, первым вывалившись на базальтовое дно кратера. — Будто специально для нас приготовили. А я-то, было, решил, — Ван шлюпку водить, наконец, научился.

Он попрыгал. Затем еще и деланно притопнул ногой. Позвал остальных:

— Ну, выгружайтесь, выгружайтесь. Крепко. Робот не обманул.

Тимовский вылез вторым. Внимательно огляделся по сторонам. Задержал взгляд на дыре, зияющей неподалеку от места посадки.

— Вниз пойдем втроем. Сизоненко остается дежурить у космошлюпки. Лидочка только скривилась недовольно, — вот тебе и высадка! Зато Колотов не удержался.

— Зачем, Аркадьич? Боишься, что кто-то шлюпку уведет? Здесь на всей планете ни одной живой души, кроме нас. Пусть девушка походит. Для нее ж это в радость. Первая исследованная планета, как-никак.

— Сергей, а ты помнишь историю экспедиций на Радугу? Сколько человек погибло в ее мигрирующих статических электрополях, пока поняли, что происходит?

— Ну, шестнадцать. — Нахмурился Колотов. — К чему это сравнение? Здесь не Радуга, электростатики нет.

— А что здесь есть, мы не знаем. Поэтому шлюпка должна быть готова к немедленному старту. И никакой самодеятельности. Тебя это особенно касается, Сережа.

— Ну ты перестраховщик, Аркадьич. — Хмыкнул Колотов. — Как говаривали наши предки, — волков бояться, в лес не ходить. Профессия у нас, однако, такая — «в лес ходить». Героическая, можно сказать, профессия.

— И что же ты такого совершил — героического? — Тут же встряла Лидочка. Терпеть не могла, когда старпом позволял себе так иронично разговаривать с ее кумиром.

— Причем тут «совершил»? Герой — это состояние души. — И, заканчивая спор, повернулся к капитану. — Втроем, значит, втроем. Пускай врачиха на подстраховке остается.

Пещера была добротная, — глубокая и извилистая. Куда вела, одному местному черту известно. И неожиданно светлая, словно горели где-то на дне ее пока что невидимые прожектора. Так что капитан то и дело настороженно останавливался, как будто прислушиваясь к чему-то. А Колотов, наоборот, так и рвался вперед, к неизвестному. И прыгнув на очередной выступ скалы, не удержался. Взмахнул руками, упал, успев сгруппироваться, на колени.

— Черт!

— Осторожней!

— Серж, а ты не то, что шлюпкой, собственными ножками управлять разучился. — Тут же не преминул отплатить за недавнюю подколку Круминь.

— Остри, остри, остряк-самоучка. — Старпом провел пальцем по выступу скалы. — Здесь слизь какая-то появилась. Потому и скользко.

В самом деле, пятна бесцветной слизи поблескивали всюду на стенах пещеры. И чем глубже, тем больше их становилось.

— Что за ерунда? Может, органика? — Предположил Круминь. — Хотя, откуда ей здесь взяться?

— Разберемся. — Тимовский подошел ближе к одному из пятен. Осмотрел его, но притрагиваться не стал. — Иван, оставайся здесь, собери образцы. А мы с Сергеем спустимся к вон тому повороту.

Осторожно, стараясь не поскользнуться, они обогнули выступ скалы. И замерли. Даже Колотов не сумел подавить вздох изумления. Прямо под ногами открывалась бездна, заполненная... Невозможно было даже предположить, что это булькает, пенится, грузно ворочается, переливаясь всеми цветами радуги.

— А ведь это не магма... Похоже, действительно, органика какая-то. — Удивленно пробормотал. — Может, что-то стоящее нашли, а, кэп?

— Лишь бы не оно нас.

Старпом пожал плечами.

— Пробы надо взять, я «шмеля» вызываю.

«Шмель», — универсальный зонд-пробоотборник, — просвистел серебристой птицей над головами, завис над булькающим варевом и начал медленно снижаться. Колотов вцепился в пульт дистанционного управления.

— Точно, не магма! Температура не повышается, сто сорок, как и здесь. Упс... Откуда там туман взялся? Только же все чисто было.

«Шмель» исчез в клочьях белой ваты, в мгновение заполнивших колодец под ногами.

— Ничего, сейчас мы тебя... — Колотов замолчал на полуслове. А затем аж крикнул с досады. — Кэп, «шмель», кажется, упал.

— Зонд уронил? — Тимовский удивленно взглянул на покрывшийся серой рябью экран.

— Управление отказало. Ну, я задам сегодня бортмеху трепку!

— Думаешь, дело в аппаратуре?

— А в чем же?! «Шмели» сами собой не падают. Не мог же он расплавиться при такой температуре! Он ведь даже поверхности не коснулся.

Туман исчез так же внезапно, как появился, явив содержимое колодца во всей красе. И никаких следов зонда там не было.

— Вот черт, в первый же день «шмеля» утопили!

Колотов с досадой стукнул кулаком по скользкому валуну. Продолжая ругаться в полголоса, начал распаковывать ранец.

— Ты что делать собираешься?

— «Краба» пуцу, что еще остается?

— Трудно вести будет, — с сомнением заметил Тимовский. — Круто и скользко.

— У меня — получится.

И в самом деле, получилось. Маленький проворный робот, уверенно цепляясь лапками за почти невидимые трещинки, быстро полз по стене колодца. Замер, притаившись за самым нижним выступом, выдвинул длинный щуп.

— Есть контакт! — Колотов довольно взглянул на капитана. — Теперь, малыш, домой возвращайся.

Обратный путь был легче, робот уже знал дорогу. Карабкался, почти не делая остановок. Только когда до площадки, на которой сидели люди,

оставалось метров пять, неожиданно подобрал лапки и завалился на бок, едва не свалившись назад, в колодец.

— Что за?.. — Колотов изумленно уставился на отключившийся пульт управления. — Вот невезуха!

Он помолчал. Задумчиво глядел на неподвижно лежащий аппарат.

— Кэп, а верхние выступы широкие. Можно слазить, достать.

— Не вздумай. Скользко, не удержишься.

Старпом снял с пояса лазерный резак, отрегулировал мощность, аккуратно провел лучом по скале. Кивнул сам себе удовлетворенно.

— Начисто выгорает, как и следовало ожидать. Кэп, я ступеньки расчищу и достану.

Тимовский еще раз заглянул в колодец. И Колотов вслед за ним. Варевое все так же тихо клокотало, переливаясь всеми цветами радуги. Или не совсем так? Вроде сине-фиолетовых бликов стало больше.

— Не нужно ничего жечь, Сережа. Пошли лучше отсюда.

— А как же «краб»? Пробы? Так и уйдем, не выясняя, что это?

— Потом, потом. В другой раз.

— Да что случилось, Аркадьич? Толком объяснить можешь?

— Не нравятся мне эти совпадения. «Шмель», затем «краб». Поэтому и приказываю уходить.

И чтобы прекратить бесполезные пререкания, заспешил вверх по пещере. Не слушал бубнящий в наушниках голос старпома. «Вот так, только нашли что-то интересное, и на попятную. С таким отношением все приборы потеряем, а ничего не сделаем. Уж лучше сразу на Землю возвращаться, рапорт писать: «...испугались страшного монстра». Перед девчонкой и то стыдно».

Круминь ждал их там, где они его оставили. Он успел упаковать контейнеры с пробами и сразу же шагнул навстречу. Не давая времени на вопросы, капитан коротко махнул рукой вверх:

— Уходим.

— А Сергей где?

Тимовский оглянулся. Старпома за спиной не было.

— Сергей, что случилось? Колотов!

— Все в порядке, кэп! Я уже иду.

Голос в наушниках был веселый и торжествующий. Такой веселый, что у Круминя нехорошо екнуло внутри от предчувствия. У Тимовского лицо и вовсе сделалось белым, — даже сквозь щиток гермошлема видно.

— Иван, бегом вверх. Соберете с Лидой аппаратуру... Нет, — сразу в шапку и готовиться к взлету!

Сам рванул вниз.

Пока он добежал к площадке над колодцем, Колотов успел добраться до «краба». Увидев капитана наверху, торжествующе помахал зажатой в руке прибором.

— Пробы на месте, кэп!

А внизу, в сотне метров под ним, варево начинало преобразаться. Красно-оранжевые тона исчезли, субстанция наливалась зловещим синефиолетовым блеском, разрываемым лимонно-зелеными сполохами. И как будто затихла, притаилась.

— Сергей, быстро вверх! Брось зонд!

— Ну да, «брось». Не для того я за ним полез...

— Я приказываю — брось!

— Кэп, да он мне не мешает. Здесь же теперь не скользко, — и словно демонстрируя это, начал подниматься по стене колодца, уверенно и ловко перебирая руками.

Старпом успел преодолеть половину расстояния, как вдруг болтающийся на поясе робот начал расплываться, терять форму. К чести Колотова, он сориентировался молниеносно. Ударил по застёжке, дернулся, освобождаясь от пояса, и еще быстрее рванулся вверх. Уже молча, не пререкаясь. Робот же, на глазах превращаясь в вязкую голубоватую каплю, скользнула вниз, задевая выступы колодца. И на пути его камни странно проседали, будто плавились мгновенно. А навстречу ударила темно-фиолетовая, почти черная, струя.

Капитан не сразу понял, куда целит эта зловещая плеть. А когда понял, схватил за руку подтягивающегося на уступ Колотова, дернул, что было силы, отбросил в сторону. И сам упал, стараясь уклониться.

Струя рассыпалась, обвалилась разноцветным фейерверком назад, в колодец. Колотов вздохнул облегченно. Хотел сказать что-нибудь насмешливо-ироничное. Чтобы разрядить обстановку, а то лицо у кэпа все еще было бледным, будто приведение увидел. Не сказал...

От края колодца тянулась узенькая дорожка синеватых капель. И последняя была — на башмаке капитана. Несколько секунд оба смотрели заворожено, как капля превращается в размытое голубое пятно. Будто впитывается в сверхпрочный материал защитного костюма, как в промокательную бумагу.

— Кэп... Это... Что это за дрянь, а?

Тимовский поднял глаза на старпома. Скомандовал, сияясь подавить дрожь в голосе:

— Бегом вверх! Слышишь? Бегом! И не оглядываться!

Последние слова он кричал. То ли на Колотова, то ли на собственный ужас кричал.

Круминь и Лида наверху, в шлюпке, тоже услышали этот крик, удивленно переглянулись.

— Ван, что у них случилось?

Планетолог не знал. Но если приказывают бежать без оглядки, то требовать объяснений — не время. Он сделал то, что обязан был сделать при подобном раскладе: перевел двигатель в режим экстренного старта, откинул

колпак десантного отсека. Шлюпка теперь не столько стояла на дне кратера, сколько висела, поддерживаемая магнитной подушкой, готовая в любую секунду взмыть вверх.

Долго ждать не пришлось. Из проема пещеры вывалилась громадная фигура старпома. Колотов подбежал, у самой шлюпки споткнулся, упал. Даже не поднимаясь, на четвереньках, начал карабкаться внутрь.

— Сергей, где капитан?!

Не ответил, только головой замотал. Но его ответ и не требовался. Потому как в динамиках опять раздался крик Тимовского, странно сорванный, визгливый:

— Иван! Принимай командование! Все в шлюпку и немедленно — взлет! И уводи «Альфард» с орбиты. Слышишь?!

— Есть, капитан!

Круминь выпрыгнул из кабины, помог старпому забраться в десантный отсек. Он уже повернулся назад, чтобы вновь занять место пилота, когда уловил краем глаза промелькнувшую тень. Лидочка бежала к расщелине.

— Стой! Назад!

Он догнал ее в устье пещеры, изловчился в прыжке ухватить за ногу, потянул на себя, уронил на камни. И падая сам, успел увидеть метрах в пяти ниже распластанную на камнях человеческую фигуру. А еще через два десятка метров... пещеры не было. Вместо нее — накатывающая иссиня-черная стена. Стена двигалась быстро, но все же можно было успеть. Вот только лежащая фигура уже оплывала, растекалась по камню голубоватой лужицей.

Круминь схватил на руки вырывающуюся, что-то орущую девчонку, потащил назад, закинул в десантный отсек, запрыгнул в кабину. И сразу же бросил машину вверх.

Лидочка что-то продолжала орать. Иван никак не мог разобраться, что именно. Она, извиваясь, сопротивляясь ускорению, пыталась переползти в пилотскую кабину, хватала за локоть, за плечи, мешала. Колотов же, как упал в углу на пол, там и сидел, обхватив голову руками. Круминь не сдержался, крикнул на старпома:

— Да держи же ты ее!

Приказ заставил того очнуться, оттащить Лиду назад, пристегнуть к креслу. Лишь теперь в сознание Круминя прорвались Лидочкины рыдания:

— Пусти меня... Вы его бросили... Какие же вы герои?! Вы трусы... трусы...

Он старался не слушать, спешил, спиной чувствовал, как на месте «вулкана» вспухает что-то непонятное и страшное...

— Лидия Андреевна! — Голос Рибейры вырвал меня из воспоминаний. — В квадрате восемь — тридцать четыре отмечены изменения спектра леса. Возможно, начинается клинч.

Голос моего проводника мгновенно разрушил тишину осеннего леса. И листья под ногами настороженно замолчали. Конечно, это иллюзия.

Круглая нашлепка коммуникатора на виске даже вибраций не издает, не то, что звуков. Слова Рибейры формируются напрямую в слуховом анализаторе мозга. Так же мысленно я ему и ответила:

— Хорошо. Спасибо за информацию.

— Я буду сообщать о любых изменениях.

Еще бы! Именно для этого я тебя и наняла, дружок. Услуги проводника стоят недешево. И включают не только обеспечение коридора сквозь выставленные вокруг леса кордоны, но и постоянное спутниковое наблюдение за обстановкой. В первую очередь — наблюдение. Хотя, это для меня «в первую очередь». Для Рибейры, наверное, коридор важнее. Если «посетитель» не выйдет из клинча, проводник останется без половины оговоренной суммы. А вот если нарвется на патруль, то дело одними деньгами не ограничится. Как минимум, — высылка с конфискацией имущества.

Я постаралась выбросить Рибейру из головы. Вновь сосредоточиться на тишине, на шорохе листвы под ногами. На воспоминаниях.

...Вспомнить всех, кого знал,

Кого в сердце впустил...

Говорят, нам крупно повезло тогда. Колотов очухался, пока поднимались с поверхности, сумел экстренно увести «Альфард» от планеты. Иначе выброс запросто мог сбить корабль с низкой орбиты. Мы ведь ничего еще не знали о гнездах псевдоплазмодов, экспедиция Тимовского первой на них наткнулась... Собственно, и сегодня знаем не намного больше.

Говорят, я до конца полета была в какой-то прострации, в полуневменяемом состоянии. Лишь когда в локальное пространство Земли вернулись, начала в себя приходить. А до этого товарищи по экипажу меня в карантинном боксе держали. В целях безопасности — и моей, и своей. О, как я их ненавидела! Особенно Колотова. Ему я долго не могла простить гибель Станислава Аркадьевича.

Со временем боль притупилась, стала привычной. Чужие воспоминания подменили мои собственные. Но экспедиция — первая и последняя — многое изменила в моей жизни. Раз и навсегда поделила всех на героев и людей.

Из косморазведки меня списали по профнепригодности. Да я и сама бы ушла — не мое. Потом были наука, личная жизнь, семья, еще больше науки. Признание, почет, уважение. Любовь.

А потом был Сентябрь...

— Лидия Андреевна! — вновь ворвался в мой мозг Рибейра. — В квадрате восемь — тридцать четыре, восемь — тридцать три, семь — тридцать три отмечено сбрасывание листвы. Это точно клинч!

Кто бы сомневался! Массовый сброс листвы — первая фаза клинча. Факт общеизвестный.

«Шшихх...», «шшихх...» — шуршит под ногами. Тихо, все еще удивительно тихо вокруг. В этом лесу, никогда не видевшем ни птиц, ни зверей. Не знавшем ни одного живого существа. Пока не пришли мы, люди.

— Сбрасывание листвы в квадратах семь — тридцать два, семь — тридцать один, шесть — двадцать девять. Язык клинча движется в вашу сторону. Да, Рибейра прав. Квадрат шесть — двадцать девять это уже недалеко от поляны, где я оставила флаер. Причем иду я сейчас как раз навстречу клинчу.

«Шшихх...», «шшихх...»

— Сбрасывание листвы в квадратах с шесть — двадцать восемь по шесть — тридцать два. Первые протуберанцы в квадрате семь — тридцать два. Лидия Андреевна, становится опасно! Вам лучше уходить из того района.

Как же, уходить. Не для того я выбивала себе эту командировку, летела за сорок парсеков, а затем нарушала кучу запретов, чтобы просто по лесу погулять, листья ножками поворошить.

— Протуберанцы в квадрате шесть — тридцать один и шесть — тридцать!

В голосе Рибейры тревога. Неужели обо мне волнуется? Или о невыплаченной половине гонорара? Его-то персоне ничего не грозит, — в тайном бункере на минус третьем этаже Осеннего Города. А мне? По статистике, трое из десяти, побывавших в клинче, из лесу не возвращаются. Но статистика грешит громадными неточностями. «Посетители», не отловленные патрулями, в нее не попадают. А их ведь в разы больше, чем официальных исследователей.

«Шшихх...», «шшихх...»

*Все вперед и вперед
Выбираем мы путь.
День, который прожит,
Никогда не...*

А это мы посмотрим!

— Протуберанцы в квадрате шесть — двадцать девять!

Краем глаза замечаю движение. Оборачиваюсь. На дереве, стоящем в десяти шагах от меня — толстостволом, разлапистом, так похожем на обычный земной дуб, оторвался желтый листик. Медленно планируя, начал опускаться. Второй. Третий. Много, не сосчитать. И на соседнем бронзовая крона вдруг посыпалась вниз. Лес оживал. Теперь не нужно было идти, шевелить упругий ковер под ногами. Тихий шорох заполнял все вокруг. Ни дуновения, ни малейшего ветерка — и внезапный листопад, многоцветный калейдоскоп, в самом центре которого — я. Чтобы понять, как это прекрасно, нужно увидеть собственными глазами.

Мне довелось разговаривать с тремя людьми, побывавшими в клинче. И все они свое спасение объясняли одинаково: нужно бежать, едва листва начинает сыпаться. Не оглядываться, не задумываться, не ожидать ничего — бежать. И уже потом, в безопасности, разбираться, получил ты то, за чем шел в лес, или нет. Никто из тех трех подарков не получил... Если они были честны со мной.

«Шшши-и-ушши...» Наверное, и мне пора уходить? Наверное, все это — глупая авантюра?..

— Лида?

Я резко оборачиваюсь. Он стоит, прислонившись спиной к одному из деревьев, и багряно-алые листья сыплются на его плечи.

— Лида? Что с тобой?

Что со мной? А, конечно! Он удивлен моим видом, моим возрастом. Он ведь знает меня молоденькой девушкой, почти девчонкой. А сейчас перед ним пожилая женщина. Подумать только, я на четверть века старше него!

— Станислав Аркадьевич...

Не успеваю договорить, Рибейра перебивает меня:

— Клинч в квадрате пять — двадцать восемь! Это ваш квадрат, Лидия Андреевна!

Да, это мой квадрат. Это мой клинч.

— Спасибо, Рибейра. Не волнуйтесь, вторую половину гонорара я уже перечислила на ваш счет.

— Причем здесь деньги?! Это же клинч! Бегите оттуда немедленно!

Он в самом деле беспокоится обо мне? Странно...

Тимовский смотрит по сторонам. Он выглядит именно таким, каким я его помню. В мягком серо-синем костюме повседневной формы космолота, с капитанскими шевронами на рукавах. Виски чуть тронуты седной, сеточка морщин в уголках рта и вокруг глаз. Ему есть на что посмотреть. Листья больше не сыплются вниз. Они кружат вокруг нас в дивном танце. Разноцветная волшебная метель в абсолютно неподвижном воздухе. И навстречу метели толстый ковер слежавшейся листвы начинает выбрасывать желто-багряные протуберанцы. «Шшши-и-ушши-у!»

Тимовский должен спросить, что происходит. Я хочу, чтобы он спросил, чтобы он не молчал! Хотя все равно не смогу ответить. Я не знаю. Никто не знает.

Один из записных острюгов мас-медиа назвал наше время «эпохой фактологии». Больше века прошло, как люди всерьез взялись за исследование других звездных систем. И начали встречать одну загадку за другой. Физика, химия, биология оказались не готовыми к этим находкам. Мы, ученые, превратились в классификаторов, сборщиков фактов. Не способных не то, что объяснить их, но даже выдвинуть мало-мальски вразумительные гипотезы. Мы вновь ощутили себя детьми, школярами, средневековыми неучами. Мы расписались в собственном бессилии на глазах у всего человечества. Уступили место адептам мракобесия.

Разумеется, кризис естественных наук когда-нибудь закончится. Наши потомки построят новые теории, откроют новые закономерности. Наука вновь оттеснит метафизику и эзотерику. Но мне выпало жить в век фактологии. Радуга и Сирена, Горгона и Лида, феномен Йоны Есихидо и «дети

Дзедо», «блуждающие анемоны» и гиперколодцы, призрачный «оракул» и «метки Предтеч»... Сентябрь.

Планету открыла экспедиция Григория Панченко двадцать семь лет назад. (Панчо, как его называют друзья. Надеюсь, я все еще в их числе.) И это был поистине лакомый кусочек. Во всяком случае, так всем показалось вначале. Светило класса «G», мягкий климат, отсутствие тектонической активности, достаточное количество пресной воды, азотно-кислородная атмосфера, близкая к земной. И при всем том — почти полное отсутствие органической жизни. Причем «почти» — вовсе не подразумевает некие микроорганизмы. Как раз их тоже не было — стерильные атмосфера, вода, грунт. Идеальные условия для колонизации. Ни терраформирование не требуется, ни иммунизация. Строй якорную гиперстанцию, перебрасывай людей, технику, и живи!

Единственная колдобинка на этом торном пути — Лес. Трехсоткилометровая полоса, обручем стягивающая планету точно по экватору. Полоса, не прерываемая ни одним горным хребтом, ни одним водоемом. Вроде бы живая, хотя животными в общепринятом значении дерева этого леса не являлись. И уж точно они не были растениями!

Лес, так похожий на свои земные копии. Лес, погруженный в вечную осень. Всегда желто-багряный, медленно теряющий листву. Не знающий ни дождя, ни ветра. Безмолвный, неподвижный, неизменный. Лишь изредка по нему пробегали судороги клинчей. Без всякой внешней причины листва вдруг начинала осыпаться, и тут же вздыбливался навстречу ей толстый многолетний ковер. Золотисто-бронзовый вихрь поднимался на многие сотни метров. И так же внезапно опадал. Листья вновь сыпались вниз, на деревья. Прикреплялись к их ветвям.

Едва обнаружив Лес, люди тут же бросились на штурм его тайны. Как положено, как всегда, героев хватает во все времена. И, как положено, заплатили за это жизнями. Отступили, перегруппировались. Вместо штурма повели планомерную осаду. Гибнуть стали реже, но разгадка тайны от этого не приблизилась. Люди получили только факты.

На любую попытку вторжения Лес отвечает клинчами. Киберы в них исчезают бесследно. Прерывается связь — и все. Но к живым он более снисходителен. Живых он предупреждает, старается выгнать. А иногда дарит подарки. Лес может овеществлять фантазии, исполнять желания. Любые. Или не любые? Кто знает.

Научно-обоснованной гипотезы этого феномена нет до сих пор. Зато ненаучных — хоть отбавляй! Самая популярная: Сентябрь — это спящий гигант, Лес — его мозг, а клинчи — сны. Когда мы вторгаемся в них, гигант узнает о наших фантазиях и желаниях. И овеществляя, он просто делает их частью своего сна. А затем сон уходит, рассыпаясь осенней листвой. И те, кто стал им, тоже исчезают, — если не успеют ударить и унести свой подарок.

Пока что ни один из подарков ничего глобально-плохого человечеству не принес. Но береженого бог бережет. Потому служба безопасности космофлота и выставила вдоль опушек Леса кордоны, потому день и ночь барражируют над ним боевые гравиплатформы. Но жаждущих чуда ничто не остановит. Ни огромные штрафы, ни судебные иски. Ни пугающая статистика «посещений». В Осеннем Городе, столице Сентября, даже профессия такая появилась — проводник. Нелегальная, но весьма доходная. Вот и я воспользовалась услугами одного из них. Потому что тоже возжелала чуда. И мое чудо теперь стоит передо мной. И я не знаю, что мне с ним делать.

— Лида, почему ты плачешь?

Я удивлена вопросом Тимовского. Я плачу? Осторожно касаюсь пальцем щеки. Влажно. Значит, правда, плачу.

Рибейра прав, нам следует поторопиться. Бежать не оглядываясь! Вторая фаза клинча в самом разгаре. А третью еще никто не переживал, насколько мне известно. Но не могу же я скомандовать Станиславу Аркадьевичу: «Беги! Беги, не оглядываясь!»

Я подхожу, беру его за руку. Рука теплая и крепкая. Сильная мужская рука. Такая, как я помню. Нет, как я нафантазировала.

Я тяну его за собой. Тимовский не противится. Он больше не смотрит по сторонам, не смотрит под ноги — только на меня. Он позволяет вести себя. И при каждом шаге ковер палой листвы взрывается бронзово-золотистыми протуберанцами. Нужно быстрее, быстрее! Мы уже не идем — бежим. Бежим сквозь теряющую прозрачность многоцветную пургу...

Флайер ждал нас там, где я его и оставила, — посреди маленькой, идеально круглой поляны. Будто специально подготовленной Сентябрем для таких, как я, «посетителей». Я подскочила, ткнула пальцами в сенсор-замок, толкнула вверх колпак над пилотской кабиной. Оглянулась.

Леса, окружающего поляну, желто-багряного осеннего леса, не было. Как исчез и толстый, упругий ковер из-под ног. Вокруг нас беспено вращалась бронзово-бурая воронка урагана. Клинч вступал в свою завершающую фазу. Я первая наблюдала ее изнутри. Или не первая? Но те, кто видел это до меня, уже не расскажут.

— Лидия Андреевна! Лидия! — Тоненько вопит в голове голос из комм. — Немедленно уходите оттуда! Немедленно! У вас осталось...

Голосок всхлипнул и оборвался, — клинч экранировал электромагнитное излучение. Но я сама знала, о чем хотел предупредить Рибейра, — до схлопывания воронки оставалось минут пять — десять от силы. Флайер следовало поднимать в воздух незамедлительно.

Стены воронки вытягивались, поднимались все выше и выше. Ураган не оставлял времени на размышление, торопил, гнал нас. А мы стояли и смотрели друг на друга.

Наверное, Станислав Аркадьевич хотел спросить меня о чем-то? О, ему было о чем спрашивать. Десятки, а то и сотни вопросов должны были возникнуть у него, пока мы бежали через Сентябрьский Лес...

Он задал один, короткий:

— Зачем?

Зачем я его вернула? Зачем Сентябрь дарит нам такие подарки? Зачем мы, люди, пришли сюда? Зачем мы отправились подчинять Вселенную, не умея решать собственные, земные проблемы?

Я не знаю. Мне нечего ответить на короткий, простой вопрос. У меня нет никаких ответов. Эпоха фактологии.

АЛЕКС ПО

ШИЗОФРЕНИЯ

Пустой стальной ящик — крошечная комнатка, размером полтора метра на полтора. Как раз ровно столько, чтобы лечь по диагонали. Ни кровати, ни туалета, ничего — для этого просто нет места. Тусклое освещение. Тюрьма. Он в тюрьме.

Он прислушался и ничего не услышал. Он затаил дыхание и замер. Стояла мертвая тишина. Абсолютная, невозможная, ужасающая тишина. Он не услышал ни единого звука, лишь удары сердца. Но, может быть, это только у него в ушах. Он вздохнул и снова сел на холодный пол.

Некоторое время он сидел и думал, почему все получилось именно так? Почему он здесь?

За что сажают людей в тюрьмы?

За убийство — вспомнил он. Он никого не убивал.

За насилие. Он никого не насиловал.

За ложь. Он не помнил, сажают ли в тюрьму за ложь, но помнил, что никому не лгал...

Он в ужасе огляделся и замолотил кулаками в стену.

Неожиданно на одной из стен появилась светлая надпись.

«В чем дело?»

— Хм, — он покосился на стену, внезапно успокоившись. — Вы... вы бросили меня в камеру, даже не объяснив, в чем моя вина. Я требую свидания с адвокатом.

Надпись исчезла, появилась новая:

«Адвокат, вы сказали?»

— Вот именно!

Надпись погасла и некоторое время не загоралась. Потом, наконец, загорелось:

«Вас допросят позже».

— А адвокат?

Ответ остался тем же.

Он яростно заколотил в стену снова.

«В чем дело?» — снова зажглось на стене.

— Сколько вы собираетесь меня здесь держать?! — закричал он.

«Пока не освободится мистер Боил, — загорелись буквы. — Сидите спокойно», — и текст погас.

Он сжал зубы и уставился в пол. Пока не освободится мистер Боил... Кто такой этот мистер Боил? Палач? Экзекутор?

Воображение рисовало картины, как сейчас мистер Боил под пытками вырывает признание у очередной несчастной жертвы, такой же, как и он, даже не представляющей, какое признание хочет палач.

Он прислушался, ожидая уловить заглушенные крики, но ничего не услышал. «Хорошая изоляция, — подумал он. — Это значит, что и его никто не услышит, как бы он ни кричал».

Он должен помнить, что же с ним произошло, должен иметь хотя бы смутное представление о том, почему он находится здесь. Должен предполагать, догадываться.

«Ну, — сказал он себе, подкладывая руки под голову, — есть время пораскинуть мозгами как следует, пока этим не занялся мистер Боил».

Он подложил под голову обе руки, было так жестко, и стал вспоминать. И тут к своему ужасу понял, что не может вспомнить ничего.

Он лежал так несколько часов, должно быть, все это время пытаюсь вспомнить, напрягая и напрягая мозг, но ясно помнил только одно: он ничего не совершал.

Он вздрогнул, когда на стене неожиданно зажглось:

«Допрос начинается», а потом: «Отвечайте на вопросы».

— Не пойдет! — заявил он.

«Почему?» — загорелось на стене.

— Я буду разговаривать только после предоставления мне адвоката.

«Вам адвокат не положен, — появилась надпись, — рекомендую отвечать».

— Я буду говорить только с адвокатом, — заявил он.

Буквы потухли, и через несколько секунд загорелось:

«Адвокат вас слушает».

Он усмехнулся.

— Так я и поверил! Не на того напали! Я буду разговаривать с адвокатом только лично.

«Это представляет некоторые сложности».

— Вот и решите свои сложности, — заявил он.

Надпись погасла. Он подождал, но она больше не загоралась.

Он вздохнул, со стоном перевалился на другой бок и продолжил размышление. Совершенно ни за что... Это ошибка! Возможно, он просто похож на кого-то, возможно, кто-то оклеветал его, возможно... Все возможно!

Он размышлял, пока не утомил себя окончательно, но так ни к чему не пришел.

Он, вероятно, заснул, а когда открыл глаза, перед ним на стульях сидели двое.

Он резко приподнялся и вжался в стену. Мужчины сидели в узком проходе и разглядывали его, как... как... Ему показалось, они разглядывают

его с любопытством, точно дети в зоопарке. Да, точно в зоопарке! Он в отместку пристально изучал их. Люди как люди, ничего особенного, лет сорока. Костюмы... Он где-то слышал, что лучшая защита — нападение. Обхватив колени руками, чтобы унять дрожь, он сделал первый шаг:

— Я не буду говорить, пока не будут выполнены два условия!

— Какие? — спросил один. В его голосе просквозило явное любопытство.

— Я должен знать, за что я арестован.

Они переглянулись.

— А второе? — с интересом спросил другой.

— Я уже говорил — адвокат. — Он подумал и добавил: — И не говорите мне, что адвокат один из вас.

Они переглянулись снова.

— Я же говорил: он требует адвоката, — сказал первый второму.

— Но это невозможно, — заявил тот. — Откуда он знает про адвоката?

Он устало вздохнул.

— Я отказываюсь говорить, пока мои условия не будут выполнены.

Краем глаза он видел, как первый мужчина наклонился ко второму и что-то прошептал.

— Попробуем, — кивнул второй.

— Как вас зовут? — спросил первый.

Он молчал.

— Должны же мы как-то обращаться к вам, — сказал первый, — не упрямитесь, скажите хотя бы, кто вы.

— Вы даже не знаете, кто я, и, тем не менее, держите меня здесь?! — воскликнул он.

— Мы знаем, кто вы.

— В таком случае...

— Мы не знаем, как к вам следует обращаться.

— Меня зовут... меня зовут...

Неожиданно он испугался. Он понял, что не может вспомнить свое имя. Он напрягся, и внезапно слово замаячило где-то на том берегу, неясное, как в тумане. Он по слогам прочитал спасительные буквы. Получилось: «Джон До». Он ухватился за это.

— Меня зовут... До, — произнес он осторожно, опасаясь их реакции. — Джон До...

Но отрицательной реакции не последовало.

— Значит, мистер До, я полагаю?

Они посмотрели друг на друга и внезапно совершенно неожиданно рассмеялись.

— Меня зовут Кромптон, — представился первый, — а этот мистер Боил.

Джон кивнул.

— Теперь по поводу вашего первого вопроса, за что вы помещены сюда... — Боил замолчал. — Вопрос о вашей виновности или невиновности будет решен в ходе допроса. Пока неизвестно: виновны вы или нет. Это решится после. Это понятно?

Джон покачал головой.

— Не пытайтесь меня запутать. Я имею право знать, в чем меня подозревают, до допроса.

— Не-е-е-т! — умоляюще протянул Кромптон. — Тогда все наши расспросы будут бессмысленны. Поверьте на слово, вам действительно выгоднее не знать!

— Вернее, вам выгодней! — отрезал Джон. — Все! Хватит! Без адвоката я не пророню больше ни слова!

— Да вы хоть представляете себе, что с вами будет, если вы не... — начал Боил, но Кромптон коснулся его руки.

Наступила пауза. Долгая пауза. Она тянулась и тянулась. Люди сидели и смотрели на него. Он смотрел на стену перед собой.

Чего он добьется, если они сейчас уйдут? Ничего! Он полностью в их власти. Он делает только хуже себе. Не стоит превращать во врагов людей, во власти которых ты находишься. Но из чувства собственного достоинства, он все же тянул время. Он мог отомстить им только так. Когда они стали уходить, он решился.

— Хорошо, я готов, — сказал он наконец. — Спрашивайте.

— Как вы себя чувствуете?

Он был готов к любому вопросу, кроме этого.

— Не знаю...

— Постарайтесь поточнее.

— Я же говорю, что не знаю, вроде бы неплохо...

Подавшись вперед, Кромптон спросил:

— Вы помните, как вас арестовали?

Он не помнил. Конечно, он мог бы солгать, потом что-то придумать, повести их по ложному пути, выиграть время... Но внезапно он ощутил, что все это было так мелко. Даже его жизнь была такой мелочью. Даже их жизнь была пустяком по сравнению с тем, что он должен был им сказать... Но что? Может быть, именно это и было их целью? И они помогут ему все вспомнить?

Он решил отвечать честно, и он ответил честно.

— Н-н-нет... я помню только, что очнулся уже здесь.

— Расскажите нам о себе, о своем прошлом. Что вы помните?

— Рассказать вам о своем детстве?

— И о детстве тоже.

— С какого возраста?

Этот вопрос заставил их задуматься и переглянуться. Похоже, он вообще поставил их в тупик.

Кромптон произнес:

— Мистер До, я буду откровенен. Вы здесь потому, что... Потому что проявили небывалую сообразительность, нехарактерную для... для вас. И продолжаете проявлять ее и дальше.

— Да что вы несете? Я проявляю чрезмерную сообразительность, сообразив, что имею право на адвоката? Это вы хотите сказать?

— И это в том числе.

— Ну, знаете... — выдавил Джон.

— Мистер До, как вы думаете, кто вы такой?

— Меня зовут Джон До, — сказал он. — Я живу на... на... — слово снова пришло как из дымки, — на Мэйн-стрит.

— В каком городе?

— Естественно, в этом.

— Как он называется?

— Идите к черту! — разозлился Джон. Этот простой вопрос, как ни странно, застал его врасплох, и ответом стала злость. «Это так по-человечески, — подумал он. — Если вы будете придираться к каждому моему ответу, то...»

— Не буду, — кротко вставил Кромптон. — Какова ваша специальность? Если вы знаете, что такое специальность, — добавил он быстро.

— Конечно, знаю. Я... я...

Снова молитва, снова мольба о помощи. И помощь пришла.

— Я... я программист.

— Вы одиноки?

— Нет, у меня есть любимая...

— О, господи! У него еще и любимая! — вскричал Боил.

— Продолжайте, — сказал Кромптон.

— Это все. Вы спросили, кто я.

— Вы меня не так поняли. Я спросил: как вы думаете, кто вы такой?

— Да я же только что сказал вам это! — рассердился Джон. — Меня зовут Джон До, я про-грам-мист, у ме-ня есть лю-би-ма-я и дво-е де-тей...

— О, господи! У него еще и дети! — воскликнул Боил.

— Как их зовут? — неожиданно резко спросил Кромптон.

— Их зовут... — начал Джон, он напрягся, зажмурился, но слово не приходило. — Я... я не помню сейчас почему-то, как их зовут, но... но этого же мало, чтобы посадить меня, не так ли?

— Все же, мистер До, кто вы такой, как вы думаете?

— Идите к дьяволу, я уже сказал вам это.

— Вы думаете, вы человек?

— Что? — переспросил Джон, и почувствовал, как его лоб покрывается капельками пота. — Что вы сказали?!

Кромптон наклонился и протянул ему ручку и бумагу.

— Будьте добры, напишите здесь свое имя.

— Зачем?

— Я хочу знать, умеете ли вы писать.

— Конечно, умею, черт возьми.

— В таком случае, напишите.

Джон взял и написал, потом протянул бумагу и ручку обратно. Кромптон взял их и вместе с Боилом с удивлением уставился на то, что там было написано.

— Правильно? — сострил Джон.

Ему не ответили.

— Хотите, еще я посчитаю от одного до десяти?

Кромптон откинулся на спинку стула и посмотрел на Боила.

— Вы что-нибудь понимаете?

— Ничего. Как это возможно?

Они в который раз растерянно смотрели друг на друга. Пауза оказалась длинной.

— Хорошо, мистер До, — сказал Кромптон, — мы дадим вам возможность связаться с адвокатом.

— Что вы говорите? — растерялся Боил.

— Идемте, — Кромптон поднялся и взял свой стул. — Он хочет адвоката, он его получит.

— Это идиотизм...

— Идемте!

Они встали и, забрав с собой стулья, вышли. Дверь закрылась. Он снова был один.

— Будете знать! — злобно проговорил он им вслед.

Этот раунд он выиграл. Пусть знают, что он тоже может постоять за себя.

Кромптон и Боил вернулись через несколько минут со своими стульями. Они вошли и сели.

Что если броситься на них и попытаться вырваться? — подумал Джон. — Но наверняка за дверью есть еще охранник, и даже не один. Нет, пожалуй, этим он сделает только хуже себе.

— Мы принесли вам вашего адвоката, — сказал Кромптон уверенно.

— Да? И где же он? — удивился Джон.

— Вот ваш адвокат! — Кромптон бросил Джону маленький зеленый резиновый мячик.

Джон поймал его. Он был слишком изумлен, чтобы взбеситься.

— Вы издеваетесь?

— Это не адвокат? — Кромптон состроил глупую физиономию. — Значит, я ошибся. А как, по-вашему, он должен выглядеть?

Джон попытался собраться с мыслями. Что за игру с ним затевают? Следовало быть крайне осторожным.

— Адвокат — юрист, че-ло-век, — произнес он медленно. — И перестаньте...

— Ах, че-ло-век, ну конечно, — перебил его Кромптон. — Простите,

я, видимо, перепутал карманы, — он вытащил из другого кармана пиджака пластмассовую куклолку и снова бросил ее Джону.

— Вот вам ваш адвокат!

Джон поймал ее на автомате.

— Вот Вам Ваш Адвокат! — медленно, как во сне повторил Кромптон.

Джон сжал куклу со всех сил.

— Ма-ма, — пискнула кукла.

— Да за кого вы меня принимаете? — взорвался он. — Что это за сумасшедший спектакль?! Я требую нормального адвоката! — И он бросил мяч и куклу людям.

Те с изумлением посмотрели друг на друга.

— Как вы собираетесь связаться с адвокатом? — спросил Кромптон.

— По телефону можно? — с издевкой ответил Джон.

— Хорошо, — кивнул Кромптон. — Сейчас я дам вам телефон.

Он полез во внутренний карман пиджака и вытащил сложенный в несколько раз материал, похожий на клеенку, расправил его, поднес ко рту и стал надувать.

Джон не отреагировал, он с изумлением смотрел на новый номер. Кромптон надул зеленый резиновый телефон, заткнул вентиль и бросил Джону.

— Звоните!

Джон поймал игрушку и уставился на людей.

— Вы считаете меня идиотом?

— Напротив, мы даже даем вам возможность позвонить адвокату. Что же вы не звоните?

— С надувного телефона?

— А какой вы хотите?

— Перестаньте меня дурачить! — закричал Джон. — Какой я хочу? Настоящий!

— Хорошо, вот этот пойдет? — Боил протянул Джону черный пластмассовый ящичек.

— Это радио! — взорвался Джон. — Хватит идиотничать! А-а-а-а... я понял, вы принимаете меня за идиота, или... или просто хотите свести с ума. — Он швырнул надувную игрушку обратно.

— Перестаньте-издеваться-надо-мною! — сказал он отчетливо. — Я ничего не совершил.

— Мы знаем, — многозначительно сказал Боил.

— Тогда почему я под замком? По крайней мере, свяжите меня с адвокатом без всех этих идиотских шуток.

— Вам уже сказали, что это невозможно.

— Но почему?

— Вам он не будет помогать, — произнес со вздохом Кромптон. — Я уже это вам говорил, помните? Не хотите говорить с нами сейчас, будете

сидеть здесь, пока не захотите. Чем раньше вы начнете отвечать, тем быстрее мы решим, что с вами делать.

Джон молчал. Они поднялись.

— Подождите! — отчаянно взмолился он. — За что вы меня здесь держите? Только объясните! Я ничего не сделал. Если вы думаете, что я совершил преступление, то скажите хотя бы какое!

Боил обернулся и покачал головой.

— Вы не совершали преступления.

— Ну хорошо, я не совершал преступления, я ничего не понимаю, но выпустите меня!

— Мы не можем сделать этого.

— Не можете? Почему?!

— Потому что вы ненормальный.

Джон отпрянул и больно ударился о стену камеры. Какой-то миг, как затравленный зверь, он дико озирался вокруг себя, затем повернулся к Кромптону. Глаза его блестели, как у безумца.

— Это вы хотите свести меня с ума! — вскричал он. — Вы подсунули мне мяч, куклу, надувной телефон... Вы проверяли меня как умалишенного! Но я же доказал, что я не...

— Вы доказали как раз обратное!

— Как? Это разве был не...

И тут снизошло!

Ужасная мысль опустилась на него лавиной. Мысль, что все было гораздо хуже. Хуже. И наоборот! Кромптон, как в кошмарном сне, с ухмылкой надувающий зеленый телефон... Боил, предлагающий позвонить ему по радиоприемнику...

Это были в самом деле нормальные вещи...

Нормальные...

— Это был надувной телефон! — прокричал он испуганно, пытаясь убедить в этом самого себя. — Надувной!

— Надувной, — сказал Кромптон. — Именно. И вы сумели распознать это. Вы раскусили нас! Будь вы в норме, вы бы приняли все за чистую монету. Да что я говорю! Вы бы и двух слов не произнесли!

Они стали выходить. Джон кинулся за ними к двери, но она превратилась в стену прямо перед его лицом. Он накинудся на нее с кулаками.

— Это не сумасшедший дом! — закричал он, больно молотя руками. — Что это?

Все было бесполезно. Он ничего не добился. Они все равно сильнее его. Рано или поздно он сломается. Его будут мучить голодом, не давать спать. Включать сутками оглушительную музыку или детский плач. Может быть, на крайний случай у них есть и более действенные средства для самых стойких. Электричество, например. Так вот почему его камера полностью металлическая!

Но чего они хотят? Чего добиваются? Только чтобы он признался? Но в чем? Как он может признаться в том, чего не совершал, о чем не имеет понятия? К чему все эти глупые проверки?

— Бред! — сказал он вслух. — Это все какой-то бред. И я ни черта не понимаю. — Разве что кто-то хочет, чтобы я сошел с ума, а потом обвинить меня в том, чего я не совершал. Но это маловероятно, чересчур сложно, глупо... Бред! Бред!!!

Он облизал пересохшие губы.

Неожиданно он улыбнулся. Он вспомнил их лица. Это были настоящие эмоции, настоящие, такие не подделаешь. Они... да ведь они не понимали ничего, так же, как и он сам!

Эта мысль сперва придала ему силы, и он даже улыбнулся снова. Но постепенно улыбка сползла. Если в этой ситуации никто ничего не понимал... Улыбаться повода не было.

Когда через несколько часов Кромптон с Боилом вернулись, он все так же лежал на полу и даже не повернул головы.

— Нам надо еще немного поговорить.

— О моей личной жизни, — сострил Джон.

Кромптон слабо улыбнулся.

— Именно. Это очень важно.

Он вздохнул, приподнялся, прислонившись к стене.

— Сосредоточьтесь на прошлом. Что вы помните? — спросил Боил.

— Отвяжитесь!

— Постарайтесь вспомнить, пожалуйста, — попросил Кромптон.

Вежливость прозвучала странно. От нее повеяло адской обреченностью. Безнадежностью. Роком.

— Все, что я знаю, я уже сказал вам. А что я должен еще помнить?

— Думаю, вы лжете.

Он приподнял голову.

— Сделайте одолжение — уйдите.

— Поверьте, это крайне важно.

— Уйдите!

— Что вы чувствуете, когда вспоминаете прошлое?

Он промолчал.

— Каков ваш вес?

Он не ответил.

— Что такое адвокат?

— Как он действует?

— Как звали ваших родителей?

— Какого цвета ветер?

— Сколько пальцев у вас на руках?

— Какого роста ваша жена?

— Сколько лет вашим детям?

— Где вы работаете?

— Как развлекались в последний раз?

Они устроили ему перекрестный допрос. Вопросы сыпались за вопросами. Они задавали их устно, потом вопросы стали загораться на стене, но он молчал. Он пытался отвечать на них самому себе, про себя, но не мог — он не знал ответов.

— Для чего...

— С каких пор...

— Как, по-вашему...

— Когда...

— Зачем...

— Сколько...

Он сжал голову и устало сполз на пол.

— О, Иисус! — выкрикнул он.

— Это еще кто??? — испугался Боил.

— Опять прикидываетесь?! Это бог!

— Какой бог???

Если бог услышит его, он поможет ему вынести эти сумасшедшие идиотские вопросы...

В конце концов, он перестал реагировать на них. Теперь он просто лежал на спине, остекленевшим взглядом уставившись в потолок.

— Мы ничего не добьемся, — сказал Боил устало. — Все было зря. Пора кончать с этим маскарадом.

— Хорошо, — кивнул Кромптон. — Мистер До, мы хотим показать вам ваше лицо. Вы знаете, что такое зеркало? Полагаю, знаете, раз вы знали даже о радиотелефоне. Однако предупреждаю, что то, что вы увидите, может сломать вашу психику.

Сверху показалось зеркало. Оно медленно опускалось напротив. Он закрыл глаза. Зеркало опустилось и зависло перед ним.

— Откройте глаза, — сказал Кромптон. — Откройте!

Он открыл, и крик так и не вырвался из его груди. Он стоял, ничего не понимая, не в силах поверить, не в силах мыслить, не в силах отвечать, а Кромптон, не дав ему опомниться, быстро говорил.

— Вы не существуете. Вы лишь придумали для себя личность. У людей это называется шизофрения. Однако при шизофрении человек никогда полностью не забывает свою прошлую жизнь, он обязательно помнит кое-что из своего действительного прошлого. Вам же вспомнить просто нечего — вы не существовали в прошлом, поэтому вы целиком считаете себя человеком. Но на самом деле вы... придуманный человек. Мы не понимаем, каким образом у вас могли появиться речь, мышление, представления о человеческой жизни и культуре. Нужно иметь много времени и высокий интеллект, чтобы изучить нашу жизнь, обычаи, законы. Провести глубокий анализ, чтобы узнать, в конце концов, то, что вы откуда-то уже знаете. Это

невозможно, и я ни за что не поверил бы, что это произошло, если бы не видел своими глазами. Мы понимаем, что вы чувствуете себя человеком, и в то же время не представляем, как это могло получиться... Вы... вы настоящее чудо! — Кромптон замолчал, а потом добавил: — Представляю, каково вам сейчас... про... простите.

Он дотронулся до своего лица и ощутил обычную теплую кожу.

Он дотронулся до морщинок на лбу, до своих бровей, запустил руки в густые волосы...

Он чувствовал, как бьется в груди его сердце.

Но все это было иллюзией. В зеркале он видел лишь металлический цилиндр на тонкой стальной шее, который оцупывали два механических захвата...

И, тем не менее, здесь, в реальном мире, он видел на своих руках и пальцы, и вены, и волосы.

Здесь он был человеком! Че-ло-ве-ком!

Но в зеркале...

— Мы есть то, что мы думаем о самих себе, — произнес Кромптон. — Мир есть всего лишь то, что мы думаем о нем. В это трудно поверить, но это так.

Наконец он оторвался от зеркала.

— Я... хочу... умереть, — прошептал он.

Кромптон посмотрел на Боила и вздохнул.

— Этого я и боялся, — сказал он, — нам жаль терять вас. Вы уникальный... больной, такой случай едва ли повторится. В вашей болезни проявились тайны создания разумной жизни, а это самый большой секрет Вселенной. У вас из ниоткуда появилось сознание и интеллект. Мы понимаем, что вы по существу человек. И значит, вы, конечно, имеете право на смерть. Это будет быстро, я просто закорочу питание.

Он — человек! Нет, он только возомнил себя человеком. У него нет дома. У него никогда не было любимой. Никогда не было детей и работы. И у него никогда их не будет! Было так больно проститься со всем этим. Сейчас... Все это было бредом, лживой памятью, прекрасной галлюцинацией, болезнью безумного сознания. Сознания, которого не могло быть у него. Если он останется в живых, в конце концов, он сойдет с ума и ничего не сможет. Превратится снова в грудку старого металла, из которой возник благодаря... чуду?..

Он понял это и потому дал согласие. Так было нужно.

— Я готов, — прошептал он.

Кромптон подошел к нему.

— Хорошо. Хорошо! Мы берем на себя колоссальную ответственность. Мы обязаны передать вас на растерзание ученым, которые разобрали бы вас по винтикам, поддерживая в вас жизнь и издеваясь над каждой клеточкой вашего тела. Но мы исполним ваше желание, и никто ничего

не узнает. Только мы вдвоем, — Кромптон посмотрел на Боила и печально улыбнулся, — будем мучиться загадкой всю оставшуюся жизнь. А сейчас... да, сейчас... возможно, наука и важней всего, но не важней человека. Я знаю, потом мы всю жизнь будем жалеть об этом, но мы... сделаем это. Сделаем во имя уважения к человеку и во имя презрения к человечеству. — Кромптон поднял руку и резко замкнул переключатель.

Он смотрел на людей. Молния невыносимо больно обожгла его изнутри. Лицо его напряглось.

И тут вдруг снизошло! Просветление! Он понял главное, понял сразу так много, что этого не знали даже они! Все люди! Это было самое важное для них, самое важное в их жизни! Их смысл! Его смысл: смысл его рождения! Смысл всего сущего, который они так давно искали, суетясь, как слепые котята, и никогда его не находя! То, что все они понимали лишь перед самой смертью и так и не могли сказать живым. Поэтому он и был создан, чтобы сказать им это! Одну фразу. Так просто и так сложно! Это и была его великая миссия, ради которой он появился из ниоткуда. Ради которой согласился на смерть.

Он хотел им сказать, этим людям, это столь значимое для них — то, что он понял в свой самый последний миг, но уже не мог и начал медленно оседать. Он попытался в последний момент выкрикнуть это, но разрушительные силы уже добрались до его плоти.

На полу лежала груда обуглившегося металла.

Боил сидел напряженный, делая вид, что ему все равно, наблюдая за поднимающейся к потолку струйкой дыма.

— Ничто не вечно в этом мире, кроме наших иллюзий, — проговорил он, наблюдая, как дым растворяется в воздухе.

Кромптон покачал головой.

— Что тут скажешь... — сказал он, — когда от этой гребаной жизни даже железяки, и те порой сходят с ума?..

ПАВЕЛ МИХНЕНКО

ГОРЮША

может, нам его съесть?..

Никитич сокрушенно развел руками:

— Вот дурень! Ты зачем мальчика пугаешь? Он же скоро тебе вместо меня будет. Нянькой!

— Тем более что людей есть нельзя! —

нравоучительным тоном произнесла правая голова.

— Ага, нельзя! А в прошлом году?.. Туриста того настырного... Сам скушал и не подавился!

— Ну вот, опять ты за свое! — прогнусавила правая. — Договорились же не вспоминать.

— То особый случай был, — сказал Никитич, тревожно глядя на мальчика. — Случайно это вышло...

— Случайно? — растерянно повторил Ваня.

— Да он сам виноват! — хором воскликнули левая и правая головы.

— Как это, сам виноват? — криво усмехнулся Ваня. — Слишком жирный был да вкусный?

— Не-е! — протянула правая голова. — Тощий, как сушеная вобла, и совсем не вкусный.

— Тебе виднее, — съязвила левая. — В одну харю схавал!

— Да я же нас спасал! — возмущенно закричала правая, страшно вращая глазами. — К тому же, все равно в одно брюхо. Какая разница?

Горыныч демонстративно похлопал себя по животу. Мальчик без сил опустился на каменный пол пещеры.

— Ты не думай, Горюша и вправду защищался, — объяснял Никитич, мысленно браня змея за болтливость. — Он тогда только что пообедал, я ему с утра кабаргу притащил...

— Сытые мы были, — словно защищаясь от обвинения, подтвердил Горыныч.

— А мужик тот... и какая нелегкая его в наши края привела?.. Словно из-под земли вырос, я и понять-то ничего не успел, — продолжал Никитич.

— Затрясся весь, будто змея Горыныча никогда не видел, — вставила средняя голова.

Никитич сердито махнул на нее рукой, продолжая рассказ:

— Ну, а потом я и глазом моргнуть не успел, как он руку в задний карман штанов сунул...

Горыныч покивал всеми тремя головами.

— Наган у него там был, — продолжал Никитич. — Старый такой, чуть ли не с Гражданской. Выхватил, и ну палить по Горюше. Стреляет, а сам орет как резаный.

— Страшно нам было, — захныкала левая голова.

— Три раза выстрелить он успел. Два раза, видать, промазал, стрелок из него, по счастью, никудышный был, а третьей пулей он Горюше левое крыло прострелил.

Горыныч расправил крыло, под верхним суставом белел грубый шов.

— Больно! — пожаловался Горыныч.

— Кость пробил, шину пришлось накладывать, да рану леской шить.

— Ну, а потом? — едва дыша от волнения, спросил Ваня.

— А потом ничего — зажило. Летаем! — радостно ответил Горыныч.

— Да я не про крыло...

— А потом Горюша не растерялся, — смущенно отозвался Никитич. — Хвать его зубами за голову...

— Это я его!.. — просияла правая голова.

— Жевать надо было лучше, — возмущенно воскликнула левая. — Потом два дня животом маялись! На нем еще куртка была сине-половая...

— Синтепоновая! — закричала правая голова, брызгая слюной. — Извините, что я его раздеться не попросил!

Все три головы беззаботно захохотали.

— Вот так, живого человека?.. — прошептал Ваня побелевшими губами.

— У него полный барабан был, — словно извиняясь за своего питомца, пробубнил Никитич.

— Убил бы он нас, — закончил за него Горыныч.

— Все равно, — замотал головой Ваня. — Живого человека сожрали!

— Сожрали, — со вздохом согласился Горыныч.

— Взяли грех на душу, — подтвердил Никитич.

Повисла тишина. Стало слышно, как под горой журчит ручей.

— Последний он... — грустно произнес Никитич. — Пovýмидали все, этот помрет — совсем их не останется. Жалко.

— Жалко... — эхом повторил Горыныч.

— Я вот помру — ты будешь охранять его, — сказал Никитич, похлопав внука по плечу. — Наш род вот уже пять поколений его стережет. Я-то давно бы уж на покой пошел, да батя твой, язви его душу... связался с оторвами какими-то. Так я ему тайну нашу семейную и не открыл. А тебе доверяю. Добрый ты...

— А откуда он взялся, дракон этот? — тихо спросил Ваня.

— Да не дракон, говорят же тебе — змей Горыныч это!

— Какая разница?

— Вот чудак-человек! Тебя, к примеру, гориллой назвать, будет тебе разнища?

— Я имею в виду, что и дракон, и змей Горыныч, это же все — сказки, нереальные персонажи...

Ваня осекся. Горыныч кашлянул и начал демонстративно чесать себе живот.

— Сам-то понял, что сказал? — спросил Никитич. — Нереальный персонаж, говоришь? Глаза разуй!

Ваня потер шею.

— Дедуль, а сколько ему лет?

— У него и спроси.

Горыныч перестал чесаться и выжидающе уставился на Ваню тремя парами зеленых глаз. Мальчик судорожно проглотил слюну, помедлил, собираясь с мыслями. Или с духом...

Горыныч пошевелил пальцами — «ну и...».

— Черт! — выругался Ваня. — Не привык я с дракон... то есть со змеями разговаривать.

— С Горынычами.

— Хорошо, с Горынычами. Ну и сколько тебе лет?

Горыныч довольно улыбнулся всеми тремя мордами.

— О-о, я еще хоть куда! О прошлом лете триста годков минуло. Малец еще.

— Малец? — переспросил Ваня. — А сколько же вы живете? В смысле, вообще?

Горыныч засмеялся, размахивая хвостом. Грустно как-то засмеялся:

— Да как тебе сказать... Так уж повелось на Руси, что «в смысле вообще» зависит от того, когда в наших краях добрый молодец объявится...

* * *

— И откуда ты столько сказок да пословиц знаешь, Горюша? — удивлялся Ваня.

Горыныч сидел в своем углу, его левая голова мирно посапывала на плоском камне, две другие по очереди рассказывали мальчику чудесные сказки.

— Не знаю, Вань, — развел лапами Горыныч. — Само собой как-то получается.

— Выдумываешь, что ли?

— Не-е, не выдумываем мы, — сказала правая голова, — вспоминаем! Никитич говорит, сказки у нас на гине... гинекологическом уровне заложены.

— На генетическом! — захохотала средняя голова. — Вечно ты все путаешь!

— Зато сказок побольше твоего знаю, — огрызнулась правая.

— Грустно тебе, наверное, вот так всю жизнь в пещере прятаться? — спросил Ваня, усаживаясь Горынычу на левую лапу.

— Грустно, — вздохнула средняя голова.

— И скучно, — пожаловалась правая. — Мир поглядеть охота. Да что там мир... Триста лет тут живу, а даже деревню близлежащую толком не видел.

— Да чего там смотреть-то? — махнув рукой, встрял в разговор, Никитич. — Всего-то три двора и осталось: бабка Лукерья, дед Тихон — конюх бывший, да старики Муромцевы с сыном Ильюшкой. Беда у них с сыном — с самого рождения не ходит, сиднем сидит. Мальцом его в город к докторам возили, да те только руками разводили, дескать, ничего не попишешь... Не помню, как болезнь называется... Нынче-то ему уж тридцать четвертый годок пошел, а все на лавке сидит, ходить не может. Парень-то сам собой видный, хороший. Отца с матерью чтит, помогает, чем может. Мастерит все что-то из дерева да из глины. Батя его поделки два раза в год на ярмарку возит. Говорит, городские покупают, нравятся им. Бог ему в помощь...

— Не дело это... — серьезно сказал Горыныч.

— Да почему же не дело? — встрепенулся Никитич. — Делает человек, что может. И за это ему честь и хвала...

— Да я не о том, — замотал головами Горыныч. — Не дело, чтоб человек вот так всю жизнь маялся. Помочь ему надо.

— Надо, — со вздохом согласился Никитич, — да что же тут поделаешь?

— Есть одно средство, — загадочно улыбнувшись, сказал Горыныч...

* * *

Илья сидел у окна на своем любимом диванчике и мастерил деревянные свистульки. Сегодня нужно было успеть сделать тридцать штук, он обещал батю. Свистульки в последнее время на рынке шли плохо, но отец считал, что совсем забрасывать их не стоит: кто еще промысел народный сохранит? Да к тому же и ассортимент надо на уровне поддерживать.

День выдался солнечный и тихий. Легкий ветерок лениво играл кружевной шторой на открытом окне. Старики с утра разошлись по делам: отец на попутке уехал в район, хлопотать о прибавке к пенсии, а мамаша пошла в лес, собирать лечебные травы для своих отваров.

Скрипнула, отворяясь, калитка...

Илья положил инструмент, отодвинул штору и с удивлением увидел, как во двор вошли двое. Чужие. Раньше он их никогда не видел. Один — тощий и нескладный, совсем старик. Его белая козлиная бородака трепетала при каждом шаге, как потревоженная ветром паутина. Старик был в грязно-желтом, явно с чужого плеча, плаще, несмотря на жару, аккуратно застегнутом на все имеющиеся пуговицы, коих насчитывалось ровно две. Изъеденное глубокими морщинами серое лицо делало его похожим на отшельника, только что вышедшего из леса после многолетнего затворничества.

Его попутчик, напротив, был похож на праздного дачника. На нем была широкая цветастая рубашка с коротким рукавом, из-под которой выглядывал кругленький животик, на голове — нелепая панамы. Он был не больше полутора метров ростом, и лишь тяжелые мешки под глазами и землистый цвет лица выдавали в нем немолодого уже выпивоху.

Незнакомцы остановились посреди двора, с интересом рассматривая дом. Коротышка что-то сказал старику, тот равнодушно пожал плечами, кивнул. Илья высунулся в окно. Заметив его, незнакомцы приветливо заулыбались и подошли ближе.

— Доброgo здоровьица, мил человек! — поклонился седовласый старик, демонстрируя щербатый рот.

— Здравствуйте, — ответил Илья.

— Погода-то сегодня!..

— Солнечно, — согласился Илья. — А вы ищете кого-то?

— Путники мы, — по-бабьи взвизгнул коротышка. — Нам бы горло промочить с дорогом!

— Вы, никак, с госсортучастка идете? — предположил Илья.

— С него самого! — радостно закивал старик, схватив за рукав порывавшегося что-то сказать коротышку. — Прямо с самого этого... участка и шлепаем... идем, значит.

— Ну, заходите в дом, — предложил Илья. — Отдохните!..

— Некогда нам отдыхать! — снова взвизгнул коротышка. — Сюда нам по чарочке вынеси, мы дальше и пойдем.

Илья потупил взгляд.

— Сразу видно, что вы не местные, — тихо сказал он, — ничего обо мне не знаете!..

— А что это мы о тебе знать должны?! — все также раздраженно спросил коротышка. — Ты кто, Президент?

— Да, нет, — печально улыбнулся Илья, — не Президент. Просто у нас в деревне все знают, что я ходить не могу... С самого детства.

— Не можешь?! — злобно взвизгнул коротышка. — Или не хочешь?

— Ну, что ты, Петруха? — миролюбиво сказал высокий старик, положив руку на плечо своему нервному спутнику.

— А что? — закричал тот, смахивая руку. — Да ты посмотри на него! Детинушка великовозрастная, сиднем сидит. Ходить, говорит, не могу. Пусть, мол, старики-родители бегают, а я туточки посижу, свистульки деревенные поделаю!..

— Да как вам не стыдно! — едва не плача от несправедливости, закричал Илья. — Пришли в мой дом!..

— Стыдно, говоришь? — не унимался злобный коротышка. — Это тебе должно быть стыдно! А ну, быстро принеси путникам по чарке!

— Да не могу я! Русским языком тебе говорят! — дрожа всем телом, как мог, защищался Илья. — Калека я, черт меня подери!

Молчавший до этого старик вдруг сделал быстрый шаг по направлению к Илье и вскрикнул неожиданно низким и страшным голосом:

— Делай, что тебе старшие велят! Встал, пошел!..

Илья вздрогнул, заливаясь краской. Пальцы сжались в кулаки.

— Да, как вы... — вспыхнул он, и тут же задохнулся собственными словами.

— Встал и пошел! — снова закричал старик, на этот раз еще более низким и страшным голосом, так, что последние звуки перешли в гортанный рев.

Илья замер, не в силах пошевелиться. Старик продолжал кричать что-то нечленораздельное, его глаза почти вылезли из орбит, на лбу крупными каплями выступил пот. Коротышка стоял в шаге от него, не спуская злобного взгляда с Ильи.

— Ну ладно, смотрите! — воскликнул Илья, слезы досады брызнули из его глаз. — Вы хотели позабавиться?

С этими словами он ухватился руками за край лавки, отчаянно оттолкнулся и... встал на ноги.

Свирепый старик смолк. Было слышно, как в бутоне розового пиона бьется шмель, да поскрипывают под ногами Ильи старые половые доски. Илья стоял, разведя руки в стороны и слегка покачиваясь. На его лице застыла гримаса изумления, перемешанного не то со страхом, не то с восторгом.

— Ну, а я что говорил? — завизжал коротышка, подкатываясь к распахнутому окну. — Притворялся он. Чего стоишь-то, как истукан? Иди, давай!

Высокий старик судорожными движениями расстегнул плащ и без сил опустился в траву. Илья сделал шаг, покачнулся, взмахнул руками, но на ногах удержался. По щекам у него катились слезы.

— Давай, давай! — ехидно подбадривал его бессердечный коротышка. — Принеси усталым путникам по чарочке.

Все увереннее и увереннее, шаг за шагом, покачиваясь, Илья пересек комнату и скрылся в дверном проеме. Через минуту он уже вышел на порог дома, держа в трясущихся руках большой ковш с водой. На нем не было лица. Все происходящее казалось ему волшебным сном...

Коротышка стремительно подскочил к нему и, привстав на цыпочки, понюхал содержимое ковша.

— Игна-а-ти-ий! — заблеял он дурным голосом. — Этот симулянт нам воды притащил! — И подпрыгнув, как мяч, закричал в лицо ничего не соображающему Илье:

— А ну, быстро тащи самогонку!

Через час они втроем сидели за столом на маленькой веранде...

Точнее, сидели, методично опрокидывая стопочки мутного первача, только путники, а Илья все ходил и ходил взад-вперед по комнате, мысленно умоляя бога, чтобы все происходящее с ним не оказалось сном.

— Кто же вы на самом-то деле, люди добрые? — обретя, наконец, дар речи, спросил он изрядно захмелевших незнакомцев.

Высокий старик усмехнулся в бороду и ответил:

— Да, так... Калики перекатные...

* * *

Никитич, задыхаясь, вбежал в пещеру.

— Пошел! Пошел! — закричал Никитич, схватившись за бок. — Уф! Не могу, помру сейчас!.. Горюша, слышишь, пошел Ильюшка Муромцев! Своими ногами пошел!

Левая голова, мирно дремавшая на своем любимом камне, открыла глаза, заморгала, не понимая, что происходит.

— Никитич, друг ситный, ну чего ты орешь, как оглашенный? — недовольно спросил Горыныч.

— Да как же, Горюша? Чудо-то какое! Тридцать три года мужик сиднем сидел, а тут встал да и пошел. Видел бы ты, что сейчас в деревне делается. Народу набежало!.. Говорят, доктор из города приехать должен, да только чего уж теперь-то...

Горыныч понимающе покивал головами:

— Это хорошо... А мы вот сказочку интересную вспомнили...

— Горюша, ты мне зубы-то не заговаривай, — подходя ближе, ласково сказал Никитич. — Нешто я не понимаю, что твоих это лап дело? Ведь это ты пьянчуг тех городских... уж и не знаю, как сказать... заговорил, что ли? Они, видать, и сами ничего не поняли.

Никитич вспомнил, как на прошлой неделе на их тайную пещеру в лесу набрели двое невесть откуда взявшихся чужаков. Совсем близко подошли. Кем они были на самом деле, откуда пришли и куда потом исчезли, никто так и не понял. Никитич уже собрался, как обычно, выйти к ним навстречу и хитростью, а если понадобится, и угрозой увлечь подальше от этого места. Но Горыныч неожиданно сам вышел из пещеры...

Змей развел лапами, показывая, что не понимает, о чем говорит Никитич.

— Одного я в толк не возьму, чем тебе эти бездельники приглянулись? — продолжал старик. — Не мог, что ли, через меня дар свой передать? Ведь мне Ильюшка почти, как родной...

Горыныч посмотрел на Никитича тремя парами грустных глаз:

— Добрый ты, Никитич, хороший... Да только в этом деле одной доброты мало. Иногда для этого только дурачок какой-нибудь сгодиться и может. Сказки читал? Так что не обижайся...

* * *

Утреннее солнце беззаботно блесело в каплях росы. Из низин тянуло притаившимся с ночи холодом. Одурманивающе пахло сосновой хвоей и сырой землей. Казалось, еще немного — и густой, пьянящий воздух разорвет не привыкшие к ходьбе легкие...

Вот уже два часа Илья шел по лесу, с удивлением и страхом прислушиваясь к беспокойному стуку своего сердца. Старенькая отцовская двустволка болталась на плече, придавая прогулке какой-то тайный смысл, ощущение важности и завершенности. Он решил идти, не останавливаясь, пока несут его новые, незнакомые, но такие сильные и гибкие ноги. Хотелось дышать этим сказочным лесным воздухом. Хотелось почувствовать усталость, даже изнеможение. Хотелось ощутить все то, чего не довелось ощутить за тридцать три года. Нестерпимо хотелось жить...

А еще хотелось сделать что-то доброе и полезное, отблагодарить этот прекрасный мир за самую возможность вот так просто идти по лесу, ощущая на лице липкое прикосновение тонкой осенней паутины. Хотелось накормить голодного, спасти погибающего, оградить всех добрых людей от бед и несчастий.

Он обогнул колючий кустарник, легко перепрыгнул через быстрый ручей... Огромная черная пещера показалась неожиданно, словно выросла из-под земли. Илья вздрогнул, остановился. Прислушался: изнутри раздавались голоса. Он подошел ближе. Затаился.

Голоса стали громче. Сквозь тяжелый, разноголосый бас пробивался звонкий детский голосок. Слов было не разобрать, но Илье показалось, что он слышит крик о помощи. Илья осторожно стянул с плеча ружье и присел за большим валуном. Сердце тревожно забилося, словно предупреждая о грозящей опасности.

Из темноты пещеры с визгом выскочил мальчик, лет тринадцати. Легкая курточка развевалась от стремительного бега. В его широко открытых глазах Илья прочитал отчаяние и ужас.

— Помогите! — взвизгнул мальчик и стремглав бросился в кусты.

Илья приподнялся на колени. То, что он увидел в следующий момент, заставило его содрогнуться...

Страшное трехголовое чудовище, пяти метров росту, выскочило из пещеры и завертело головами, разыскивая упущенную жертву. Забило чешуйчатым хвостом, взмахнуло перепончатыми крыльями и заревело на весь лес, жутко вращая тремя парами страшных глаз:

— А и куда же это богатырь подевался? Неужто покинула его удал молодецкая?!

И чудовище захотело, так, что с ближайших кедров посыпалась шишки.

— Змей? — не веря своим глазам, прошептал Илья. — Горыныч! Да быть этого не может!

Чудовище потянуло воздух тремя носами и зарычало свирепо:

— Ага, чую, чую русский дух! Никак, добрый молодец в кустах от меня решил схорониться?

Из зарослей багульника донесся тонкий детский голосок:

— Нет меня тут...

Илья смахнул со лба холодный пот. Медлить было нельзя... Он набрал полные легкие воздуха и выскочил из-за камня, крепко сжимая в руках ружье.

Горыныч вздрогнул, как испуганный котенок, и опустил крылья.

— Оп-па... — только и смог сказать он, удивленно глядя на изготовившегося к бою Илью.

Повисла тишина. Из кустов багульника показалась голова мальчика.

— Горюш, ты чего? — позвал он. — Давай играть.

Илья сделал шаг. У него перед глазами все плыло и вращалось. Но нереальность происходящего только подогревала азарт справедливого сражения.

— Ах ты чудище трехголовое!.. — дрожащим голосом произнес он.

— Здрасьте, — растерянно отозвался змей и попятился к пещере.

Илья тяжело дышал, не сводя гневного взгляда со змея. В каких-то скрытых, неведомых доселе, уголках его души просыпался древний инстинкт.

— Не позволю тебе землю русскую топтать да людей пожирать! — истуупленно воскликнул он.

Горыныч печально склонил головы:

— Ну уж, прямо всю землю русскую я истоптал. Живого места не оставил! Да я, если хочешь знать, триста лет в лесу сижу безвылазно, каждого шороха пугаюсь. Днем, как летучая мышь, в пещере скрываюсь...

— Ты мне зубы не заговаривай, чудище поганое! — не слушая его, кричал Илья.

Кровь ударила в голову, помутив рассудок. Он вскинул ружье...

Ваня выскочил из кустов и с криком бросился на Илью.

Горыныч быстрым взмахом крыла оттолкнул мальчика в сторону, и тот кубарем покатился в мягкую траву.

В зеленых глазах змея блеснула смертная тоска...

Илья быстро прицелился и нажал на спуск. Раздался выстрел...

Звук его тревожным эхом пронесся меж вековых сосен, вспугнул стайку розовых соек, выкатился на дальний луг и, ударившись о крутой берег юркой речушки, рассыпался миллионом печальных колокольчиков.

АСЯ МИХЕЕВА

ЧАЙНЫЙ ЭЙДОС

— Говорят, Сапожников петуха купил?

— Этого еще ему только не доставало!

Эпиграф из одной хорошей книги

Сапожникова прозвали Платоном еще в технаре. За споры с философом. К нам на «электрические машины» Сапожников явился прямо из техникума, с красным дипломом и двумя одноклассниками. Так что прозвище не отлипло, а лишь обогатилось новыми нюансами. На мой взгляд, Сапожников был никакой не Платон, а обыкновенный зануда.

— Перфекционист, — поправил меня Гришка Панферов.

— Кто???

— Не зануда, а перфекционист. Э-э, помешанный на стремлении к совершенству.

— Тьфу, — сказал я.

— Ничего, освоишься, — хладнокровно сказал бессердечный Панферов, — а мысль о том, что совершенство существует, и любая вещь просто больше или меньше ему соответствует, это и есть самый, что ни на есть, платонизм.

— Платонизм — это когда влюбляешься, а тебе не дают, — возразила я, — или дают, но не стоит? Любовь без секса, в общем.

— Ты это на зачете по философии скажи, то-то будет тебе вдоволь и любви, и секса...

Панферов в гуманитарных вопросах ошибался редко. На зачете, точнее на пятой пересдаче, когда преподава совсем обессилела и попросила меня сказать в тему ну хоть что-нибудь, я вдруг вспомнил Гришкино определение платонизма, чем и спасся. Я считаю себя человеком честным — так жить спокойнее. Поэтому, добив зачеты, я отправился в Гришкину комнату, разбудил его и потащил к себе.

— Долг платежом красен, Панферыч. Послезавтра синхронные двигатели. Ты на скольких лабах был?

Панферов смотрел на меня с ужасом.

Я получил за двигатели «четыре», а Панферов — «пять». Хорошо подвешенный язык может не спасти, если подготовки ноль, но на

приличной базе творит чудеса. Гришка выбрался из экзаменационной, выдохнул «пять, Кузнецову», благодарно треснул меня по спине и вдруг прислушался.

— Плохо дело, — сказал он.

— Что?

— Платон с Копыловым сцепились. Слушайте.

Монотонный бубнеж Сапожникова за дверью внезапно прервался истерическим криком «выйдите вон!». Пауза, Сапожников бубнит быстрее и настойчивее, Копылов взывает к завкафу, Кузнецов печальным басом пыгается урезонить хоть кого-нибудь из них, Сапожников гудит все быстрее.

Две наши девочки переглянулись и прыснули.

— Дуры, — презрительно сказал Панферов, — Платону теперь семестр без стипендии сидеть.

Девочки переглянулись и решили на «дур» обидеться. Тем более, что в дверь пролез потный Сапожников, застегнул рубашку на животе, сердито сказал «четыре» и уполз в буфет отпаваться минералкой (питье покрепче он отвергал из идейных соображений). Через пару минут насекомьей старческой припрыжкой выскочил Копылов и удалился в том же направлении.

Говорят, буфетчица сумела выгнать Сапожникова с Копыловым, когда на помощь ей пришли два охранника — как-никак, в девять институту положено закрываться. Копылов умер за полгода до нашего диплома, и Сапожников защищался вообще без руководителя. Кузнецов разрешил, в виде исключения.

Я в Сапожниковском дипломе не понял почти ничего, тем более что члены комиссии во время его защиты переругались друг с другом, а моя защита должна была идти следом, и я только с тоской ждал, обняв рулон чертежей, когда ж они, наконец, утомонятся. Что защищаться после Сапожникова — борода, было ясно заранее (работать с устройствами с КПД ниже 65 % он считал ниже своего достоинства), но я — человек везучий.

После политеха я никого лет пять не видел. Работал, женился, потерял работу (точнее, на той работе перестали платить), развелся, нашел другую работу, сошелся с женой снова, и так, в общем, три раза до окончательного развода. Панферов уехал на Севера и даже прислал мне оттуда пару открыток на родительский адрес.

С Сапожниковым мы столкнулись уже в Новосибирске. Заводов, на которых можно было еще работать, по стране оставалось шиш да кумыш; разумеется, концентрация наших на этих заводах получилась повыше, чем в целом по стране. Мне назвали номер комнаты, где предстояло работать, дали пропуск и велели осваиваться. Освоение зашло прямо в дверях. Сапожников сидел, сторбившись, между кульманом с высоко задранной рейсшиной и столом, на котором стояли два персональных компьютера.

На красивом светло-сером системном блоке американского компьютера стояла здоровенная клетка с живым петухом. «ДВК» шипел и пускал по экрану синие полосы.

— Здорово, Андрюха, — поздоровался со мной Сапожников, пока я переваривал увиденное, — ты не пробовал два персональника напрямую подсоединить? А то меня эти гибкие диски замучили.

Я молча покачал головой. Петух искоса посмотрел на меня и отвернулся.

Вечером мы сидели в Сапожниковской общаге и пили чай. Петух по имени Женя разгуливал по комнате. Как выяснилось, Сапожников прикупил его, чтобы увезти матери в подарок. В тот же день из прекрасного петушиного хвоста повыпадали все приклеенные цветные перья, и петух резко потерял товарный вид. Сапожников отправился обратно на базар, без особых разговоров побил продавца (не знаю, как тот не догадался спрятаться), купил матери другого петуха, а этого оставил при себе за товарища.

На второй кружке чаю в незапертую дверь ввалился Панферов с кульком овсяного печенья.

— Ну, ты и гад, — сказал он Сапожникову, — я уж чего только не передумал, пока от проходной шел. «Зайди, понимаешь, по делу. Купи, понимаешь, к чаю». Я уж думал, ты свой узел победил. Впрочем, Андрей тоже новость стоящая.

— Да куда там, — помрачнел Сапожников, — хотя, может, с Вингородовым и победим на пару.

Вот тут и началась, собственно, работа. Ну, как я ее понимаю. Чашки и печенье упихали в сторону, и Сапожников начал метать на стол бумаги. Петух уважительно совалясь смотреть чертежи, послушно отгребал подальше ненужные наброски.

— Прямо как хороший лаборант, — съехидничал я, — только что сам не чертит.

— Женька вообще парень понимающий, — серьезно сказал Сапожников, — у меня такое ощущение, что он чертежи читает лучше меня.

Панферов подумал и веско сказал:

— А что? Не исключаю.

— Он мне раз насрал на чертеж. На казенный, с другого отдела. Я его кинулся перечерчивать — и вдруг вижу, что там ротор со станиной единым блоком начерчены.

— Чиво? — прыснул я.

— Та-аво. Единое целое. Я этот, засранный, посушил, бритвочкой помет подтер и пошел орать. Они и раньше чушь всякую слали, но все как-то по мелочи, неохота было скандалить. Ну, после этого у них завлаб каждый чертеж подписывает, прежде чем на нас кидать. Полегче стало.

Панферов похихикал и рассказал вдруг, как он встретил на Севере

самую-самую девушку, да только у той оказался жених — сын какого-то национального большого начальника. Сапожников похихикал тоже и сказал мне, что у Панферова это то ли третья, то ли пятая такая история. Я похихикал и сказал, что лучше так, чем как я. Панферов похихикал совсем мрачно и сказал, что Платон все ищет идеальную женщину.

— Нет. Просто подходящую, — миролюбиво возразил Сапожников.

— Что в сапожниковском понимании...

— Да не, — возразил я, — ты, Гришка, путаешь просто идеальную женщину и женщину, идеальную для Сапожникова. Вполне разные вещи.

Панферов задумался.

— Ты, Андрюх, где-то глубоко меня уел. Сейчас. Угу. Похоже, это моя главная ошибка. Надо будет подумать, чем женщина, идеальная для Панферова, отличается от просто идеальной. Просто идеальных-то завались. Женщины, они эйдосу женственности соответствовать всю жизнь учатся.

Петух Женя с намеком поскребся о заварник. Сапожников схватил пустой чайник и ушел.

Как мы с Сапожниковым только ни выкручивались, от индукционных токов обратного направления избавиться не получалось. Частично проблему сняло использование слоистых катушек с активным распределенным слоем, и я бы на них и остановился. Но вы ведь уже представляете себе, кто такой Сапожников.

— Ты понимаешь, теоретически возможен такой узел, в котором противотоки просто отсутствуют. Мы с тобой просто еще не додумались, как он устроен. А он есть!

— Если его еще никто не придумал, так его и нету.

— Есть! Он — идея. Как Гришка говорит — эйдос узла. А вот воплотить его...

— Платон ты опципанный, — безнадежно отозвался я, — у нас месяц остался на разработку узла, а ты пятый угол ищешь.

— Не. Я сегодня полночи не спал. Давай с никелевыми насадками попробуем?

Я покачал головой.

— Не, Сапожников. Сменой сплавов на эйдос лучше не замахиваться. Надо или кардинально узел перестраивать, или остановиться на том, что есть.

Сапожников пожевал губами и пошел к шефу отпрашиваться домой. Я поразмыслил и двинулся туда же — просить дополнительного времени.

Дополнительный срок для переработки узла нам дали, а меня даже отправили в командировку к белорусам, посмотреть, как они побеждают очень похожую задачу. Вернулся я издерганный и уставший: белорусы оказались рады и нашим хилым усовершенствованиям, у них что-то вообще дело не ладилось. Бросил вещи, помылся и потащился к Сапожникову, благо на дворе стоял вечер.

Дверь оказалась запертой, на стук отворила высокая женщина — серые глаза, пепельно-серые волосы, серое платье на гибкой фигуре, а сверху красный фартук, и руки все в муке.

— Ой, — сказал я, — извините, Бога ради. А прежний жилец, вы, извините, не знаете, куда переехал?

— Вы к Сергею? — спросила женщина, махнув на меня серыми ресницами, — заходите, они с Женей пошли прогуляться перед ужином. Скоро придут.

Я пробормотал, что лучше пойду их поищу, и выскочил на улицу. На лавке возле входа в общагу курил Панферов.

— Что, пошел Сапожникова искать? — поинтересовался он.

— Ну да.

— Не найдешь. Они где-то в парке под кустами червяков ищут, их надо с собаками выслеживать. Посиди со мной, подождем.

Я присел.

— Как впечатления? — любезно поинтересовался Панферов.

— Офигеть.

— Я вообще-то про командировку, — заметил Панферов, — но в целом с тобой согласен. Знаешь, как он ее добыл?

— Как?

— На нее Женька бросился. Не в смысле клевать, а в ножки. Сапожников его оттаскивать, так и познакомились. Вчера в ЗАГС ходили, заявление написали. Тебя Сапожников грозился свидетелем позвать.

Я только головой потряс. Петух и раньше внушал уважение, но тут захотелось пойти к нему с дарами. Язычество какое-то.

— Если б такая на меня только посмотрела, я бы... — задумчиво сказал Гришка, — я бы... Но тут не тот случай. Остается только локти кусать.

— Белая зависть не считается, — сказал я, — а для черной ты сильно гордый. Так что не переживай. Пойдем, к чаю чего-нибудь поищем.

— Она пироги печет, — образумил меня Панферов, — а вот заварки приличной у них точно нету. Пойдем, порыскаем.

Заварка в городе пропала начисто. Мы обошли десяток магазинов, приобрели в кооперативном ларьке сомнительного вида пачку с надписью «Французский чай» и потащились обратно к общаге.

Сапожников и петух были дома, Марина накрывала на стол. Французский чай оказался кстати, хоть и был не лучше среднего «грузинского с дровами», да еще ни к селу ни к городу пахивал растворимым кофе.

Сапожников горестно разложил свои последние идеи по переделке нашего узла. Панферов только глянул и отвернулся.

— Трешухание. Тут без прорывов не обойдешься, а ты все лакировку меняешь.

Я поочередно ткнул пальцем в три Сапожниковские наброска.

— А вот это белорусы даже делали, пробовали на практике погонять. В одну сторону думаем.

Сапожников прихлебнул французского чаю и скривился.

— Тоже мне, чай. Как в том анекдоте: «— Вы мне чай принесли или кофе? — А вам какая разница, если не можете различить?»

— Ага, — сказал я и потянулся, — если у узла есть эйдос, поди, и идеальный чай где-то существует?

— Ко, — твердо согласился Женька.

— А ты, брат, — сурово сказал ему Панферов, — если знаешь идейный чай, мог бы и устроить. Ты, как я подозреваю, с миром эйдосов накоротке. А чаю приличного в доме нет. Вот как так?

Марина покачала головой, собираясь что-то сказать, но в этот момент Женька распушил куцый белый хвост, высоко задрал гребень и презрительно фыркнул в сторону Панферова. Потом прыгнул на подоконник, встряхнул крыльями и выпорхнул через открытое окно.

— Твою мать, Гришка! — рявкнул Сапожников, бросаясь к окну. Мы толкнулись следом.

Женьки видно не было.

Весь вечер мы бегали по городу двумя поисковыми группами — Сапожников с Мариной и я с Парфеновым.

— Мы же сказочные персонажи с Сапожниковым, — бормотал Гришка, — только он в полный рост, а я не дотягиваю. Какой из меня поэт? Так, мечтатель. Вот и на подвиг кого послать — вечно некстати. Пропадет Женька — как я буду Платону в глаза смотреть? А ты еще говорил, что белая зависть не считается.

Женьку не нашли. Известили всех бабулек у каждого подъезда в районе, опросили все пивные компании, все парочки в парке — пропал петух. Сапожников на работе молча чертил кружки с помощью новейшей чертежной программы, Парфенов взял три дня отпуска по личным обстоятельствам и рыскал по рынкам и частному сектору.

На четвертый день мы с Парфеновым взяли еще пачку французской заварки, полкило шоколадного печенья и понуро потащились к Сапожниковым. Самого его мы встретили на лавке у входа в общагу.

— Не могу домой идти, — печально сказал Сапожников, — я ее спрошу — как? Она ответит — нету... И глаза у нее будут печальные...

— Пойдем уже, — сказал я, — Марину пожалей, сидит одна, ждет.

— Да, — встрепенулся Сапожников, — нельзя только о себе думать. Как-нибудь попробуем ее развеселить, что ли.

Марина стояла на пороге, открыв дверь настежь, и выражение лица у нее было довольно странное.

— Он вернулся, Сережа, — сказала она и заплакала.

В комнате на столе, на двуслойной камчатной скатерти, кидаящей искры золотыми нитями, высился громадный глазированный самовар. Блистали медные ручки, горделиво выгнутый кран даже на расстоянии казался горячим, из трубы, высоко поднятой над крышкой кованого узорного заварничка,

курился дымок. Россыпь полупрозрачных кусков колотого сахара тянулась от стола к окну. На краю стола, в серебряном подстаканнике, одиноко стоял стакан янтарного чая. И как пахло, ах, как пахло в Сапожниковской комнате! Нюхивал я духи, что пахли намного хуже того чая.

Женька со сдержанной гордостью кукарекнул, спланировал откуда-то сверху Сапожникову в ноги и улегся прямо на носки ботинок. Вид у него был, прямо сказать, замученный. Гребешок бледный, перья слиплись, глаза — словно пленкой затянуты. Сапожников бережно поднял петуха и устроил на спибе руки, как кота.

— А бежал бы ты, друг, к ветеринару, — сказал я.

— Закрыто все, — сказала Марина, — но идея хорошая. С утра пойдем. Сережа, давай его пока спать положим. Где гнездо?

— В столе, — стыдливо ответил Сапожников, — спрятал пока.

— Так, я сейчас его почищу. Гриша, сходи, принеси воды на чай.

— Зачем? — спросил Панферов, глядя на самовар, — он же, похоже, полный.

— Ой. Как-то боязно из него чай пить.

— Нечего. Не зря петух трудился. А еще говорят, птица нелетающая... Представляю, как это далеко, иные всю жизнь только туда движутся... А он за четыре дня в обе стороны обернулся.

Марина вытащила из ящика стола коробку с Женькиной постелью и вытряхнула ее на газетку, чтобы тряпки постирать, а опавшие перышки и всякие крошки выкинуть. На пол спланировал блокнотный листок.

Панферов быстро наклонился и подобрал его.

— Это еще что?

Сапожников глянул и покачал головой, продолжая осторожно гладить Женьку по спине.

— Это фигня. Ломал как-то голову в автобусе, придумывал всякую чушь...

— Знаешь, я Женьке больше верю. Возьми, Вингородов, посмотри внимательно, что там?

Я взял у Панферова из рук листок с криво нарисованной схемой узла.

— Придется к такому самовару чашек достойных прикупить, — задумчиво сказала Марина, — а то, что за чаепитие-то в один стакан?

Ей никто не ответил. Панферов смотрел на меня, как удав на кролика. Сапожников вдруг оторвал взгляд от Женьки и тоже уставился на меня.

— А налейте-ка мне чаю, — севшим голосом попросил я, — вообще, дайте попить, философы...

АНДРЕЙ НОВОСЕЛОВ

СПИТ КРАСАВИЦА В ГРОБУ

Принц был зол. Судя по всему, ему подсунили не ту карту. Ему обещали спящую принцессу. Одну. В тихом глухом месте. Возможно, в окружении небольшого числа спящих слуг и придворных. Ну, в крайнем случае, одного не спящего дракона.

Но это — черт знает что! Целый город каких-то бледных уродов. Похожих, как родные братья. Умственно неполноценные братья, судя по всему. Сотни, тысячи. Они бросались и бросались на него — с кривыми железками, суковатыми деревяшками и голыми руками. А он, что поделать, рубил, рубил и рубил. Теперь все его тело болело, меч выщербился, а сам он устал и был зол.

Но он добрался до центрального замка, до самой середины этого долбанного замка. Раз уж с принцессой не повезло, то хотя бы сокровищница тут должна найтись. Вот, скажем, за этими дверями, которые охраняет всего один хилый старик. Принц вздохнул и замахнулся.

— Погоди! — воскликнул старик. — Я не причиню тебе зла!

Принц остановился. Остальные обитатели этого долбанного города ничего не восклицали. Максимум хрипели — зловеще, когда атаковали, и душераздирающе, когда умирали. И это кислое зловоние отбросов и немых тел!.. Принц надеялся, что только отбросов и немых тел.

— Что это за место? — спросил он.

— А ты как думал? — удивился привратник. — Это замок спящей принцессы. Она тут, за этими дверями.

— А все эти уроды?

— Не сердись! Это только проверка. Не могли же мы пропустить к принцессе какого-то хилого самозванца, а не настоящего героя, верно?

— Я не об этом! Откуда вообще взялись эти толпы... этот город... блин!

— А... — привратник поскущел. — Понимаешь, ты не первый герой, который стремился к спящей принцессе. До тебя были другие. Десятки других, по правде говоря.

— И что с ними случилось? — принц насторожился.

— Да опусти ты свой меч! Ничего не случилось. Они добрались до принцессы.

— В смысле? Мне ясно сказали — поцеловать, и заклятие спадет!

— Им, наверное, не говорили, — вздохнул привратник. — Здоровые

жеребцы, разгоряченные победоносной битвой. Они попадали к принцессе... к нашей беспомощной спящей принцессе... — привратник заплакал.

— Что, и все они?.. — догадался принц.

— Можешь себе представить, — привратник всхлипнул и вытер нос засаленным рукавом. — Ни один не поцеловал, даже на прощание.

— Но этот город... эти люди...

— Подумай сам. Что обычно происходит со здоровой женщиной, пускай и спящей, после секса?

— Но их... вас... так много!

— Твоих предшественников тоже было много, — пожал плечами привратник. — И многие задерживались тут надолго. Времени хватает. Принцесса спит уже многие века. Но теперь, — привратник решительно вздохнул, — ты здесь, ты знаешь легенду, и все станет как надо.

Он приоткрыл дверь, сноровисто затолкнул в нее оторопевшего принца и захлопнул за его спиной. Мгновением позже из-за двери донесся приглушенный вопль.

Немаленький тронный зал почти целиком заполняла бледная туша спящей принцессы.

Да что там — настоящей королевы.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

РЕКВИЕМ ПО НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ (ПОЛНЫЙ ВАРИАНТ)

Замечательный итальянский баритон Тито Гобби в своей книге «Мир итальянской оперы» пишет: «Не могу припомнить, случались ли на свете времена, когда не рассуждали бы о «кризисе оперы». Книжки и письма, датированные давно прошедшими годами, содержат те же дискуссии об оперном кризисе. Я лично убежден, что кризис оперы родился вместе с самой оперой».

Если заменить «оперу» на «фантастику», я готов подписаться под каждым словом великого певца. Так же, как живет и привлекает людей в залы опера, несмотря на все «кризисы», фантастика продолжает привлекать читателей, кинорежиссеров и производителей компьютерных игр. В семидесятые годы прошлого века на страницах «Литературной газеты» проводились «круглые столы» с участием тогдашних корифеев жанра, участники говорили о том, что многие темы и идеи себя исчерпали, фантастика становится (стала?) литературой второго сорта, персонажи в фантастике картонные, а сюжеты повторяются, как картинки в калейдоскопе.

Был еще кризис тридцатых годов, когда лучшие фантасты (в лице А. Беляева) хотели писать о новых, фантастических по тому времени, научных открытиях, а партия, правительство и лично товарищ Сталин требовали от фантастов откликаться на «социальный заказ» и писать о достижениях народного хозяйства в эпоху индустриализации.

В середине пятидесятых возник новый кризис, когда фантасты, привыкшие писать именно о достижениях народного хозяйства, поняли, что сейчас можно и другое, недавно запретное. По-старому авторы писать могли, но это стало не нужно, а по-новому не умели.

И в девяностые годы кризис фантастики состоял в том, что по-старому, по-советски, писать уже вроде бы смысла не имело, а по-новому (как?) авторы еще не научились.

Если повспоминать, то на память придут и другие многочисленные кризисы, без которых фантастика в СССР (а потом в России) и существовать, казалось бы, не могла.

На Западе тоже без кризисов не обходилось, причины были иные, но результатом всякий раз оказывалось то, что в фантастике возникало

новое направление (поджанр) или становилось популярным направлением, существовавшее и раньше, но пребывавшее в забвении.

Иными словами, кризисы в фантастике, как, пожалуй, любые кризисы в человеческом обществе, истории, науке, приводили к выявлению новых литературных тенденций, рождению новых направлений, смене поколений авторов. И фантастика «оживала», хотя на самом-то деле она никогда, со времен своего рождения (когда это было — в древности? были ли фантастикой уже творения Гомера?) и не думала умирать, выходя из перманентных кризисов обновленной и всегда для читателей желанной.

Сейчас, однако, в российской фантастике возникла ситуация, когда речь идет не о кризисе, не о болезни, которую можно вылечить (новыми идеями, появлением новых авторов), а о смерти окончательной и бесповоротной — к счастью, не всей фантастики с ее многочисленными направлениями, охватившими всю литературу, подобно спруту. Речь идет о смерти одного, но недавно очень важного и популярного поджанра (направления, если определение «поджанр» покажется специалистам недостаточно правильным): научной фантастики (НФ). Причем, если лет еще десять назад можно было говорить о клинической смерти, из которой пациента можно вытащить в результате активных реанимационных действий, то сейчас определенно при чтении критических статей, выступлений на форумах в интернете, да и из разговоров с читателями, критиками и издателями создается впечатление, что смерть российской научной фантастики — свершившийся факт. Реанимация бесполезна и бессмысленна, тело НФ предано земле, и осталось только соорудить на том месте, где когда-то процветала научная фантастика, памятник, на котором выбить две даты — рождения (шестидесятые годы XIX века, первые романы Жюль Верна) и смерти (конец XX столетия). Научная фантастика, так много писавшая о XXI веке, сама в этот век едва вползла на трясущихся ногах и испустила дух на пороге.

В одном из интервью (<http://www.astrel-spb.ru/content/view/238/57/>), отвечая на вопрос «Как Вы думаете, какое будущее ждет отечественную научную фантастику?», Б.Н. Стругацкий сказал:

— Откровенно говоря, жанр НАУЧНОЙ фантастики (литературы о судьбах научных открытий и о перспективах науки) меня интересует не слишком. У этого жанра, без всякого сомнения, есть свои вершины и свои (блистательные!) образцы, вроде «Голоса Бога» или «Штамма АНДРОМЕДА». Но в так называемой Большой Литературе жанр этот своей ниши не отвоевал. Просто потому, что Большая литература — это, все-таки, по определению, книги о судьбах людей, а не идей (пусть даже самых поразительных).

И еще:

Связан этот процесс и с коммерциализацией издательского дела, с одной стороны, и с общим разочарованием публики в возможностях и обещаниях науки, с другой. От науки перестали ждать чуда, а ведь большинство

читателей ищет в науке не знаний, не открытий, не взрывов необычайных идей, а именно Чуда — магических знаний, волшебных открытий и самых что ни на есть доступных идей, вроде скатерти-самобранки или панацеи от всех болезней. Боюсь, что по этой именно причине будущее НФ нового расцвета не обещает.

Б.Н. Стругацкий назвал, как минимум, две причины гибели отечественной НФ. В эпикризе обычно упоминают три главных причины, явившихся непосредственной причиной смерти НФ, которая всю свою жизнь была отягощена тяжкими хроническими болезнями.

Причина первая.

Наука? Это очень сложно!

Наука, породившая в фантастике направление (поджанр) НФ, стала и виновницей его смерти. Во времена Жюль Верна и позднее, в первой половине XX века, было достаточно просто объяснить читателю и заинтриговать его самыми передовыми научными идеями. Новые идеи, предлагавшиеся фантастами, тоже были, хотя и парадоксальными, но достаточно легко описываемыми. Аппараты тяжелее воздуха, путешествия во времени, парадокс близнецов, параллельные миры, киборги, клоны — эти и многие другие идеи поражали воображение, но были понятны читателям и способствовали популярности НФ. А в наши дни как (и зачем) объяснить в литературном произведении устройство 11-мерной Вселенной, как рассказать об идеях современной молекулярной биологии, квантовой физики? Во времена Жюль Верна НФ брала на себя задачи и научной популяризации, сейчас, когда существует научно-популярная литература, читатель больше не хочет, чтобы НФ играла еще и просветительскую роль.

Иными словами, современная наука настолько сложна, что не может более быть предметом художественной литературы.

Более того. НФ была хороша тем, что авторы не просто рассказывали об уже существовавших в науке идеях, но придумывали свои, то и дело опережая науку, будоража фантазию ученых. Можно сколько угодно спорить о том, случайными ли были сбывшиеся предсказания фантастов, результат от этого не изменится: ведь были же такие предсказания, были и у Ж. Верна, и у Г. Уэллса, и у А. Беляева, и у И. Ефремова, и у Г. Альтова...

А сейчас не то что новое в науке предсказать — даже существующие идеи попробуй-ка объяснить на пальцах и, тем более, в тексте, претендующем на художественность!

На старом же багаже научных идей далеко не уедешь. Увидев в очередной раз в тексте, как персонаж НФ открывает дверь и переходит в параллельную вселенную, читатель поднимет очи горе, вздохнет «сколько ж можно» и отложит книгу. Конечно, и сейчас герои фантастики очень часто

открывают дверь (ворота, портал и т. д.) и попадают в иной мир, но подобные идеи перешли из ведомства НФ в другие поджанры: космическую оперу, боевик, даже в фэнтези.

Для НФ нужны новые идеи. Где их взять, если наука так сложна? Вот НФ и скончалась.

Причина вторая.
Наука? Ах, она бяка!

Читатель разочаровался в науке и не хочет больше читать о ее якобы великих достижениях. Действительно: «Радио есть, а счастья нет». Кто виноват? Наука, разумеется. Чем больше ею восхищаешься, тем больше она разочаровывает. Сто лет назад люди этого еще не понимали и радовались достижениям науки, как дети — новой игрушке. Но в XX веке человечество резко повзрослело (чему способствовали две мировые войны) и поняло, что наука — не только радио, телевидение, холодильники, компьютеры, телефоны и много чего еще. Наука — это также атомная бомба, новые болезни (вот не было раньше СПИДа, а появился!), реки, в которыхдохнет рыба, города, где нечем дышать. К тому же, все великие открытия в науке уже сделаны, и фантасты об этом рассказали. Что принципиально нового открыла наука в последние десятилетия? Ничего. Или такое, что никому, кроме горстки специалистов, не интересно (см. причину 1). Сами ученые говорят, что наука кончается, почитайте хотя бы книгу Д. Хоргана «Конец науки», она и на русском языке опубликована.

Еще полвека назад ученые (точнее, журналисты от их имени) обещали, что вот-вот каждый сможет слетать на уик-энд в космос. А на самом деле? Одну-единственную космическую станцию через несколько лет затопят, потому что не хватает денег на эксплуатацию. Ученые обещали новые источники энергии — где они? Бензиновые двигатели как были сто лет назад, так и остались. Ученые (точнее, фантасты от их имени) обещали если не бессмертие, то жизнь продолжительностью не менее 120 лет. И что? Недавно умерла самая старая жительница планеты, дожившая аж до 115 лет — пяти лет не дотянула до «естественного» срока.

В общем, сплошное разочарование от науки. Разве разочарованные в науке люди станут читать НФ?

Что происходит, когда читатели от какого-то направления литературы отворачиваются и перестают покупать книги? Сначала издатели перестают эту литературу издавать — спрос рождает предложение, отсутствие спроса предложение губит. А потом и авторы перестают писать — зачем же, если на издание рассчитывать не приходится?

Вот НФ и скончалась.

Причина третья.
Наука? Нет, человек!

НФ скончалась, потому что была больной от рождения, будучи внебрачной дочерью Большой литературы от ее временного союза с наукой. Из-за этого НФ страдала многочисленными болезнями, литературе не свойственными, — например, синдромом безумного рассказчика: с маниакальным упорством стремилась говорить не о человеке, а о чем угодно другом: физике, ботанике, геологии, астрономии... Из-за этой своей родовой травмы НФ никогда не была полноправным литературным направлением, поскольку смыслом литературы является человек, а в НФ главными героями были научно-фантастические идеи.

Отягощенная таким числом хронических болезней, НФ не могла прожить столько, сколько живет Большая литература. Естественно, что НФ скончалась, и надо еще радоваться, что она сумела прожить почти полтора века — нам бы столько...

А теперь подробнее.

Вообще говоря, я не очень понимаю разделения литературы на Большую (видимо, реалистическую) и Малую (фантастика, детективы, триллеры, женские романы и много чего еще). Везде есть свои вершины и свои провалы. По каким общим критериям сравнивать, скажем, упомянутый Б.Н. Стругацким «Голос Бога» С. Лема (блистательный образец НФ) и другое, тоже замечательное, произведение Большой литературы — скажем, «Легенды Невского проспекта» М. Веллера? Общее между ними, по-моему, лишь то, что оба произведения написаны словами на бумаге.

На мой взгляд, любое литературное произведение, к какому бы направлению оно ни принадлежало, нужно оценивать индивидуально, принимая во внимание особенности таланта конкретного автора и особенности жанра (направления). Никому ведь не придет в голову использовать одинаковые «мерные линейки», оценивая два таких произведения Л.Н. Толстого, как «Крейцерова соната» и «Царство Божие внутри нас», хотя написаны они одним автором и в одно время.

С другой стороны, я готов согласиться и с тем, что многие, в том числе гениальные, произведения НФ Большой литературой не являются. Свидетельство ли это качественной ущербности НФ, свидетельство ли это того, что НФ — литература второго сорта?

Вернемся к упомянутым выше «Голосу Бога», «Штамму «Андромеда», добавим к списку «Создателя звезд» О. Стэплдона, «Экспедицию Тяготение» Х. Клемента, «Плутонию» В. Обручева, да и из того же С. Лема можно выбрать еще десяток названий — «Кибериаду», «Мнимую величину», «Мир

на Земле)... В этих и многих других произведениях НФ герою-человеку действительно уделяется «неоправданно» мало места, и практически весь авторский талант тратится на рассказ о судьбах тех или иных научных идей, прозрений, открытий. Конечно, «своей ниши» в Большой литературе эти замечательные произведения не завоевали и завоевать не могли (авторы к тому и не стремились) по той простой причине, что это другой вид литературы. Можно назвать эти книги НФ-эссе, НФ-очерками или придумать специальное название для обозначения именно такого направления в НФ. Выше я взял слово «неоправданно» в кавычки именно потому, что авторы перечисленных произведений ставили своей целью показать судьбу НФ-идей, и судьбы персонажей интересовали их лишь постольку, поскольку соотносились с судьбами идей, занявших место главных героев. Герои-люди вместе с их судьбами занимали на страницах этих произведений ровно столько места, сколько нужно было авторам.

Это идет в разрез с принципами и смыслом Большой литературы? Конечно. Ну и что? В литературе есть много уважаемых жанров — очерк, эссе, трактат. Читатель волен выбрать — читать ли ему «роман о жизни» или «размышления о судьбах мира». Разумеется, оценивать «Голос Бога» в тех же критериях, что «Тихий Дон», попросту бессмысленно. Так же, как спрашивать, кто сильнее: слон или кит.

Немного отступая, скажу: меня всегда удивляло страстное стремление астрологов назвать то, чем они с тем или иным успехом занимаются, наукой. «Астрология — древняя наука», «Астрология — наука о влиянии неба на людей»... Астрологи очень обижаются, если им говорят, что их сферу деятельности можно в лучшем случае назвать лженаукой, а в худшем — занятием, ничего общего с наукой не имеющим. Видимо, слово «наука» представляется им пропуском в некий храм, куда войти могут только посвященные. Между тем, наукой астрология действительно не является, поскольку ее принципы не отвечают основным критериям — фальсифицируемости, верифицируемости и пр. Тем не менее, множество людей пользуется астрологическими предсказаниями, с упоением читает астрологические книги, знает и интерпретирует свои зодиакальные знаки. И замечательно, если это занятие помогает кому-то в жизни, привносит психологический комфорт. Да, не наука это, и что с того?

НФ, в которой главным героем является идея, а не человек, — не художественная и, тем более, не Большая литература. Согласен. Это обстоятельство как-то принижает собственную, оцененную в правильных критериях, ценность перечисленных выше и многих других произведений? На мой взгляд — несколько. Путь критики придумают для них иное, внехудожественнолитературное название. И пусть оценивают «Голос Бога» в тех критериях, какие верны для оценки произведений именно этого поджанра.

НФ — направление чрезвычайно широкое. Если на оси отложить далеко слева точку «только идеи, а человека очень мало», а далеко справа точку

«главное — человек, а идеи глубоко вторичны», то в спектре НФ можно отыскать произведения, заполняющие всю эту длинную ось.

Конечно, прав Б.Н. Стругацкий, и художественная литература (Большая, Малая, Средняя — всякая) — это книги о судьбах людей. Если бы люди жили в пустоте, на этом можно было бы поставить точку. Но человек — животное общественное, а творческого человека невозможно описать вне его дела — его идей, мыслей, разработок. Судьба творческого человека складывается в подавляющем большинстве случаев не в кругу семьи, а на его рабочем месте, каким бы оно ни было. Авторы Большой литературы часто, повествуя о жизни героя (выдающегося ученого!), ограничиваются рассказом о том, какие вокруг него плелись интриги, как его «подсжиwali» на работе, как его бросала (или не бросала) жена и так далее, не говоря (или говоря вскользь) о том, в чем, собственно, его работа заключалась. Меня такие произведения (пусть даже великолепно написанные) оставляют равнодушным, поскольку мне ничего не известно о самом главном в жизни героя. Я понимаю, что он львиную часть времени думает о своих идеях, и именно эти идеи приводят к конфликтам. Но если автор о конкретных идеях своего героя не рассказывает, как я могу верить во все остальное? «Он всю ночь думал о магнитных катушках и к утру решил...» Это — достоверность образа?

Чем в свое время «взяли» читателя романы А. Хейли? Это была бы весьма посредственная литература, если бы автор рассказывал о своих героях вне их работы. Именно потому, что А. Хейли пишет о людях на конкретном рабочем месте, его книги становятся явлением. Книги — о людях, это Большая литература. Но чего бы эти книги стоили вне конкретного производства, порождающего конфликты?

В фантастике этот фактор становится гораздо более существенным. «Двадцать тысяч лье под водой» — это о чем или о ком? Это роман о подводной лодке или о судьбе капитана Немо? На мой взгляд — конечно, о человеке, о Немо. Но чего бы роман Жюль Верна стоил без идеи «Наутилуса», без описаний (которые многим сейчас кажутся излишне длинными и вообще ошибочными) корабля и подводного мира? В спектре НФ роман занимает, на мой взгляд, положение где-то посреди оси — без Немо нет «Наутилуса», без «Наутилуса» нет Немо, и оба главных персонажа представлены настолько полно, насколько это позволял талант Жюль Верна, как литератора и выдумщика.

А «Человек-невидимка»? Это роман о явлении невидимости или о судьбе Гриффина, открывшего и использовавшего невидимость? Конечно — о человеке, о Гриффине, но чего бы стоил этот роман без детальной проработки научно-фантастической идеи? «Человек-невидимка», в отличие от «Двадцати тысяч лье под водой», в большей степени «человечен» и в меньшей степени является «романом идей», поэтому на нашей оси окажется справа от центра, хотя и далеко от того конца, где герой-человек попросту подавляет НФ-идею.

Рассказ Г. Альтова «Порт Каменных Бурь» я бы расположил на оси симметрично (относительно центра) «Человеку-невидимке». Ближе к левому концу отрезка. Да, НФ-идеи здесь, на первый взгляд, являются главными персонажами рассказа, не будь идей об управлении движением галактик, о шаровых скоплениях, как концентратах разумных миров, не было бы и рассказа. Но разве не запоминается Зорох — космический капитан, человек, персонаж, «автор» этих замечательных идей? Я очень давно не перечитывал рассказ. Возможно, перечитав, был бы разочарован, но ведь факт: до сих пор помню Зороха и его идеи. Именно в такой последовательности.

Более того, в НФ есть идеи — и идеи. Собственно, как герои — и герои. Персонажем НФ может стать такой человек, как капитан Немо. Или Гаттерас. Или Зорох. Личности, которых помнишь всю жизнь. Но есть среди героев НФ и люди «вторичные», не интересные хотя бы потому, что автор не сумел дать им характер, и персонаж получился похожим на тысячи других, известных читателю не только из НФ, но, прежде всего, из произведений Большой литературы.

С идеями то же самое. Есть в НФ идеи удивительные, новые, меняющие представление об окружающей реальности — новаторские НФ-идеи вроде Машины времени (Г. Уэллс), хроноклазма (Д. Уиндэм), мыслящего океана (С. Лем), гомеостатического мироздания (А. и Б. Стругацкие). Есть идеи (их большинство) вторичные или малоинтересные, но хотя бы свои, авторские. И есть идеи, взятые из современной науки и техники. Они тоже, будучи талантливо представлены, могут «держат» сюжет и выявлять характер центрального персонажа. Это тоже одна из точек спектра НФ — научно-популяризаторская фантастика, в советское время популярная (произведения А. Бабата, В. Комарова и др.), затем незаслуженно забытая, а сейчас возрождаемая в произведениях А. Первушина.

И так далее. Оценка конкретного произведения, непременно учитывающая все его особенности (в том числе жанровые), — дело критика. Возможно, тщательный разбор покажет — да, в этом конкретном опусе идея задавила героя, это плохо, нарушено равновесие, автор с задачей создать полноценное художественное произведение справился плохо или не справился вообще.

Но где такие критики, где такая критика? Куда проще и привычнее — навесить ярлык.

В НФ очень много произведений, где идея есть, а живого героя нет (они расположились в крайней левой точке оси НФ). Еще больше произведений, где нет ни толковой идеи, ни героя. Но это проблема не жанра, а автора. Нужно отметить, что автору, посвятившему себя НФ, талант необходим двоякий: литературный и научный. Способность создать «живого», достоверного героя и способность придумать достоверную, новую, интересную научно-фантастическую идею. Много ли таких авторов в НФ? Мало, конечно, и большая часть НФ-произведений — это средние или

плохие, а то и графоманские тексты, не отвечающие критериям ни литературы, ни науки. Но ведь и в Большой литературе именно такие тексты — средние, плохие, а то и просто графоманские — составляют большинство. Закон Старджона применим к любому виду человеческой деятельности и к любому литературному направлению. Большая литература не исключение. Возможно, закон Старджона вообще является универсальным законом природы, и применить его можно даже к тому, что создал совсем иной, гениальный Автор... Впрочем, это тема для другого разговора.

Если герой НФ получился «картонным» — не потому ли, что нет у него умной, интересной цели в жизни? Может ли быть живым персонаж-ученый, увлеченный идеей «пси-поглощения» с придуманными ad hoc свойствами? Космонавт, для которого «пси-поглощение» всего лишь возможность попасть на другую планету, может стать живым персонажем, поскольку у него главная идея — другая, вот она-то и должна быть настоящей, интересной. Желательно — новой.

Если Большая литература — о человеке, то и в НФ немало произведений Большой литературы. И именно в этих произведениях чаще всего можно найти новые, красивые научно-фантастические идеи. Персонаж не интересен без его идей, идеи не интересны, если нет героя, положившего жизнь на достижение цели.

* * *

Несколько лет назад, говоря об окончательной гибели российской НФ, я привел в качестве тестового произведения повесть С. Синякина «Монах на краю земли», получившую в последнем году прошлого тысячелетия практически все премии фэндома. Мои оппоненты пеняли мне тогда, что я не понял истинного смысла повести; фантастическая идея, мол, там глубоко вторична, это произведение об ищущем человеке — аэронавте Штерне. Судьба человека — вот главное, вот что сделало повесть замечательным литературным произведением.

Я с этим и не спорил. Конечно, «Монах на краю земли» заслужил награду. Проблема была совсем в другом.

Герой повести С. Синякина аэронавт Штерн сделал выдающееся научное открытие: Земля, оказывается, плоская и покоится на трех китах, а небо есть твердь, расположенная на высоте нескольких десятков километров. В общем (и автор не скрывает источника своего вдохновения), это описание известной картинки из средневековой книги об устройстве мироздания.

Я понимаю, конечно, что С. Синякин не собирался серьезно утверждать, что Земля — плоский круг. Это удачная, на его взгляд, метафора. Нужно было взять какую-то идею, чтобы изобразить ее в качестве открытия мирового значения. Можно было взять другую идею — мировой лед, например. Или теорию флогистона. Или еще что-нибудь столь же «выдающееся» и наукой похороненное.

Извините, но я не верю этому герою и этому сюжету (следовательно — и автору) по той простой причине, что не могу поверить в то, что это — серьезно.

Какие замечательные примеры можно найти в НФ, где герои-одиночки восстают против косности, идут вперед и побеждают (или погибают, но все равно побеждают, ибо в любом случае новое, неизведанное одерживает победу над косным, отживающим): «Мастера» У. Ле Гуин, «Стена мрака» А. Кларка, «Стена вокруг мира» А. Когсуэлла. Уж насколько абстрактнее, казалось бы, юноша Шерван из «Стены мрака», насколько он дальше от реальности, чем жизненно выписанный Штерн! Но Шерван запомнился мне на всю жизнь, и подвиг его запомнился, и идея, ради которой он пошел против соплеменников, запомнилась своей красотой и необычностью.

«Монах на краю земли» окончательно доказал: в современной российской фантастике новые идеи не нужны ни читателям, голосующим рублем, ни писателям-фантастам. Более того: новые идеи не просто не нужны, они вредны!

На мой взгляд, с тех пор (почти десятилетие прошло) ситуация не изменилась. Раньше можно было выбирать — «пациент скорее жив, чем мертв» или «пациент скорее мертв, чем жив». Сейчас ясно: пациент (российская НФ) мертв. Причины названы.

* * *

Все перечисленные причины смерти НФ, как поджанра фантастической литературы, можно назвать географическими инвариантами. На Западе разочарование обывателя в науке, насыщение НФ идеями и ее «отлучение» от «героя» наступили раньше, чем в России. Западная НФ столкнулась с этими проблемами лет 30—40 назад, коммерциализация фантастики на Западе наступила еще раньше — в тридцатые и даже двадцатые годы. Об этом писал С. Лем в своих статьях (например, в «Science fiction — безнадежный случай с исключениями») еще в начале семидесятых годов прошлого века, а затем и в книге «Фантастика и футурология». Естественно было бы предположить, что на Западе (более узко — в американской фантастике) НФ должна была исчезнуть, раствориться в других направлениях фантастики еще тогда, когда в советской фантастической литературе именно НФ была востребована по идеологическим соображениям, не зависевшим от читательского спроса. Как ни странно, при всех кризисах, которые испытывала советская фантастика и которые нашли отражение в многочисленных дискуссиях, одного из реальных кризисов она избежала в силу государственного устройства — кризиса перепроизводства, кризиса, связанного с коммерциализацией фантастики. Несмотря на все разговоры о том, что фантастика в СССР — золушка, что ее издание передано в два-три издательства, а остальные фантастику не замечают, ассортимент фантастики чрезвычайно невелик, число новинок можно пересчитать

на пальцах, — несмотря на все это, реальное отношение властей к НФ (а иной фантастики в СССР практически не было) было таким же (или почти таким же), как к Большой литературе. Фантастам позволялось даже больше, чем реалистам. Автор-мейнстримовец, слишком далеко (как показалось кому-нибудь «наверху») зашедший в критике власти, мог загреметь в лагерь (и гремел — вспомните А. Снявского и Ю. Даниэля) или «добровольно» выслан за границу (В. Некрасов, А. Галич, А. Солженицын). А. и Б. Стругацким за их гораздо более радикальные «Сказку о тройке» и «Улитку на склоне» сильно портили жизнь, отлучали от издательств, цензура свирепствовала — все так, но, к счастью, авторы остались на свободе и писали хотя бы в стол, чтобы потом, когда настали перестройка и гласность, опубликовать такие произведения, как «Град обреченный», «Гадкие лебеди», «Отягощенные злом».

На Западе же именно в те годы бушевал кризис НФ, о котором писал С. Лем и о котором ни читатели, ни авторы фантастики в СССР не имели представления.

Никто, однако (во всяком случае, мне не приходилось об этом читать), из западных критиков не объявлял о том, что НФ умерла, похоронена, процесс ее смерти необратим. Читатель и там был разочарован в науке, не видел в НФ «живых персонажей», но авторы продолжали предлагать новые научно-фантастические идеи и новых персонажей, идеи эти олицетворявших. Что примечательно — издатели и не думали отказываться публиковать НФ. Был спад, пришелся он на семидесятые-начало восьмидесятых годов и завершился появлением произведений Л. Нивена, К. Приста, а впоследствии С. Бакстера, Г. Бенфорда, Г. Игана, В. Винджа, Д. Симмонса, Т. Чана и многих других, о которых читатель в России ничего не знает, поскольку этих авторов на русский язык не переводили (под тем предлогом, что НФ умерла, читателю это не нужно, зачем же тратить деньги на перевод и издание книг, которые останутся невостребованными?). И, разумеется, все это время продолжали писать корифеи НФ: А. Кларк, Р. Хайнлайн, А. Азимов, К. Саймак (чью фантастику, возможно, нельзя отнести по форме к жесткой НФ, но произведения эти глубоко научны по духу, по мировосприятию).

В СССР (а затем в России) эволюция фантастики отставала от западной по фазе — те же кризисы и смены поколений и волн происходили с опозданием лет на тридцать. Причина была в том, что в свободное развитие жанра вмешивалось государство, тормозя процессы, которые сами по себе произошли бы гораздо раньше.

Лет десять назад, когда российская НФ находилась еще в состоянии клинической, а не необратимой смерти, нужно было проводить реанимационные мероприятия, и покойника можно было еще вытащить с того света. Зачем? Да потому, что существование в общественном сознании НФ не сводится только к наличию или отсутствию небольшого

по величине (он и в прежние времена был небольшим — в том числе, на Западе, где «расцветали все цветы») сектора литературы. Интерес читателей к НФ отражает интерес общества к науке. Падение интереса к НФ происходит одновременно с падением интереса к научно-популярной литературе. Но и это следствие, результат, а не причина процесса. Третий из упомянутых выше факторов — падение интереса общества к науке является причиной падения интереса к научно-популярной и научно-фантастической литературе.

Это очень серьезно — в конце концов, не так уж важно, что произойдет с каким-нибудь литературным направлением. Куда важнее — что произойдет с обществом, со страной, где наука не востребована, на науку не выделяется достаточно (по современным меркам) средств, не делаются открытия мирового уровня, не производятся (и даже не конструируются) самые передовые приборы и аппараты. Российские ученые предпочитают вести исследования за рубежом, а молодежь неохотно идет в науку, предпочитая изучать предметы, более практичные и прибыльные.

Когда (и если) государственная поддержка науки в России вернется хотя бы к тому уровню, какой был тридцать-сорок лет назад, тогда и можно будет рассуждать о возможной реанимации НФ — и не только НФ, но и других направлений литературы, с НФ связанных.

Обществу, государству наука не нужна — и на полках книжных магазинов очень трудно найти не только НФ, но и качественные научно-популярные книги. На «гниломе» Западе о самых последних достижениях науки пишут простым и понятным языком (вот умеют же!) такие корифеи, как С. Хокинг, Р. Пенроуз, С. Вайнберг, Д. Дойч, М. Каку, сплошь самые известные ученые, в том числе лауреаты Нобелевской премии. А в России? Когда-то научно-популярные книги писали выдающиеся ученые И. Шкловский, В. Гинзбург, Я. Зельдович, И. Новиков. Писали популярно о самом новом и передовом в науке. Сейчас нет авторов такого уровня и нет таких книг.

Научно-популярная литература разделила судьбу НФ.

Это плохо не потому, что исчезла некая область литературы, которая якобы тщилась достичь, но так и не достигла уровня «мейнстрима». Плохо — потому что НФ была зеркалом. В ней отражались реальные достижения науки, в том числе мировой. Исчезли научные достижения, исчезла научно-популярная литература, умерла НФ. Цепочка простая.

Говорят, Россия сейчас встает с колен. Замечательно. Но, вставая с колен, не затоптали бы окончательно науку, которая была когда-то гордостью страны, открывшей человечеству дорогу в космос.

Без развитой науки у государства нет будущего. С колен-то встать можно, но глиняные ноги, не поддерживаемые наукой и самой передовой технологией, быстро подогнутся.

НФ — всего лишь зеркало, индикатор. Если зеркалу нечего отражать — хорошо ли это для России?

Несколько замечаний в заключение.

Б.Н. Стругацкий прав в том, что гибель НФ связана, в частности, с коммерциализацией издательского дела. С. Лем писал об этом еще в 1972 году применительно к западной фантастике. Планка в фантастике, по мнению С. Лема, опустилась ниже плинтуса из-за того, что фантастика на каком-то этапе (на Западе это произошло еще в тридцатые годы, а у нас после развала СССР) стала литературой сугубо коммерческой, в отличие от мейнстрима (Большой литературы). И если в мейнстриме автор вынужден подтягиваться до вершин (иначе не будет хорошей критики, стипендий и премий, которые в мейнстриме имеют материальное содержание и позволяют прожить год-два, спокойно сочиняя новый роман), то в фантастике все наоборот: автор вынужден снижать планку, иначе не будет тиражей, а значит, издатель и издавать не станет. Исключения редки — С. Лем приводит в пример одного лишь Ф. Дика.

И еще. По наблюдению С. Лема, если автор начал с мейнстрима и там пробился, то он потом может написать любую чепуху в жанре фантастики, и критики будут говорить: «О, Имярек пробует себя в разных жанрах, и получается замечательно». Но если автор начал с фантастики и признан фантастом, то пусть он потом напишет гениальное мейнстримовское произведение, критики скажут: «Фантаст Имярек попытался выбраться за пределы гетто, и, конечно, неудачно». Примеры из российской фантастики известны. Большая часть последних произведений Е. Лукина имеет слабое отношение к фантастике. Если бы он изначально публиковался, как автор Большой литературы, то «Портрет волшебника в юности», «Бытие наше дырчатое», «Лечиться будем», конечно, были бы оценены критиками как замечательные прорывы автора, использующего метод фантастики в своем творчестве. Но Е. Лукин — фантаст «по определению», и критики Большой литературы его творчество попросту не замечают. В то же время о слабых, с точки зрения любого знатока фантастики, произведениях «Кысь» Т. Толстой и «День опричника» В. Сорокина критика пишет как о замечательных достижениях, прорывах Большой литературы в область фантастического...

НФ при жизни не стала частью Большой литературы. А разве могла? Или должна была?

В современном книгоиздании возник новый термин – книжный продукт. Книга, не имеющая отношения не только к Большой литературе, но к чему-то художественному вообще. Книга, над которой не только слезами не обольешься, но и мозги включать не надо, чтобы прочитать

скрытое под обложкой. К счастью, российская НФ умерла, не успев стать книжным продуктом. К сожалению, многие другие современные направления фантастики все больше приближаются к уровню именно книжного продукта.

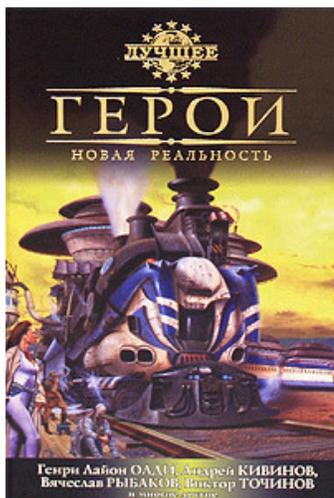
Будь НФ жива, она смогла бы противостоять этому процессу.

А теперь – что ж говорить.

Амен.

ГАЛИНА КАРГАЛЬСКАЯ

СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД

**Герои: Новая реальность. — СПб.:
Азбука-классика, 2010. — 640 с.**

Вышел в свет новый фантастический сборник «Герои: Новая реальность». Прочитав эту книгу, можно сделать вывод, что наконец-то официально утвердилось и закрепилось желание любого человека дописать или переосмыслить свою любимую книгу или фильм, придумать новые приключения, поместить героев в самые необыкновенные обстоятельства или, наоборот, бросить их в нашу обыденную реальность и посмотреть, а что же из всего этого может получиться.

И что радует больше всего — этот проект никто не называет фанфиком. Похоже, пришло время окончательно понять, что использование персонажей известных писателей — просто литературный прием, который придуман очень давно, но, почему-то, весьма незаслуженно принижается критиками и редакторами (а иногда даже осуждается). Но невозможно запретить человеку творить, и ярким подтверждением тому является сборник, который читатель возьмет в руки.

Весь сборник можно условно разделить на несколько частей: фэнтези, социальная фантастика и авантюрный жанр — именно в этих направлениях работали авторы сборника.

Самой интересной в этом проекте, как мне кажется, была задача не продолжить, а именно создать новую реальность для знакомых героев. И, как выяснилось, это оказалось самым сложным, и, к сожалению, не у всех с новой реальностью получилось.

Из тринадцати рассказов, представленных в сборнике, одиннадцать не отвечают заявленным целям. Герои действуют в прежней или псевдо-прежней, возможно, чуть искаженной реальности. В таком случае речь идет

только о развитии личности людей, описанных в исходных произведениях, и логичности продолжения их жизни и поступков. Бесспорно, не все эти продолжения удачны.

К несомненной удаче сборника следует отнести рассказ Тимофея Алешкина «Четыре друга народа». Перед нами продолжение знаменитого романа Ю. Олеши «Три толстяка». Любой взыскательный читатель останется доволен этой вещью. Автор необыкновенно точно и любовно воспроизвел стиль и манеру Олеши в подаче материала. Развитие характеров героев и сюжета достаточно логично и обосновано. Тимофеем с необыкновенной точностью описаны все перипетии и кровавое перерождение французской революции XVIII века, наполнившее Францию гильотинами и залившее ее кровью. Все здесь достоверно: и Просперо, ставший Железным маршалом (а кем он еще мог стать?), и Суок, трезво смотрящая на мир и истово верящая в правильность своего пути, и Тутти — мальчик, которого с детских лет готовили к роли правителя. Как вы думаете, что будет делать обученный и подготовленный к правлению народом человек, когда он вырастет и осознает, чего его лишили? Предсказуемо также и преобразование Тибула, который взял в свои руки управление страной (не зря на востоке говорят, что тот, кто убил дракона, неизбежно занимает его место — так и произошло). Глядя на этих людей, пришедших к власти и не знающих иных чувств, кроме мести, гнева и желания уравнивать всех в правах, стоит ли удивляться тому пути, по которому они в итоге пошли.

Особняком здесь, как и в «Трех толстяках», стоит доктор Гаспар Арнери. На первый взгляд, мягкий и нерешительный человек, описанный Олешей, ничем не напоминает того решительного и уверенного в себе человека, вождя ученых всей страны. Но нельзя забывать, что именно он не побоялся пойти в логово врага и, более того, взять с собой, на верную смерть, маленькую девочку — так что внешний вид доктора не должен вводить читателя в заблуждение, и теперешние его поступки, в свете всего сказанного, вполне естественны.

Но, как и положено, любой террор, любая власть, построенная на ушатании, в конце концов, заканчивается, потому что обескровленной, измученной стране нужна хоть какая-то стабильность. Так что, стоит ли удивляться, что после гибели главных героев власть вынужден взять человек, вышедший из стен тайного сыска, который в силу своей службы опирался на закон. Но, это не конец истории, поскольку в кармане главного героя рассказа лежит флакон доктора Гаспара, с волшебными каплями... Но несмотря на очевидную удачу рассказа, герои его живут и действуют отнюдь не в новой реальности.

В рассказах «Поединок в Лорбрульгуде» Даниэля Клутера и «Лето сухих гроз» Василия Шепетнева герои тоже действуют в привычном для них мире, но оба автора выбрали для своих произведений жанр детектива, в котором они явно не сильны. Даниэль Клутер довольствовался точным

воспроизведением мира Джонатана Свифта и все силы бросил на разработку детективных способностей Гулливера, чем не улучшил и не ухудшил этого героя. Василий Щепетнев пошел гораздо дальше, отправив Шерлока Холмса в Россию, а чтобы полностью соответствовать профилю сборника, ввел в рассказ мистическую составляющую. Сам по себе сюжет слабоват. Рассказ более-менее ценен только достаточно добротным описанием неизвестных большинству читателей исторических персонажей и точно уловленным духом викторианской Англии, именно это делает его вполне читабельным.

Особняком стоят в сборнике два сутобо социальных рассказа: «Мент обреченный» Андрея Кивинова и «Не стреляйте в демонов моря» Виктора Точинова. Оба рассказа интересны тем, что авторы не побоялись вывести героев в нашу повседневную реальность, туда, где напрочь убивается тяга к мечте и творчеству.

Читая рассказ Андрея Кивинова, понимаешь, что он знает и любит творчество братьев Стругацких, но слишком уж он увлекся описанием неспешного течения жизни провинциального городка, тем обыденным каждодневным ужасом, который в нем творится. Подача материала, которая вначале рассказа завораживает своей тягучей неспешностью и абсурдом происходящего, ближе к концу начинает вызывать недоумение. И тем острее и безнадежней финал этой истории, которую я посоветую дочитать до конца, слишком уж честным и щемящим он получился у Андрея, а появление кукловодов, которые экспериментируют над людьми, вызывает острое желание взять в руки автомат.

А вот рассказ «Не стреляйте в демонов моря» выглядит в сборнике белой вороной, в первую очередь из-за отсутствия в нем вообще какой-либо фантастической составляющей. Трудно судить, почему автор выбрал именно «Моби Дика», в котором так мало фантастики и мистики. Вероятно, потому, что в нем описано самое мистическое и самое распространенное в мире чувство — мечта, и не важно, какая это мечта и к чему ведет, главное в том, что она недостижима. Ведь все знают: чем невероятнее цель, тем она желанней, и тем выше планка, которую необходимо взять, и самым страшным для человека очень часто оказывается именно получение желаемого.

В древности, когда боги хотели показать человеку, как он неправ, они позволяли исполниться его самому заветному желанию, отнимая у него тем самым возможность творить. И рассказ «Не стреляйте в демонов моря» наглядно демонстрирует нам, что может получиться из убитой мечты.

Рассказ, бесспорно, удался уже тем, что, читая его, понимаешь: нельзя препарировать желание, счастье не сажают в клетку и не заливают формалином, чтобы не испортилось, потому что это уже все что угодно, только не счастье. И не мудрено, что самым счастливым в этом рассказе оказался «новый русский», который, волею обстоятельств не продал своего счастья, и теперь у него есть твердая уверенность, что стоит ему только захотеть, и он в любую секунду извлечет из-под своего дома клад.

Завершающим в этом перечне стоит «Прощание славянки с мечтой» Вячеслава Рыбакова. Что можно сказать, читая первые строчки рассказа ощущаешь острое чувство дежавю, а в груди возникает и разрастается холодный пузырек восторженного страха, особенно у тех, кто знаком с ярким апокалипсическим творчеством Рыбакова. Подсознательно ждешь чего-то сверхъестественного, упакованного в прагматичную обложку научного мира Ефремова... И это ожидание, увы, кончается ничем. Возможно, дело в том, что Рыбаков предложил для сборника довольно старый рассказ, написанный в момент развала страны, когда люди не знали, как жить. Именно тогда писались самые безнадежные и чернушные вещи, отражающие состояние души не одного человека, а всего народа. Однако это не спасает рассказ от банальной неудачи...

Также не создают новую реальность, а пересказывают всем известные мифы и сказки Далия Трускиновская, Ника Батхен и Владимир Арневе, но делают это так выразительно и отточено, что, читая, забываешь обо всем.

В «Бедных рыцарях» изумительно точно и очень зло высмеяны знаменитые истории о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Хвастуны и мечтатели, хватающиеся за мнимые подвиги (не дай бог сосед по столу самый хороший подвиг себе заберет!), и заботливые опекуны, которые квохчут над своими великовозрастными детишками, не давая им уйти в большой мир (а ну, как деточка поцарапается...). Чем может закончиться такая гипе-ропека? Правильно, гибелью государства и уходом самих рыцарей, изживших себя, в страну грез. Уход из реального мира в потусторонний — красивая и легкая смерть. Да уж, месть феи Морганы, хоть и прикрытая любовью и заботой, полностью удалась.

Рассказ «Белая госпожа» Владимира Арневе поднимает пласт средневековых легенд и сказок. В этой легенде, написанной в лучших традициях братьев Гримм, удивительно точно и беспощадно показана и безжалостная борьба мачехи с падчерицей, которую мачеха проигрывает благодаря ведьме-советчице, и владычица эльфов Маб, и эльфийский холм, и бал в нем, и Томас-рифмач... Кто бы мог подумать, что история Золушки так проста и сложна одновременно. Сирота узнает на собственной шкуре, каково это, следовать советам ведьмы. У нее вновь появляется мачеха, которая, вполне вероятно, свела в могилу и настоящую мать Золушки, и которая отнюдь не горит любовью к падчерице, тем более что у нее самой две дочери. А дальше все совсем просто: Золушку отправляют с глаз долой, служанкой в соседний замок, а вместо феи-крестной ей встречается владычица эльфов, которая так же дарит ей башмачки, не хрустальные, а те, которые приведут ее в холм на бал. Кстати, как только девушка покидает холм, башмачки исчезают. Если бы не влюбленный в девушку кузнец, который готов идти за ней даже в потусторонний мир, и Томас-рифмач, давший им совет ничего не есть (еда или вода загробного мира для живого человека смертельны), Золушка так и осталась бы на этом балу. А поскольку она сама, по доброй

воле пришла в потусторонний мир и приняла дары от жителей волшебной страны, то все равно оказалась связанной с ними, а подгорные жители никогда не отказывались от того, что им принадлежит.

И вот тут вновь появляются утерянные башмачки... И надевает их, как и в классической сказке, одна из сестер, за что и лишается собственных ног. Только ситуация в рассказе преломляется, словно в кривом зеркале. В знакомой всем сказке обе сестры жертвуют частью стопы, чтобы туфелька прищлась им впору, а здесь одна из них отдает ноги, чтобы снять башмачки. А в день истинной свадьбы все-таки ушедшей к эльфам Золушки обе сестры выходят к волшебному свадебному поезду (дикий гон), и, как в сказке, им выклеивают глаза, только в рассказе это делают вороны, а не голубки. Но совершенно неожиданный финал поджидает нас в конце. Кроме упоминающегося инцеста кузнеца с сестрой, что весьма символично переключается со сказкой Шарля Перро «Ослиная шкура» (ох, видать, часто грешила этим средневековая Европа), мы наблюдаем подготовку появления еще одной мачехи и падчерицы, при этом наивный отец мечтает, что его Белоснежка будет счастлива...

В добротном рассказе Ники Батхен «Слепец» тоже никакой новой реальности. Прототип Гомера живет, как и жил, в мире античной Эллады, населенной богами и царями, которые так же предсказуемы, как и сам рассказ. Почему? Наверное, потому, что кузнечика поймать гораздо легче, чем воробья, что богу, что автору. Но все-таки вещь вызывает положительные эмоции просто оттого, что каждый герой здесь логически завершен и действует в соответствии со своим характером и положением, а это, согласитесь, дорогого стоит.

Несколько обособленно в сборнике стоят еще два рассказа.

В «Острове Цейлон» Михаил Назаренко с большим тщанием и любовью описывает реальное путешествие Антона Павловича Чехова, он с необыкновенной точностью уловил самую суть чеховской природы и с неспешной вдумчивостью, очень подробно изложил на бумаге часть его знаменитого вояжа, призванного развеять скуку и возродить интерес к жизни у безнадежно больного человека. Это, может быть, и не плохо, но возникает вполне законное недоумение: а причем здесь фантастика?.. А затем, совершенно неожиданно (хоть и вполне ожидаемо), появляется какой-то мистический предмет, а также тайный агент неназванного ордена, который призван хранить или исправлять узор Колеса. Вся эта фантазмагория выглядит вполне удачно, но затем, без всякого перехода и подготовки, с момента встречи с китайцем, который служит каким-то темным владыкам, повествование резко превращается в пародию на среднестатистический американский комикс, а затем, столь же резко, все возвращается на круги своя, что, конечно, вызывает некоторое недоумение. Но, в целом, рассказ весьма занимателен и оставляет приятное впечатление после прочтения.

Очень интересен, на мой взгляд, рассказ Г.Л. Олди «Мы плывем на Запад». Столь жесткой и злой пародии на известную книгу трудно было ожидать даже от Г.Л. Олди. При внешнем сохранении мира Д.Р.Р. Толкина они сумели поставить героев в совершенно немыслимую для них ситуацию, чем неимоверно приблизили свою вещь к задаче, обозначенной на обложке книги.

Читая рассказ, так и хочется сказать известную, затасканную до оскомины старую фразу: «Все смешалось в доме Облонских!» И действительно, в этом гротескном нереальном мире смешалось все самое грязное и уродливое, от чего и уходят эльфы. Слишком уж они велики и возвышены, поэтому грязь окружающего мира несказанно раздражает и оскорбляет их. И тут, совершенно неожиданно, весь этот ужас выплескивается в Серую гавань и властно заявляет о своих правах на Запад. Но, если эльфы прекрасно знают и понимают, что, уходя из Средиземья, они, буквально, уходят в потусторонний мир, то все эти псевдоэльфы совершенно не задумываются над истинным положением дел — они думают только о том, что на Западе они смогут жить без забот, получая все и ничего не отдавая взамен. Весь этот сброд с ненстойвой яростью рвется на корабли, не понимая и даже не задумываясь, что, ступив на палубу, они перешагнут черту из мира живых в мир мертвых. И именно поэтому Элронд — мудрый эльф, в жилах которого течет и человеческая кровь, делает единственно возможный в этой ситуации выбор — он разрешает всей этой швали взойти на корабль, прекрасно понимая, каким образом загробный мир излечит неизлечимых. «...А то есть на том свете такое поганое место — Острова Блаженства называется...»

Это один из самых сильных рассказов в сборнике, который еще раз доказывает многогранность таланта авторов и их возможность легко работать в совершенно разных жанрах.

И только два рассказа полностью соответствуют задачам сборника. Авторы создали новую реальность, полностью отличающуюся от изначальных книг и, не меняя характеров и поведения героев, поместили их в совершенно новые условия. Опыт, надо сказать, удался полностью.

Интересна интерпретация «Приключений Буратино» в рассказе «Ключ к свободе» в исполнении Ярослава Верова и Игоря Минакова. Сохранены все перипетии и повороты сюжета, изменился только стиль. Что можно сказать, киберпанк — это жестко, неожиданно изящно и интересно. Выведя героев в постапокалипсический мир, убрав людей в подземные города, ученые-генетики всерьез озаботились тем, чтобы вернуть человечество обратно на землю, а помочь в этом могут только андройды.

Как выяснилось, совершенно не играет никакой роли, как назвать искусственно созданную машину, обладающую интеллектом, способностью двигаться, мыслить и чувствовать, — кукла или андроид. Говорящее полено всегда привлекает внимание, независимо от того, полено это или заготовка

для робота. И как положено, куклы оживают только у кукловода или, как в рассказе, — у генетиков. При этом, как выясняется, генетики терпят крах, андроиды получаются у них совершенно нежизнеспособные, пригодные только для самых примитивных действий, но никак не для самостоятельной активной жизни. И тем интереснее подача изгнанного генетика папы Карло, который, получив от своего друга исходную заготовку, создает модель, способную на самообучение и развитие. Кстати, в рассказе очень изящно обыгран знаменитый, вызывающий столько удивления эпизод питания Буратино: все просто — обмен веществ, построенный не на животном, а исключительно на растительном белке, делает невозможным ввести в рацион мясной компонент, отсюда и три корочки хлеба, и пирожное, и какао с огромным количеством сахара.

А вообще весь этот мир, наполненный андроидами-слугами, подпольными генетиками, шулерами и плутами, черными хакерами, мир, в котором вместо звонких монет гуляют золотые кредитные карточки, а неведомый золотой ключик ведет единственных двух самостоятельных кукол и их охранника Артемона к свободе, вызывает если не восторг, то уж удивление и восхищение точно. Точку ставит так называемый открытый финал, когда Буратино с Мальвиной уходят в дверь, которая немедленно захлопывается за ними, оставляя читателю возможность додумать все, что им хочется. Хотя, возможно, надо не придумывать, а просто внимательно вчитаться в самые первые строки рассказа, может быть, им повезло, и они вышли на землю?

Не менее интересен рассказ «Пионер и комета» Марины Дробковой и Игоря Минакова. Честно говоря, перед этим дуэтом остается только снять шляпу и раскланяться. Никогда в жизни я не могла допустить даже мысли, что героев книги о Муми-тролле можно поместить в начало XX века, окунув в перипетии революционной борьбы на Севере России.

Мягкие и наивные герои Туве Янсон весьма органично влились в мир русского Севера. И в новом мире они остались добрыми и доверчивыми, ищущими в людях только хорошее и не желающими видеть в них плохое. Как и положено пионерам, Муми-тролле с друзьями готовы идти в огонь и воду ради торжества науки, а их друг и учитель Снусмумрик готов помочь им в этом от всей души. Именно поэтому, когда встает вопрос о доставке ученых в запретную зону, дети соглашаются быть проводниками, поскольку уверены, что ничего плохого с ними случиться просто не может, особенно, если рядом взрослые. Но взрослый — это не всегда защита, более того, присутствие в экспедиции ученых Тофсла и Вифсла как раз и ставит все предприятие под угрозу, но узнают они об этом уже далеко от дома.

Поход в мертвый лес — это вновь дорога к границе между миром живых и мертвых, поэтому совершенно естественно, что именно здесь их догоняет Морра. Неожиданно «холодная» и равнодушная Морра, с глазами без выражения, в присутствии которой замерзает земля (очень точное описание

Смерти), становится сотрудницей органов внутренних дел. И встреча с этой дамой не сулит экспедиции ничего хорошего. Хотя ну кого они могли встретить в точке межмирья?.. Но Морре не везет. Когда она уже считает, что получила желаемое, она, как и положено силам разрушения, переигрывает себя, попавшись на старый как мир прием — неточности формулировки. Так и хочется сказать: «Читайте первоисточник, господа». И так же совершенно естественно, что, получив желаемое, Морра уходит именно вглубь погибшей мертвой части леса, а учитель, движимый жаждой знаний, уходит с инопланетянином в другой, высший мир (вот что значит встретить в нужном месте, в нужное время нужного человека). А дети? Дети остаются на перекрестке трех миров, они видят открывшиеся им на несколько секунд дороги, ведущие в такие разные места, но принять и выбрать свой путь они еще не могут. Слишком малы пионеры, слишком мал их жизненный опыт, именно поэтому они возвращаются на дорогу своего знакомого и привычного мира.

Из всего вышесказанного вытекает весьма логичный и приятный вывод: несмотря на то, что не все авторы смогли найти новую реальность для своих героев, проект, несомненно, удался. Даже самые слабые из опубликованных в сборнике рассказов несут в себе достаточно удачных идей, чтобы привлечь и удержать читателя. Объем проработанного авторами материала, на основе которого они создавали свои произведения, вызывает законное уважение и восхищение.

Поэтому, дорогие читатели, увидев на прилавке магазина книгу «Герои. Новая реальность», не проходите мимо, купите и получите удовольствие.

Симферополь, март 2010 г.

ИЛЬЯ СУХАНОВ

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ НУКТ

Олег Серегин.
Доминирующая раса. —
СПб.: Лениздат,
«Ленинград», 2005. — 400 с.

Обжегшись пару раз на воде, я начал с большой опаской поглядывать на молоко. Одно сочетание «молодой» и «галантливый» вызывает рефлекторное желание отбросить книгу подальше. Тем приятней ошибиться.

Роман Ольги Онойко «Доминирующая раса», выпущенный под псевдонимом Олег Серегин в 2005 году, чудесный пример того, как молодой автор и на поле, изрядно потоптанном сотнями писателей, среди которых были мэтры вроде Орсона Скотта

Карда или Энн Маккефри, может выступить, по меньшей мере, достойно.

Начало, однако, не предвещало ничего особенного: далекое будущее, человечество, дорвавшееся до космоса и неожиданно для себя столкнувшееся там с недружелюбной инопланетной цивилизацией Ррит. А дальше по «Линии грез» Лукьяненко или «Звездам в ладонях» Олега Авраменко, поражения, поражения, а затем череда блистательных побед до тех пор, пока человечество не становится доминирующей расой в Галактике. Враги ютятся в резервациях, люди берут все, что видят, и т. д. Ну, а залогом победы стало использование в качестве оружия представителей инопланетной фауны — нукт, больше всего напоминающих больших ящериц. С одним из них телепатически связана/запечатлена/инпринтингована (довольно тяжело подобрать нужный глагол) главная героиня. Получившаяся связка очень эффективно работает, откусывая вражеские головы, нанося меткие удары хвостовым шишом. В смысле экстрим-операторы руководят, а нукты пускают в ход когти, зубы и хвосты, изничтожая всяческих бяк. Несмотря на то, что война закончилась довольно давно, не все пока спокойно

в Галактике. Что-то мутят недобитые рриты, на Земле пополняются ряды «поведенчески альтернативных членов общества» (не очень тонкая авторская шутка по поводу политкорректности), к власти стремятся, не гнушающиеся самых ... эээ ... гнусных методов политики, ну, а в довершение всех прочих несчастий, кто-то нелегально пытается заполучить самку нукт для разведения. Отдам должное Ольге, думаю, что искушение передать решение всех этих проблем одной главной героиней было очень велико. Но Янина скорее невольный участник происходящих событий, их свидетель, а не активная сторона. Чего стоит хотя бы финальная битва земного флота, которая оказывается за кадром книги, что без сомнения вызовет чувство жесткого облома у всех любителей космических баталий, из-за ранения главной героини. Но повторюсь, на мой вкус такой подход, скорее, плюс, чем минус. По крайней мере, не банальная мясорубка в вакууме. К плюсам бы я отнес и трогательное, но не слезливо-сентиментальное описание отношений между нуктами и экстрим-операторами.

Но не будем забывать, что это первая книга и поговорим о неизбежных ляпах. К сожалению, я так и не нашел объяснение почему абордаж — наше все. Неужто в далеком будущем придется сходитьсь врукопашную, полагаясь на скорость реакции и силу мышц, а не на каких-нибудь отдаленных потомков программы «Звездные войны»? Какие-то нелады и с физиологией нукт, всеядные существа в младенчестве могут питаться исключительно плотью матери, однако чудесно появившийся спаситель Янины каким-то образом сумел и сиротой выжить, и вырасти в диком лесу. Ну, что тут скажешь, вот такие они — дети богов из машины. Доставила мне пару чудесных мгновений и реинкарнация старинного анекдота про столкновение всепробывающих мечей и ничем непробываемых щитов, к счастью, без более современного дополнения о катастрофических последствиях для рынка спиртных напитков. Так как же можно зафиксировать человека, получившего неограниченные мускульные возможности? Автор сумел найти поражающее свежестью решение: «Пока что я лежала в синтетических петлях, которые не могла порвать даже искусственно усиленными руками». Не могу обойти вниманием и русский вопрос. Итак, русские к времени действия романа практически исчезли, но это им не помешало быть самой многочисленной нацией на одной из человеческих планет, в большом количестве становиться в ряды экстрим-операторов и, вообще, встречаться почти на каждом шагу в космическом флоте. Это не единственный пример невнимательности Ольги. Сравним начало книги: «вообще-то нукты не виляют хвостом, он у них не для этого. Но кто-то из мастеров нашел на улице бродячего пса и пустил в питомник. Вот смеху было». К середине романа собака как минимум раздвоилась и стала постоянным обитателем: «Все земные нукты виляют хвостом, когда им что-то нравится. Потому что в питомнике живут... жили собаки».

Зато относительно благоприятно обстоит дело с языком. Автор довольно уверенно ведет рассказ, без каких-то бросающихся в глаза огрехов. Пожалуй, единственная претензия, которую можно предъявить, это изредка возникающая нерешительность в описаниях. Странно, вроде ведь хватает обратных примеров («...когда плотные тучи отпрянут от остро заточенного лезвия Йинд-Тхир, и небо усыпят светила...» или «тонкий, рассеянный, словно акварельный, сладкий аромат»), но иногда по непонятной причине Ольга останавливается и как будто не договаривает.

Ну, и пара слов для любителей гамбургского фаст-фуда. Для дебюта роман хорош. Большую часть огрех и ошибок можно легко вычистить при переиздании. Приятно, что в книге нашлось место не только для приключений, но и для мыслей о человеческой природе. Откровений и глубины ждать не стоит, но автор не сочла читателей круглыми идиотами. Есть надежда на ее светлое будущее.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ДЛИНА, ШИРИНА, ГЛУБИНА

Булгаковский Корovieв, желая поразить Маргариту возможностями своего ведоинства, вскользь поминал о власти шефа над пятым измерением, позволяющей расширить ординарную квартиру на Садовой до черт знает каких размеров. Современный Голливуд, конечно, не адская канцелярия: возможности еще не те, однако свободный выход за пределы двух люмьеровских измерений вкупе с техникой компьютерной анимации уже сегодня приносит свои плоды (не только финансовые). Мир стал вытуклым, почти осязаемым. Пока это чудо доступно, по преимуществу, в кинозалах, однако уже через несколько лет оно переместится в квартиры... и тогда, наконец, Голливуд возьмет за следующее измерение — номер четыре.

Другой глобус

Есть такой анекдот. У старого раввина просят привести несколько доводов в защиту обрезанья. Ребе надолго задумывается, а потом произносит:

«Ну, во-первых, это красиво...» Фильм Джеймса Кэмерона «Аватар» (Avatar, США — Великобритания, 2009, 162 минуты) был снят за 240 миллионов долларов и собрал во всем мире свыше двух миллиардов, вызвал яростную полемику между кинокритиками (некоторые из них увидели в картине бездну смыслов, а некоторые — вообще никакого смысла). Этот фильм, который вернул массового зрителя к технике 3D, непременно останется в истории мирового кино по многим причинам. Главная — потому что он невероятно красив. В 1995 году у Кэмерона уже был готов сценарий, но не было технической возможности осуществить замысел именно так, как было угодно режиссеру. Пришлось ждать почти полтора десятилетия,

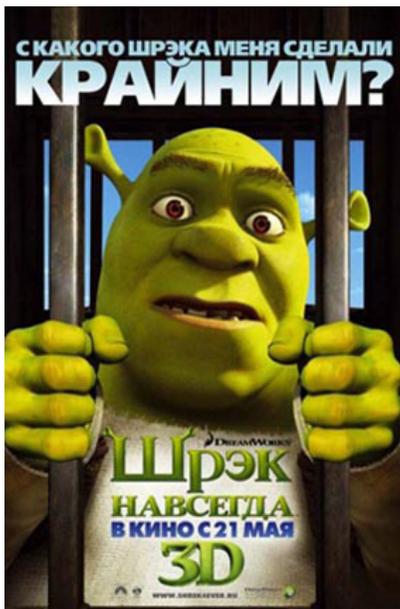

пока обкатают технологию motion capture («захват движения»: актер, облепленный датчиками, играет на фоне синего экрана, а компьютер потом выстроит то, что надо, в том числе и дорисует облик героя). Пришлось ждать, когда будет разработана технология Reality Camera System и докажут свою состоятельность цифровые камеры высокого разрешения (а для съемок в формате 3D их нужно две). Пришлось терпеть, когда кинотехника дойдет до такого уровня, когда швы между живой съемкой (40 % материала «Аватара») и компьютерной графикой (60 % материала) будут совершенно не видны... И лишь тогда и только тогда начались съемки о событии на планете Пандора, удаленной от Земли почти на четыре с половиной световых года и, тем не менее, необходимой Земле по причине залежей ценнейшего минерала анобтаниума. Разработкой этого полезного ископаемого занимается компания, филиал которой на Пандоре возглавляет мистер Паркер Сельфридж (Джованни Рибизи), и именно эта компания платит земным ученым во главе с доктором Грейс Аугустин (Сигурни Уивер). Дело в том, что над месторождениями минерала живут, как на грех, огромные синекожие аборигены из племени на'ви; если мадам Аугустин сумеет использовать «аватаров» (то есть сделанных по образу и подобию аборигенов эдаких биокуклол, куда можно подсадить сознание землянина), чтобы уговорить племя уйти, прекрасно. Если нет, тоже не страшно: цель, мол, оправдывает средства, и в дело вступит военная техника полковника Майлса Кварича (Стивен Лэнг). Главный герой фильма, бывший десантник, а теперь неходячий инвалид Джейк Салли (Сэм Уортингтон) попал на планету лишь потому, что занял место погибшего брата-ученого. Но именно Джеку, с его военным опытом, дана возможность спасти от тотальной жадности корпорации и самих аборигенов, и весь уникальный мир планеты, где местные жители, растения, животные (в том числе и драконы) связаны в единую систему... Сценарий написан грамотно, все вовремя развешанные сюжетные «ружья» стреляют, а гуманистический посыл авторов сомнений не вызывает. Однако и сюжет, и идею, и актерскую игру (она весьма неплохая, несмотря на отсутствие голливудских звезд первой величины) едва ли бы кто-то заметил, если бы не потрясающая, безупречная до мелочей проработка «вещной» сути мира, куда попадает главный герой. Этот мир, углубленный магией 3D, настолько ярок и достоверен, что многие зрители приходили на этот фильм по нескольку раз — лишь бы переместиться из реальности в киношно-компьютерную фантазию. Пожалуй, никогда до «Аватара» кино не было столь откровенной формой эскапизма — бегства от действительности, в буквальном смысле на «другой глобус». Картина номинировалась на 9 «Оскаров», а получила три — но именно за то, что превратило просто добротное кино в Событие: за операторскую работу, за костюмы и за визуальные эффекты. Кэмерону, правда, статуэтку не дали, но это уже не имело никакого значения. Все равно он победил.

Эй, зеленый, выходи!

Создатели фильма «Шрэк навсегда» (Shrek Forever After, США, 2010, 93 минуты, режиссер — Майк Митчелл), то есть четвертой серии приключений зеленого Огра по имени Шрэк,

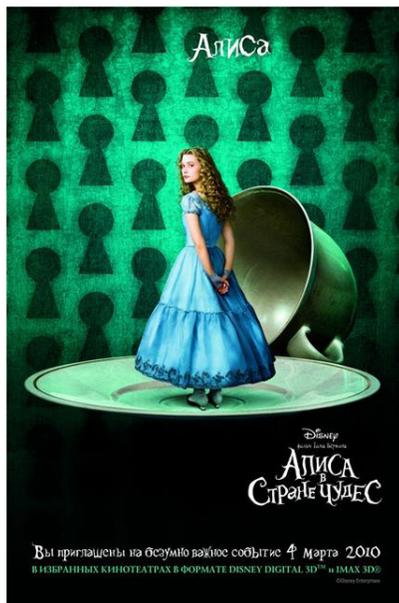
уже пообещали, что это часть (снятая в формате 3D) станет и последней. Конечно, пути Голливуда неисповедимы: бокс-офис прикажет — наснимают еще хоть вагон и маленькую тележку серий. Однако логика сюжета подсказывает, что для финальной точки именно четвертый фильм был бы в самый раз. Поскольку он, частично возвращая зрителя как бы в начало всей истории, ее эффектно закольцовывает. Модный в литературной фантастике прием «альтернативной истории» работает без сбоев, и мы, словно зрители второй серии «Назад в будущее», опять переживаем уже знакомые сцены, но только с иной точки зрения и с опять непредсказуемым финалом. Фильм начинается с того, чем обычно сказки завершаются: семейной идиллией. Очень скоро выясняется, что

присказка «они-жили-долго-и-счастливы» на практике не вполне работает. Пока Шрэк с Фионой переживали опасности, все было замечательно. Когда же любовная лодка мягко вошла в залив быта, похожего на бесконечный День Сурка, стало уже не так весело. И когда пучина рутины готова была поглотить зеленого огра, тот взмолился: Господи, помоги вернуть прошлое хоть ненадолго! Но Бог не откликнулся, зато откликнулся мелкий (в смысле размеров) колдун Румпельштильцхен. В сказке братьев Гримм этот негодяйчик пытался отжать королевское дитяtko, пользуясь некорректно составленным договором. В фильме одноименный тип тоже подсовывает Шрэку бумагу, обещая ченч: любой день из огровского прошлого в обмен на день прежней беспроблемной жизни. Слишком поздно зеленый здоровяк понимает, что у него отнят день его рождения, а значит, в новом мире никакого Шрэка нет вовсе... Вернемся опять к фантастическому сюжету «Назад в будущее». Там героям не раз и не два приходится в буквальном смысле отвоевывать у будущего право на свое существование. Однако у Шрэка гораздо меньше времени и почти нет шансов: его бывлые друзья Осел и Кот не имеют о нем понятия, а Фиона не собирается ни с кем вступать в брак. И что можно сделать всего за несколько отпущенных ему

часов?.. Разумеется, в финале колдуна ждет позор и заключение в клетку (впрочем, у братьев Гримм он вообще разорвался на две части), а героев — хэппи-энд и мораль в двух частях. Первая: не следует будить лихо и следует ценить данность, потому что при иных обстоятельствах все может быть гораздо хуже. Вторая: при подписании важных документов надо всегда внимательно читать текст, напечатанный мелким шрифтом. Иначе вы рискуете проснуться, черт знает в каком времени. Или не проснуться вовсе...

Юная леди против Бармаглота

Когда голливудский фильм снимается, например, по комиксу, у которого масса фанатов, продюсеры вплоть до тест-просмотра находятся в состоянии перманентного страха: на них вполне может обрушиться массовый гнев поклонников оригинала, которые засыпят киношников претензиями в неаутентичности. Мол, и Человек-Паук какой-то не такой, не паучистый, и Фантастическая четверка не очень фантастична и совсем не оправдала надежд... Еще страшнее, когда режиссер берет в оборот классическую вещь с многовековым бэкграундом. Ясно, что апгрейд необходим (время изменилось), и ясно, что инициатива будет наказуема (оригинал всем известен и каждый второй — специалист). Вот и после выхода фильма Тима Бертона «Алиса в Стране Чудес» (Alice in Wonderland, США, 2010, 108 минут) режиссер попал под огонь критики интеллектуалов, причем критики этой можно было бы легко избежать, если бы, допустим, режиссер не прикрывался кэрролловским названием, а назвал бы свою картину «Приключения Алисы», или «Алиса выросла», или «Алиса и Безумный Шляпник», а в титрах нейтрально указал — как это обычно в Голливуде пишется — «с использованием персонажей Льюиса Кэрролла». Нечто подобное в свое время сделал Стивен Спилберг, который назвал кино о возвращении взрослого Питера Пэна в Неверленд «Капитан Крюк» — и тем самым сразу очертил необходимую дистанцию между сказкой Барри и фильмом. В картине Бертона в Страну Чудес тоже путешествует Алиса не юная, а выросшая, девятнадцатилетняя (Миа Васиковска). В тот момент, когда девушка должна объявить о помолвке с совершенно не интересным ей лордом, девушка прыгает в кроличью нору и оказывается в мире, где она уже

вроде бы была в детстве, но совершенно этого не помнит. И до тех пор, пока и сама героиня, и ее старо-новые друзья поймут, что Алиса все-таки «та», она будет перемещаться по сказочному пространству и с любопытством неофитки заново знакомиться с Безумным Шляпником (Джонни Депп), злобной узурпаторшей Красной Королевой (Хелена Бонэм Картер), ее приспешником Валетом Червей (Криспин Гловер), мудрой гусеницей (в оригинале — голос Алана Рикмана), Труляля и Траляля (Мэтт Лукас), идеально-белоснежной Белой Королевой (Энн Хэтэуэй), Чеширским Котом (Стивен Фрай, а на русском — бесподобный Александр Ширвиндт) и др., и др. В финале же, когда Алиса, подобно Нео из «Матрицы», ощутит себя Избранной, она оденется в доспехи, возьмет меч и срубит голову Бармаглоту (озвучивал Кристофер Ли). В этом месте всякий маститый кэроловед в испуге затопает ногами. Ну да, чудище это, как и некоторые персонажи, прибились к здешнему сюжету из «Алисы в Зазеркалье» — так что поделаешь? Среди героев Кэрролла, как ни крути, до обидного мало злобных чудищ (настолько мало, что иногда «чудищем» называют там даже саму Алису). Впрочем, будем откровенны: романтических героев в оригинальной сказке тоже немного, и потому-то на героическую должность авторы делегировали Безумного Шляпника. В конце концов, разве сумасшествие не есть нормальное качество для романтика?.. Многих смутил финал, где Алиса, разделавшись с Бармаглотом и отвергнув притязания нелюбимого лорда, страдающего запором, решает заняться бизнесом и уехать из Англии в Китай. Почему в Китай? Кое-кто решил, что русскоязычные зрители просто стали жертвой скаредности прокатчиков. Будто бы для каждой страны, где «Алиса» должна была демонстрироваться в формате 3D, был снят отдельный финал, греющий национальные чувства зрителей. В Испании героиня отправлялась в Испанию, в ЮАР — на юг Африки, и так далее. Неужели российские прокатчики решили сэкономить и вместо версии, снятой для России, купили более дешевую, китайскую?..

ОЛЕГ СИЛИН

КРЫМСКАЯ ВОЛНА

Отчет о II Романном семинаре под руководством Г.Л. Олди и Андрея Валентинова

Как и любое большое мероприятие, II Романый семинар под руководством Г.Л. Олди и Андрея Валентинова начали готовить заблаговременно — еще прошлой осенью. Столь длительный срок подготовки связан со снятием ограничения,

установленного для участников семинара 2009 года. Тогда потенциальный семинарист не должен был иметь публикаций в крупной форме. Теперь же принять участие в отборе на II семинар мог любой автор, предоставивший произведение объемом от 8 до 18 авторских листов.

Отборочный этап закончился 31 декабря. Из 55 работ было отобрано 14 романов и повестей — по 7 в группу

Весенний Партенит

каждого из мастеров. Авторы этих произведений и составили костяк семинара. Впрочем, вольнослушателем в Партенит мог приехать любой желающий. И вот с 13 по 20 мая состоялась большая встреча на партенитской «Эльбе».

В первую очередь поражает географический размах мероприятия: участники приехали из самых разных уголков бывшего СССР — от Ивано-Франковска и Гродно до Перми и Ташкента, и от Санкт-Петербурга до Ялты. Более тридцати человек собрались, чтобы провести неделю под

Семинаристы

теплым крымским солнцем, жадно впитывая как его лучи, так и новые знания, которыми щедро делились мастера.

Участники разместились в небольшой частной гостинице «Санрайз», полностью забронированной исключительно под нужды семинара. Вольнослушателей определили на квартиры.

Занятия начались без раскочки — в первый же день. Проходили они в поселковой библиотеке, что уже само по себе сразу создавало рабочую атмосферу. В день, как правило, рассматривались два произведения. Сначала участники сами разбирали работы друг друга, потом вступали мастера. Одни традиционно вели занятия в более театральной манере, Валентинов — в более академичной.

Следует отметить, что перед семинаром не стояла задача «научить писать». Целевая аудитория семинара — авторы, уже умеющие излагать мысли, и делать это неплохо. Потому мастера, скорее, обеспечивали условия для последующего качественного скачка. Большое значение уделялось системному подходу к произведению, принципам достоверности мира, героев и событий, вопросам саморедактуры и азам работы с издательствами.

Вместе с тем организаторов и мастеров приятно удивил уровень подготовки самих участников.

Благодаря стенограммам I Семинара, разборы молодых авторов приобрели системность и стройность, и по уровню порой не уступали анализу мастеров. Кстати, стенограммы I Семинара в виде литературных бесед опубликованы в «Реальности фантастики» в номерах 10—12 за 2009 год и 1—3 за 2010 год.

Помимо крупной формы на семинаре было уделено внимание и малой. Каждый участник — семинарист или вольнослушатель — мог привезти с собой несколько рассказов. Писатели Антон и Елена Первушины, представлявшие журнал «Полдень XXI век», непосредственно на семинаре

Мастера

проводили отбор рассказов для представления редактору «Полдня» Б.Н. Стругацкому. Принципам отбора в журнал и общим вопросам, связанным с рассказами, было посвящено отдельное мероприятие.

После разбора всех поступивших текстов группы объединились и состоялись заседания по общелитературным вопросам, на которых мастера делились опытом работы с текстами и издательствами.

Не забывали участники и об отдыхе. Программа была составлена таким образом, чтобы между мероприятиями оставались зазоры, и можно было сходить на море, взобраться на знаменитый Аю-Даг или побродить по парку санатория «Крым». Состоялся импровизированный вечер музыки, на котором Олег Ладыженский, Тим Скоренко и все желающие исполняли песни на свои и чужие стихи.

Завершился семинар праздничным банкетом.

Официальные итоги семинара

При условии минимальных доработок рекомендованы к публикации романы Нины Цюрупы «Человек человеку», Натальи Егоровой и Сергея Байтерякова «Остракон», Тима Скоренко «Сад Иеронима Босха», Ольги Денисовой «Черный цветок», повести Дмитрия Лукина «Сфера» и Натальи Лесковой «Марсианин».

Антон и Елена Первушины отобрали для последующего рассмотрения рассказы Натальи Егоровой и Сергея Байтерякова «Дело папы Карло», Олега Силина «Девушка целевой мечты», Тима Скоренко «Слово мальчика Мишко» и «Удивительная история Эллы Харпер», а также Ника Средина «Кровопийца».

Однако самый важный итог семинара заключается не в количестве предложенных к публикации работ. «Партенитовка» продолжает традиции знаменитых семинаров в Дубултах и Малеевке. В отличие от конвентов, где основной упор делается на неформальном общении и развлечениях, семинар — мероприятие сугубо рабочее. Достаточно сказать, что на веранде гостиницы в перерывах между официальными занятиями и по вечерам участники продолжали говорить о литературе. Партенитский семинар направлен на формирование поколения молодых авторов, умеющих писать и любящих это делать. После семинара практически все участники горели желанием немедленно сесть за компьютер и творить.

Не исключено, что через несколько лет критики заговорят о «партенитской школе» или «партенитской волне».

Фотографии автора.

НОВОСТИ — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ХОРОШИЕ

Nebula Awards

15 мая 2010 года на мысе Канаверал во Флориде, в отеле «Хилтон Кокоа Бич» вручили очередную порцию одной из самых престижных фантастических премий — **Nebula Award**. Видимо, близость места, откуда стартуют к небесам огромные тяжелые штуковины, оказалась заразной, поэтому все действие транслировалось в интернете. Победителями стали

- ✓ Паоло Бачигалуши с романом «Девушка ветра»
- ✓ Кейдж Бейкер с повестью «Женщины Нила Гвинна»
- ✓ Юджи Фостер с короткой повестью с длинным названием «Грешник, пекарь, баснописец, священник; Красная маска, черная маска, джентльмен, зверь»
- ✓ Кидж Джонсон с рассказом «Шплюпка».

Премия Рея Брэдбери за лучшее драматическое представление досталась «Району № 9» Нила Бломкампа и Терри Татчелла.

Премия имени Андрэ Нортон получила Кэтрин М. Валенте за «Девочку, которая проплыла всю Волшебную страну на судне собственной конструкции» (похоже, в этом году были модны длинные названия).

Джо Холдемман удостоился звания **Гранд-мастера**. Нил Баррет стал **Автором Эмеретусом**. Чайна Мьевиль получил **Премия имени Артура Кларка** за роман «Город и Город». Традиционная премия состоит из гравированной таблички и денежной части в фунтах стерлингов, равной году вручения. В этом году футов было 2010.

Премии «Интерпресскона-2010»

С 6 по 9 мая 2010 г. под Санкт-Петербургом прошел очередной «Интерпресскон». Лауреатами премий конвента стали:

Премия «Интерпресскон» (вручается по результатам голосования участников конвента):

- ✓ Крупная форма — Михаил Успенский, «Райская машина»
- ✓ Средняя форма — Вячеслав Рыбаков, «Стажеры как предчувствие»
- ✓ Малая форма — Евгений Лукин, «Чичероне»
- ✓ Сверхкороткий рассказ — Алексей Мазалев, «Встреча»
- ✓ Дебютная книга — Илья Те, «Тюрьма для Господа Бога»

- ✓ Критика и публицистика — Николай Романецкий, «Тринадцать мнений о нашем пути»
- ✓ Художник (иллюстрация) — Антон Ломаев.
- ✓ Художник (обложка) — Сергей Шикин.
- ✓ Издательство — «Ленинградское издательство» (СПб).

Премия «Бронзовая улитка» (присуждается лично Борисом Натановичем Стругацким):

- ✓ Крупная форма — Яна Дубинянская, «Глобальное потепление»
- ✓ Средняя форма — Михаил Назаренко, «Остров Цейлон»
- ✓ Малая форма — Марина и Сергей Дяченко, «Император»
- ✓ Критика и публицистика — Николай Романецкий, «Тринадцать мнений о нашем пути»

Премия журнала «Полдень, XXI век»

- ✓ Художественная проза — Сергей Синякин, «Младенцы медника»
- ✓ Нон-фикшн — Евгений Лукин, «Недоразумения длиною в двадцать лет».

«Аэлита-2010»

С 19 по 22 мая в Екатеринбурге прошел фестиваль фантастики «Аэлита» — один из старейших фантастических конвентов на постсоветском пространстве. На нем были вручены разные премии разным людям.

Андрей Лазарчук стал лауреатом главной премии конвента — «Аэлита».

Премии имени Ивана Ефремова удостоили ответственного секретаря журнала «Полдень. XXI век» Николая Романецкого.

Премией имени Виталия Бутрова отметили главного редактора издательства «Лениздат» Александра Сидоровича.

А премии «Старт», которая совершенно очевидным образом вручается за дебютную книгу, наградили Илью Те.

На конвенте состоялся конкурс короткого рассказа, победительницей стала Наталья Дерябина.

Вспаханы очередные литературные нивы

В п.г.т. Партенит, что в Крыму, с 13 по 20 мая прошел Второй литературный семинар под руководством Генри Лайона Олди и Андрея Валентинова, целью которого является помощь молодым и талантливым авторам в овладении азами литературного мастерства. Судя по всему — помогли. Теперь осталось ждать результатов этого вспомоществования в виде изданных хороших книг.

Дилейни вошел в жюри Национальной Книжной премии США

Вся новость в одной строчке. Но до чего ж интересно, что из этого получится!

И о книгах

Во французском издательстве «Rivière Blanche» вышла в свет книга «Dimension Russie» («Русское измерение») — антология современной русской фантастики. В нее вошли произведения Павла Амнуэля, Марины и Сергея Дяченко, Генри Лайона Олди, Андрея Лазарчука и Михаила Успенского, Юлия Буркина и других авторов. Составители — Виктория и Патрис Ляжуа.

В «АСТ» вышла очередная часть вампирской эпопеи Лорел Гамильтон — «Кафе лунатиков», а также «Черные крылья Бога» Дмитрия Лекуха и «Миллиардер-2. Кн. 2. Арктический гамбит» Кирилла Бенедиктова.

В «Армаде» вышли книги «Огненный след» Александра Воробьева, «На пороге Тьмы» Андрея и Марии Круз, «Только хорошие умирают молодыми» Алексея Гридина, «Убийца Эльфов» Ростислава Марченко, «Западня для нечисти» Елены Малиновской, «Добрим словом и пистолетом» Сергея Ковалева, «Выйти замуж за эльфа» Татьяны Андриановой, «Дети Судного Часа» Александра Рудазова, «Звенья одной цепи» Вероники Ивановой, «Хочу остаться собой» Николая Воронкова, «Год крысы. Путница» Ольги Громько, «Чисто семейное дело» Юлии Федотовой и «Хроники Рыжей» Татьяны Устименко. Пожелаем сил их читателям.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 6 (82), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» – 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.